

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Исторический факультет УдГУ

Дербин Евгений Николаевич

ИНСТИТУТ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ
НА РУСИ IX — НАЧАЛА XIII ВЕКА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Ижевск
2007

УДК 94(47)''9/13''
ББК 63.3(2)411-332
Д 36

Рецензенты: В.В. Пузанов, к.и.н, доцент Удмуртского университета; И.Г. Шишкин, к.и.н., доцент Тюменского государственного университета.

Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 268 с.

ISBN 978-5-7029-0301-9

© Е. Дербин, 2007
© Издательский дом «Удмуртский университет», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Институт княжеской власти в домонгольской Руси в отечественной историографии XVIII — начала XIX века	11
§ 1. Представления об институте княжеской власти на Руси в исторической науке первой половины XVIII века	11
§ 2. Проблема института княжеской власти на Руси в историографии второй половины XVIII — начала XIX века	21
ГЛАВА II. Институт княжеской власти в Древней Руси в отечественной историографии XIX — начала XX века	41
§ 1. Концепции развития княжеской власти на Руси в отечественных исследованиях 20—30-х гг. XIX века	41
§ 2. Изучение власти древнерусских князей в историографии середины — второй половины XIX века	62
§ 3. Отечественная историография конца XIX — начала XX века об институте княжеской власти в Древней Руси	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
Примечания	165
Список источников и литературы	223
Список сокращений	267

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об институте княжеской власти на Руси IX — начала XIII века является одним из ключевых в отечественной историографии. От того или иного его решения зависит трактовка характеристики социально-политического строя Древней Руси, особенностей российской политической традиции. В этой связи особую значимость приобретают историографические исследования, позволяющие осмыслить и обобщить результаты накопленных научных исследований. Без этого невозможно дальнейшее полноценное изучение древнерусских политических и общественных институтов. Особого внимания требует дореволюционная отечественная историография, переосмысление которой еще далеко не завершено, несмотря на ее огромное влияние на развитие постсоветской исторической науки.

Таким образом, в центре внимания предлагаемой монографии лежит проблема власти древнерусских князей, как она представлена в дореволюционной отечественной историографии. В ее рассмотрение традиционно входит достаточно широкий круг историографических вопросов: происхождение и эволюция княжеской власти; ее природа и характер, то есть положение и значение в обществе и в системе политических органов; функции и объем власти древнерусских князей; ее преемственность или замещение; междукняжеские отношения. Изучение такого сложного и важного института древнерусского государства и общества в историографии, конечно же, невозможно без пристального внимания и к представлениям об общественном и государственном строе Древней Руси в целом.

Проблематика, рассматриваемая в монографии, частично уже находила свое отражение в целом ряде работ. Во-первых, в общих трудах по истории дореволюционной исторической науки в России. Такие труды периодически начинают появляться с середины XIX века, когда идет складывание историографии в самостоятельную научную дисциплинуⁱ. До этого времени она разрабатывалась эпизодическиⁱⁱ. Для данного исследования историографические очерки и обзоры исторической литературы,

созданные в XVIII — первой половине XIX века, носят лишь справочно-библиографический характерⁱⁱⁱ. Качественный скачок в деле разработки отечественной историографии произошел благодаря работам С. М. Соловьева^{iv}. Дальнейшее систематическое исследование истории этой науки производилось в лекционных курсах и отдельных трудах И. В. Лашнюкова, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, В. О. Ключевского, Н. П. Загоскина, П. Н. Милюкова, М. В. Довнар-Запольского, Д. И. Багалея, А. С. Лаппо-Данилевского^v. В них были заложены основные представления об историографических направлениях, даны оценки крупнейшим историческим трудам по истории Древней Руси, выявлены концептуальные теории ведущих историков, в том числе и по проблеме княжеской власти.

Системное исследование отечественной историографии в советское и постсоветское время дало много нового как в общетеоретическом плане, так и в рассмотрении конкретных периодов, направлений или индивидуальных концепций историков. Проблеме института княжеской власти на Руси уделялось соответствующее внимание, когда речь касалась анализа основных трудов по древнерусской истории^{vi}. Вместе с тем, накапливались общие представления об историографии вопроса, которые, несомненно, влияли на специальную историографическую литературу по истории Древней Руси.

Из историографических работ, непосредственно посвященных древнерусской истории, необходимо выделить те, которые так или иначе затрагивают изучаемую проблему. Так, В. В. Пузановым достаточно полно рассмотрены вопросы княжеской собственности, хозяйства, торговли, доходов, как они представлены в дореволюционной отечественной историографии^{vii}. Поэтому данная проблематика практически не затрагивается в исследовании, если только это не вызвано логикой изложения историографического материала. В монографии М. Б. Свердлова, посвященной изучению общественного строя Древней Руси в русской исторической науке, рассмотрены отдельные аспекты проблемы княжеской власти в связи с проблемой феодализма в отечественной историографии^{viii}. Систематизированный авто-

ром материал в своей основе помогает представить остроту борьбы различных точек зрения, но не дает полной картины по исследуемому вопросу. Это же касается историографических очерков К. А. Соловьева, в которых изучается проблема легитимации княжеской власти^{ix}.

Наиболее ощутимые результаты в деле историографической разработки института княжеской власти в Древней Руси были достигнуты во всевозможных введениях к собственно историческим сочинениям по древнерусской истории, а также в немногочисленных статьях, напрямую посвященных изучаемой проблеме. Несмотря на краткость и неполноту выводов, в них зачастую дается правильный акцент на главные направления в исследовании власти древнерусских князей в дореволюционной отечественной историографии^x. Вместе с тем, этот вопрос еще не становился предметом специальной работы и широко не рассматривался.

Изучение института княжеской власти в Древней Руси в дореволюционной отечественной историографии хронологически охватывает период с XVIII по начало XX века. Исходной точкой является, соответственно, эпоха становления исторической науки в России, «когда освободившаяся от провиденциализма историческая теория соединяется со знанием исторических фактов»^{xi}. Конечной — переломная эпоха, связанная с революционным процессом 1917 г. В это время происходили существенные перемены как в сфере методологии и философии истории, так и в организации научной деятельности, а также в приоритетных способах и областях исторического познания. Все это непосредственно повлияло на исторические представления и понятия, в том числе об институте княжеской власти в Древней Руси.

В монографии выделяются следующие основные этапы в дореволюционной историографии рассматриваемой проблемы:

1. XVIII — начало XIX века — время господства рационализма в методологии и философии истории; преобладание историков-любителей и деятелей, связанных с Академией наук (в большинстве своем выходцев из-за границы); приоритет об-

щих курсов по истории России, где главное внимание уделялось представителям верховной власти;

2. XIX — начало XX века — время господства классического идеализма и позитивизма; преобладание университетско-академической науки; приоритет монографических исследований, где, в большинстве своем, элемент политический и государственный в истории России имел первостепенное значение. Лишь в конце данного периода, с распространением экономического материализма, возникает пристальное внимание к социально-экономической стороне исторического процесса.

Необходимо заметить, что данная периодизация, как всякая другая, достаточно условна и будет иметь дополнительные внутренние рубежи. Однако она вполне позволяет логически сгруппировать материал, отвечает поставленным задачам и отражает смену общих взглядов как в целом на историческое развитие России, так и на развитие института княжеской власти в Древней Руси. К этому следует добавить еще то, что некая преемственность во взглядах отечественных историков на каждом из историографических этапов достаточно очевидна, ибо научная база любых исследований основывается не на пустом месте.

Предлагаемая работа основана на широком комплексе историографических источников, накопленных отечественными историками. Это, прежде всего, научные труды в любой их форме (монографии, лекции, статьи, тезисы, выступления, рецензии, наброски) по исторической, историографической, источниковедческой, археологической тематике, так или иначе отражающие процесс изучения института княжеской власти в дореволюционный период. Одновременно необходимым является использование работ по истории государства и права России, философии истории, обществоведению, экономике. При этом естественно, что основное внимание уделялось тем произведениям, которые оказали наибольшее влияние на разработку рассматриваемой проблемы или же представили оригинальные, своеобразные выводы. Взгляды авторов этих трудов составляют генеральную линию в ходе изложения историографического материала.

Вместе с тем, и компилятивные работы крайне важны, как показатель распространенности определенных идей.

Кроме того, для репрезентативности исследования важным является любая общественно-политическая литература, содержащая необходимые данные для отражения изучаемого предмета в истории общественной мысли, сопровождающей историческую науку. Для полноты историографической картины учитывались также научно-популярная, биографическая, учебная, справочная и библиографическая литература.

Основополагающим для данного исследования является хронологический метод. Это объясняется, главным образом, целью работы: выявление основных тенденций развития изучаемой проблемы в историографии. В хронологическом изложении рассматривается движение научной мысли с точки зрения смены концепций, взглядов, идей в их периодической последовательности. Устанавливается цепь историографических фактов, как связанных генетически друг с другом, заимствованных, так и новых.

Выявление закономерностей развития и движения исследуемой проблемы в эволюции исторической науки предполагает помимо хронологического метода использование в совокупности с ним и других, дополняющих его методов. В частности, таких, как проблемно-хронологический метод, помогающий глубже понять, освоить особенности действия отдельных историографических фактов; метод периодизации, позволяющий обнаружить решающее направление развития научной мысли на каждом новом отрезке «историографического времени», выявить новые явления внутри действующих и выступающих им на смену историографических пластов. Для установления причинно-следственных связей, преемственности в историографии применяется ретроспективный метод. Однако необходимо учитывать, что исторические работы прошлого принадлежат своей эпохе и несут на себе ее сильные и слабые стороны. Поэтому, чтобы не злоупотреблять в оценке их с точки зрения современных требований, используется сравнительно-исторический метод. Для полноты историографической картины нельзя пройти мимо сис-

темного метода, который включает рассмотрение проблемы в системе со всеми составляющими историографию: особенностями творчества историка, деятельность научных и учебных центров, периодическая печать и др. Наконец, методы перспективности и актуализации помогают определить перспективность некоторых изучаемых направлений и ценность определенных научных знаний для нынешнего и будущего времени^{xii}.

Характер темы и основополагающий метод определили структуру работы. Монография состоит из двух глав, соответствующих предложенной историографической периодизации, которые в свою очередь делятся на параграфы, более подробно отражающие этапы разработки проблемы в дореволюционной отечественной историографии. В заключении подводятся основные итоги и перспективы исследования, прилагается список использованных источников и литературы.

ГЛАВА I

ИНСТИТУТ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

§ 1. Представления об институте княжеской власти на Руси в исторической науке первой половины XVIII века.

Первая половина XVIII века — период становления исторической науки в России. В это время были созданы первые научные учреждения и светские учебные заведения, где уделялось внимание и преподаванию отечественной истории; появились научные кадры ученых-историков; выходили специальные периодические издания; печатались исторические сочинения, основанные на критике источников и рационалистической теории^{xiii}.

Ведущее значение в деле перехода от разрозненных исторических знаний к исторической науке в России, бесспорно, принадлежит ученому-энциклопедисту и видному государственному деятелю В. Н. Татищеву, который трудился над своей «Историей Российской с самых древнейших времен» во второй четверти XVIII века. В эпоху же преобразований Петра I история только высвобождалась от огромного влияния средневековых исторических построений. Что мешало появлению труда, подобного татищевскому, в начале века? Почему новые исторические теории, созданные в петровскую эпоху, «не соединились с живым материалом подлинной истории»^{xiv}? Во-первых, не было специально подготовленных людей (вспомним пример Федора Поликарпова)^{xv}, для этого нужно было время и научно-учебные центры, которые появляются позже. Во-вторых, сильное религиозное влияние (почитание Библии), да и старая летописная традиция еще не изжили своего значения в восприятии современников (вспомним слова Дмитрия Ростовского)^{xvi}, а произведений иного типа было явно недостаточно. Первая печатная книга по истории России, известный «Синописис» второй половины XVII века и его многократное переиздание, вплоть до 1836 г.^{xvii},

напрямую говорило о нехватке других печатных российских историй. В-третьих, прагматизм Петра Великого требовал от авторов, в первую очередь, сочинений о современных процессах. Отсюда появилась целая группа работ, освещавших петровский этап отечественной истории, протекавший на глазах самих авторов. Это были «Журнал или Поденная записка (Гистория Свейской войны)», «Рассуждение» П. Шафирова, труды Ф. Прокоповича, Б. Куракина и многие другие, некоторые из которых до нас и не дошли^{xviii}. Сказать, что Петра I и его современников не интересовала история России предшествующих эпох, конечно, нельзя. Однако множество примеров, свидетельствуя об этом интересе, распространяют его не далее XVI века, или древнейшего времени (вспомним опять того же Федора Поликарпова)^{xix}. Объясняется это тем, что нужно было дать либо идеологическое обоснование политики абсолютизма, либо понять его происхождение.

Таким образом, история Древней Руси как бы выпадает почти совсем из поля зрения нарождающейся исторической науки в России первой четверти XVIII века. Притом до этого времени она обрастала целым комплексом искажений первоисточников (особенно в этом постарались польско-литовские хронисты XV—XVI веков). Так, в упомянутом «Синописе», который составляет, по мнению П. Н. Милюкова, «исходный пункт историографии прошлого века», то есть XVIII-го, и, в то же время, выступает «как резюме всего, что делалось в русской историографии до XVIII столетия»^{xx}, важны всего два момента в истории Древней Руси, на чем и акцентируется внимание. Это крещение Владимира Святого и принятие Владимиром Мономахом царских регалий^{xxi}. Выбор главных сюжетов (религиозного и монархического) в угоду московскому самодержавию понятен. Вполне был прав П. Н. Милюков, когда писал, что «историкам XVIII века, учившимся по Синопису и проникнутым его духом, предстояла, прежде всего, задача — разрушить Синопис и вернуть науку назад, к употреблению первых источников»^{xxii}. К этому замечанию необходимо добавить лишь одно: абсолютизировать влияние только учебника XVII века не стоит, ибо были и

другие не менее тенденциозные средневековые работы того же направления. В частности, схематизм «Сказания о князьях Владимирских», «Степенной книги», «Истории» Ф. Грибоедова и прочих трудов^{xxiii}. Стоит подчеркнуть, что без должного в науке уяснения истории начального периода отечественной государственности невозможно было построить целостной историко-научной конструкции развития России, объединявшей рационалистическую теорию и проверенные факты. Вместе с тем, без этой конструкции сложно понять и воспринять историю Древней Руси и ее государственных институтов, среди которых княжеской власти принадлежало одно из ведущих мест.

Предпринятые в первой четверти XVIII века подобные попытки явно не удалась^{xxiv}. Более того, до нас дошел лишь один полноценный исторический труд этого времени, освещающий весь период тогдашней истории России. Это известное «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева, долгое время приписываемое, по ошибке его первого издателя Г. Ф. Миллера, князю А. Я. Хилкову. Завершенное в 1715 г. и изданное только в 1770 г. «Ядро Российской истории» бытовало во многих рукописях, трижды переиздавалось и, несомненно, имело большое значение для последующих сочинителей истории России. Какова же историческая конструкция в нем? Какие представления об институте княжеской власти Древней Руси содержатся в этом труде?

Прежде всего, необходимо согласиться с мнением многих историографов, что «Ядро Российской истории» — это сочинение нового для отечественной историографии типа^{xxv}. В нем есть и элементы критики источников, и элементы градации материала по тематическому принципу, и ссылки на различную историческую литературу, и дискуссии по разнообразным вопросам, и целенаправленность написанного, и элементы рационализма. Однако это всего лишь элементы, наукообразность, нет целостного научного подхода. Периодизация истории России, предложенная А. И. Манкиевым и исходящая из разделов книги, конечно, также явление новое, но не совсем осознанное. Информация, интересующая нас, содержится в первых трех разделах из

семи. Начальный период отечественной истории у автора представлен от «произведения народа русского» до «призвания трех князей из варяг на владение»^{xxvi}. Второй период — от «самодержавства Рурика» до «раздоров князей русских, перенесении начальнейшаго престола русского во Владимир чрез Андрея Боголюбского» и оканчивается правлением «начальственного российского владетеля Всеволода Юрьевича по наследственной черте»^{xxvii}. Третий период — от «владения сынов Всеволодовых во Владимире, пришествии первом татар на те, где ныне живут места, и о разорении Руси от Батия» до середины XV века (свержение татаро-монгольского ига и падение Царьграда под натиском турок)^{xxviii}. Данная схема почти целиком повторяет взгляды средневековых книжников (летописные своды XVI века, «Степенная книга», «Хроника» М. Стрыйковского, «Хроника» Ф. Сафоновича, «История» Ф. Грибоедова, «Синописис» и др.)^{xxix}. В ней главными выступают три момента: национальный, религиозный и монархический. Последний из них, в связи с изучаемой проблемой, наиболее важен. Это непрерывная линия развития самодержавной монархии с Рюрика до «татарского ига». Причем владетельных князей-«правителей россияне изстари над собою имели», — считал А. И. Манкиев. Их происхождение ведется от легендарного Мосоха. Они, имея «подданных себе иных князей, которых в воеводы и полководцы своих войск употребляли», «всяк на своем уделе долгое время порядочно и великолепно владычествовали даже до времени последних из той крови и наследия Мосохова князей Осколда и Дира», убитых Олегом. Это на юге Руси, где Киев «по времени был стольный город и глава самодержавства русского»^{xxx}. «На северной России... россияне... образ гражданства имели демократической, и жили всяк по своей воле». «Новгородцы многие веки жили общиною, и правили своими землями и уезды». Несовершенство демократических порядков, согласно А. И. Манкиеву, привело к раздорам, и Гостомысл предложил призвать князей, которые бы правили (владели) из Варяжской земли. Пришли три брата, происходящие от Пруса, двоюродного брата римского кесаря Августа, и основали три княжения, со старейшинством Новгорода.

По смерти братьев Рюрик стал «северной России самодержец», от него «пошли князи и владетельные государи руские, которые безпрерывным порядком крови наследственной на престол Всероссийском и главном самодержавственном наследовали даже до смерти царя Феодора Иоановича, последнего из сей крови русского самодержца»^{xxx1}. Дальнейшее изложение истории Древней Руси, таким образом, ведется автором по порядку наследственного правления князей Рюриковичей — самодержавных монархов.

Самодержавная монархия, по А. И. Манкиеву, наиболее совершенная и приемлемая для России форма правления, и это понятно. С одной стороны, на него влияли исторические представления московских книжников, с другой — социально-политические условия современной ему страны — складывание абсолютизма. Опрокидывание современных взглядов на власть в прошлое — обычное явление для отечественной историографии XVIII века, да и не только для нее. Знаменитая легенда о принятии Владимиром Мономахом царских регалий тоже признавалась А. И. Манкиевым. Для него Владимир Всеволодович — венчаный царь всея России^{xxxii}. Появление удельных княжеств, которые приобретались, по мнению историка, различными способами (наследием, завещанием, войной, раздачей великим князем или дележом между союзными князьями), не разделило Киевской монархии^{xxxiii}. Лишь при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо «престол всероссийский» был перенесен во Владимир, т. к. в Киеве, считал А. И. Манкиев, «не по наследству, но силою князи побочные добивались» главного русского княжения^{xxxiv}. Упадок монархии на Руси наступил только после татаро-монгольского нашествия, полагал он.

Столь подробное рассмотрение представлений А. И. Манкиева о княжеской власти Древней Руси объясняется тем, что они единственные дают более полный взгляд на характер историографии проблемы в начале XVIII века, когда начинается отечественная историческая наука. И хотя представления историка в значительной мере отражают еще старые кон-

цепции, свойственные средневековым историческим трудам, но способы подачи материала говорят о большом потенциале.

Соединить новую историческую теорию рационализма с научной разработкой отечественной истории первому удалось В. Н. Татищеву. Создание монументального труда по истории России стало делом его жизни. Годы упорного труда (1720—1740-е) увенчались многотомной «Историей Российской с самых древнейших времен», опубликованной лишь после смерти автора (М., 1768—1784. Т. 1—4; СПб., 1848. Т. 5). Кроме этого выдающегося сочинения важно рассмотреть и общественно-политические работы В. Н. Татищева, отражающие его взгляды на проблему княжеской власти в Древней Руси. В частности, это «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» (1730), «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733), «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» (1745).

Рассматривать весь комплекс историософских представлений первого русского историка не входит в задачу исследования, да и нет в этом необходимости при подробном их изложении в историографической литературе^{xxxv}. Отметим лишь, что, представляя себе ход социально-политического развития России, В. Н. Татищев исходил из популярной тогда теории естественного права и общественного договора. Опираясь на труды Г. Гроция, С. Пуфендорфа и Х. Вольфа, он ставил в основу общественного строя естественный закон, заложенный в самой природе человека. По нему люди вынуждены вступать в сообщества. Первое из них — это семья. Уже в ней возникает принцип господства и подчинения, то есть власть. В этом естественном объединении власть принадлежит главе семьи. Размножение семей приводит к образованию рода. В этом сообществе власть устанавливается посредством договора сородичей и предоставляется старейшине. Вместе с тем, для управления и сохранения внутренней и внешней безопасности развивается в городах и государственная власть. Из отцовской в семье она разрастается, опять же посредством договора, до масштабов власти в целом

государстве^{xxxvi}. Исходя из классификации Аристотеля, «порядочная» форма правления в государстве может быть — демократия, аристократия, либо монархия. В. Н. Татищев, являясь убежденным монархистом, считал, что для такой обширной страны как Россия наиболее приемлема монархическая форма^{xxxvii}. Всей своей историей он доказывал закономерность именно сильной монархической власти в России.

Исходя из этой изложенной концепции, В. Н. Татищев строил периодизацию отечественной истории. Первый период охватывает события до начала «обстоятельной» русской истории и повествует о древних народах на территории России. Второй — «от владения Рюрика или смерти Гостомысла, последнего владельца от рода славян, то есть от 860-го, до нашествия татар в 1238-м году». Третий — «от пришествия татар до опровержения власти их и восстановления древней монархии первым царем Иоанном Великим», с 1238 по 1462 г. Следующий этап — «от возобновления монархии до возшествия на престол царя Михаила Феодоровича рода Юрьевых-Романовых, то есть от 1462 до 1613 года», — так и остался незаконченным в изложении В. Н. Татищева^{xxxviii}. Эта схема не отличается большой новизной, но основывается и разрабатывается уже на научных основаниях и научными способами. При этом немалая зависимость историка от легендарной Иоакимовской летописи не может умалять огромной работы В. Н. Татищева над источниками^{xxxix}. Что же касается исторической теории, то сочетание в ней рационализма с элементами провиденциализма — вполне нормальное явление для того времени, когда происходил процесс секуляризации сознания. В том же ключе можно рассматривать и летописную форму работы В. Н. Татищева, и стремление заменять древние термины современными ему понятиями. Здесь для автора выступают одновременно элементы традиционализма, модернизации и практицизма.

Итак, представления о развитии института княжеской власти в Древней Руси связываются у В. Н. Татищева с развитием монархии. В главе 45 — «О древнем правительстве руском» — «Предъизвещения» к своему труду, и в самой работе, где изло-

жение ведется по правлениям великих князей, он следующим образом раскрывал данный вопрос: «О власти русских государей довольно ясно из древних иностранных и наших историй видим, что предки наши, от грек именуемые обще скифы, в котором славяне и сарматы заключались, всегда имели самовластных государей... и чрез много сот лет ненарушимо содержали, ...видим, что Русь и поляне в Киеве особых владетелей имели»^{xl}. Эти древние князья «не по выбору, но по наследию возводились», считал историк. Затем Гостомысл, «не имея мужескаго наследника, яко благоразсудный государь, опасаясь междоусобия, и не имея сына, повелел внука, дочерня сына, призвать», то есть Рюрика (по мнению В. Н. Татищева, из Финляндии)^{xli}. В. Н. Татищев решительно отвергал версию происхождения древнерусских князей от Пруса и Августа^{xlii}. При нем начинают бытовать вызванные политико-культурной ситуацией пресловутые норманизм и антинорманизм. Далее историк замечал, что «варяжский Рюрик, наследственно и по завещанию престол русский прияв, наипаче самовластие утвердил, которое до кончины Мстислава-Петра Великого, от его дел именованного, ненарушимо содержалось»^{xliii}. Любое проявление народной воли (вечевой деятельности) В. Н. Татищев рассматривал либо как общенародный совет князю, либо как мятеж^{xliv}. Хотя великие князья «немало удельных князей под собою имели, но их в довольном страхе яко подвластных содержали, и наследие престола шло порядком первородства или по определению государя... По кончине же оного Мстислава-Петра Мономахова сына, все оное чрез междоусобие наследников разорилось; князи, бывшии прежде под властью, так усилились, что великого князя за равного себе почитать стали... И тако учинилась аристократия, но беспорядочная»^{xlv}. Для междукняжеских решений созывались «сеймы»^{xlvi}. В наследии столов «никакого порядочного учреждения не было», полагал В. Н. Татищев, то есть наследник определялся различными способами: «по завещанию ль государя, или по старшинству рода государскаго, или по определению народа, как котораго устав состоит», либо «коварством» князей^{xlvii}. «Новград, Плесков и Полоцк, учиня собственные демократические

правительства, також власть великих князей уничтожили»^{xlvi}. Они не имели наследственных князей, «а по временам князя призывали»^{xlix}. После Юрия Долгорукого образовались два великих княжения — Киевское и Владимиро-Суздальское. Монархия была ненадолго возобновлена при Всеволоде Большое Гнездо, но после него началось опять несогласие между князьями, облегчившее татарам покорение Руси, «а чрез то самодержавство, сила и честь русских государей угасла. Тогда князи Литовские, бывшие в подданстве великих князей, многими княжениями рускими овладели». «Из сего всяк может видеть, — заключал В. Н. Татищев, — сколько монархическое правление государству нашему прочим полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез прочие умалается и гибнет»^l. Отсюда историк всячески критиковал новгородские порядки: «когда новгородцы в безпутство своевольства вдались, тогда стали посадников сами определять, свергать и убивать; своевольству же тому причина безпутное разделение детей государских»^{li}. Это разделение противоречило изначальному общественному договору народа, утверждал В. Н. Татищев^{lii}.

Такова точка зрения первого русского историка на институт княжеской власти в Древней Руси. Создание и начало функционирования Академии наук (с 1725 г.)^{liii}, историки, связанные с ней, по преимуществу иностранцы (И. П. Коль, Х. Ф. Гросс, И. В. Паус, Т. Г. З. Байер, Я. Я. Штелин, И. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт и др.), ничего существенно нового в дело разработки изучаемой проблемы по большому счету не принесли. Борьба в области норманского вопроса, возникшего из трудов Т. Г. З. Байера^{liv}, более способствовала историко-филологическим, генеалогическим и географическим изысканиям. Тем не менее, споры вокруг начальной истории Руси повысили к ней научный интерес. Однако историческая наука в России в то время по-прежнему тяжело пробивала себе дорогу. Вспомним проблему с написанием и публикацией «Истории Российской» В. Н. Татищева^{lv} или полемику между П. Н. Крекшиным и Г. Ф. Миллером. П. Н. Крекшин составил «Родословие великих князей, царей и императоров» (1746)^{lvi}, в котором дока-

звал прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей, ссылаясь на широко известный «Синописис»; утверждал, что Владимир Святославич «был царь, венчан царским венцом и помазан, и по нем все великие князи российские были цари, венчаны венцом царским и помазаны». Эти и другие вымыслы не понравились Г. Ф. Миллеру, а П. Н. Крекшин обвинил его «в собирании хулы на русских князей». В рассмотрение их споров вынуждены были включиться Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, В. К. Тредьяковский и М. В. Ломоносов^{lvii}. Эта полемика говорит о многом. С одной стороны, в занятия древней русской историей активно вторгаются официальные политические интересы, связанные с рождением Российской империи и абсолютизма, с дворцовыми переворотами, требовавшими исторического обоснования, предыстории. С другой стороны, еще не сформировались основные научные представления о прошлом страны. Все это не могло не влиять на историков, боявшихся наказания за свои новаторские взгляды, создавало известную привычку принаравливаться, приспосабливаться к официальной догме^{lviii}. Поэтому столь громким получилось выступление М. В. Ломоносова против Г. Ф. Миллера, который, продолжив изыскания Т. Г. З. Байера, утверждал о норманском происхождении Руси и первых варяжских князей^{lix}. М. В. Ломоносов, исходя из патриотических интересов, доказывал их принадлежность к славянам^{lx}. Его поддержали другие русские ученые — С. П. Крашенинников, Н. И. Попов, В. К. Тредьяковский^{lxi}. Впрочем, и союзники, и противники точки зрения о норманском происхождении древнерусской государственности сходились на том, что князья, правившие на Руси, были монархи, государи, цари, либо уже до пришествия Рюрика^{lxii}, либо после^{lxiii}.

Таким образом, представления об институте княжеской власти в Древней Руси в отечественной исторической науке первой половины XVIII века связывались с развитием монархии. Эта тенденция объясняется целым рядом причин: и уровнем исторической науки, и общественным сознанием той эпохи, и личными качествами исследователей, работы которых отличались прагматизмом, модернизацией прошлого, неразработанностью поня-

тийного аппарата, главным вниманием к деятельности правителей.

§ 2. Проблема института княжеской власти на Руси в историографии второй половины XVIII — начала XIX века.

Вторая половина XVIII — начало XIX века в России связана с эпохой Просвещения. Для этого общеевропейского явления характерны процессы глобализации и модернизации, пропаганды знаний и распространения образованности, секуляризма и утилитаризма во взглядах на общество и государство, стремления к эмансипации культуры, связь с идеями новейшей философской мысли, прежде всего, французской. Просвещение в России явилось логическим продолжением глобальной преобразовательной и европеизирующей деятельности Петра Великого. Характерной особенностью просветительства у нас была его тесная связь с государством. Государство в лице просвещенного монарха выступает двигателем просвещения^{lxiv}. Открываются университеты и другие учебные заведения, расширяются контакты с западноевропейскими учеными, оживляется издательская деятельность.

Все выше обозначенное не могло не сказываться на развитии исторической науки и активизации общественной мысли в России. В рассматриваемый период просветительские тенденции в отечественной историографии порождают интерес к собиранию, публикации и толкованию исторических источников (летописи, жития святых, Русская Правда и др.). Расширяется проблематика исторических сочинений (история права, торговли и промышленности, отдельных городов и регионов). Увеличивается само их количество. Появляются разнообразные общественно-политические труды. Историей занимаются не только в центре, но и в провинции. Авторами по-прежнему являются в основном историки-любители, профессионалов не хватает. Примечательно, что сама Екатерина II отметилась исторически-

ми трудами. Это, конечно, способствовало большей популяризации отечественной истории^{lxv}. Однако историческая теория, как и прежде, развивается в рамках рационализма и монархической концепции истории России, представленной в рамках «линейного времени»^{lxvi}.

Развитием просветительской историографии объясняется и появление такого направления, как «риторическая история». Впервые рассмотренное С. М. Соловьевым^{lxvii}, оно стремилось придать историческому произведению современную литературную форму. Особенно примечательными в этом отношении оказались исторические труды литераторов М. В. Ломоносова и Ф. А. Эмина. М. В. Ломоносов с начала 1750-х гг. работал над общим курсом русской истории, но после его смерти в 1766 г. вышли лишь первые две части этого сочинения, озаглавленные: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года»^{lxviii}. Историческая схема М. В. Ломоносова почти целиком повторяет схему В. Н. Татищева и связывается с тем же развитием монархии: первый период повествует «о России прежде Рурика», второй — «от начала княжения Рурика до кончины Ярослава Первого» — период единой державы. Следующий этап — «разделение самодержавства российского» — длится «до Батыева нашествия». Четвертая часть предполагала период монголо-татарского владычества, заканчивающийся правлением Ивана III, когда Россия освободилась от иноземного ига^{lxix}. Во «Вступлении» М. В. Ломоносов сравнивал историю России с историей Древнего Рима. Царский период в Риме соответствует «самодержавству первых самовластных великих князей российских». Республиканский — «разделению нашему на разные княжения и на вольные городы». Императорский — «самодержавству государей московских». Примечательно, что, сопоставляя республиканский Рим с раздробленностью на Руси, М. В. Ломоносов замечал: «Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленную вольность Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и по-

сле несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась»^{lxx}.

Таким образом, монархическая концепция развития древнерусского государства и княжеской власти, изложенная еще В. Н. Татищевым, в работе М. В. Ломоносова, которая явилась первым печатным курсом истории Древней Руси, с позиций просвещенного абсолютизма, представляется официально принятой в исторической науке того времени и продолжает оставаться такой на протяжении всего рассматриваемого периода. Отходит от В. Н. Татищева М. В. Ломоносов лишь в представлении о власти славянских князей до Рюрика, основателя «самодержавства российского»^{lxxi}. По мнению историка, в котором он основывается на свидетельстве Прокопия Кесарийского, славяне «не подлежат единодержавной власти, но издревле живут под общенародным повелительством»^{lxxii}. Они имели князей, но их власть была «без потомственного наследства», в отличие от соседних народов, «самодержавною властью управляющихся»^{lxxiii}. Оправдывая величие России, связанное с установлением монархической власти князей, М. В. Ломоносов естественно критикует в дальнейшем новгородцев и их «необузданную вольность»^{lxxiv}. Те же взгляды содержатся и в «Кратком Российском летописце с родословием», составленном М. В. Ломоносовым в 1759 г. вместе с библиотекарем Академии наук А. И. Богдановым и изданном в 1760 г.^{lxxv} В нем встречается и представление историков о способах наследования великокняжеского престола после Ярослава Мудрого. Как и В. Н. Татищев, они констатируют разнообразие в княжеском престолонаследии: по старшинству, с общего согласия князей, захват силой, призвание, завещание. С Андрея Боголюбского традиционно отмечается, что великое княжение переходит во Владимир^{lxxvi}.

Ф. А. Эмин в своей обширной «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей», критикуя порой В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, следовал их схеме исторического развития и ничего нового к характеристике института княжеской власти в Древней Руси не добавил. Более того, его взгляды по этой проблеме часто схожи с «Ядром Российской

истории» А. И. Манкиева и возвращают, таким образом, к начальному этапу развития отечественной исторической науки^{lxxvii}.

Следующим по времени издания трудом, стремящимся осветить общий ход истории России, является «История Российская от древнейших времен» (СПб., 1770—1791. Т. 1–7) князя М. М. Щербатова, типичного рационалиста и представителя эпохи Просвещения. В духе своего времени он раскрывает вопрос о происхождении государства и власти через деятельность разума. В отличие от В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, для него наилучшей формой государственного устройства была аристократия, точнее аристократическая монархия, в которой государь опирается на родовитую знать и с ней постоянно советуется. Об этом историк не раз заявлял в своих трактатах и утопиях. Активное участие аристократии в управлении монархическим государством, по М. М. Щербатову, есть главное благо в истории, а развитие монархии и просвещения — это процессы взаимосвязанные^{lxxviii}. Поэтому в основе его схемы истории России лежат те же монархические конструкции В. Н. Татищева — М. В. Ломоносова. Тем не менее, основываясь на более обширном источниковедческом материале, стремясь в каждом событии искать причинно-следственную связь, М. М. Щербатов первый смог дать обстоятельные представления об институте княжеской власти в Древней Руси.

В период от древнейших времен до пришествия Рюрика М. М. Щербатов замечал у славян, смешивая их с сарматами, скифами, роксоланами, россами, наряду с монархическим правлением многие республиканские правления, особенно на Севере России^{lxxix}. Древние князья, они же цари, каганы, правили наследственно^{lxxx}. «Новгородцы, избрав себе в государи трех князей, — писал историк, — не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали. ...Но после Рюрик сию власть себе приобрел»^{lxxxi}. Дальнейшее монархическое правление Рюриковичей, великих князей киевских, затем владимирских и московских, несмотря на уделы, продолжалось до Смутного времени, на чем и заканчивается прагматическая история М. М. Щер-

батов. В наследовании «первостепенного престола» сначала никакого порядка, «закона не было, но обычно брат брату наследовали». М. М. Щербатов объяснял это следующим образом: «князя часто гибли, в боях предводительствуя, и после отца оставался малолетний сын не способный к правлению», поэтому возникла необходимость управлять старшим в княжеском роде. Этот порядок наследства был причиной всех неурядиц в государстве^{lxxxii}. Ярослав Мудрый, разделив княжения, установил его, как закон: «препоручил, однако старшему высшую власть, присовокупя ее к первенствующему киевскому престолу, а прочие, владея своими уделами, действительные подданные его были, и сей порядок правления во все время продолжался», вплоть до Андрея Боголюбского. Хотя он иногда нарушался и стол киевский захватывался силой, но принцип оставался. Порой были «съезды у князей, для разрешения происходящих между ими трудностей, или для совокупления на брань». Все они проходили «под властью единого, сидящего на киевском престоле». Этот род правления историк сравнивал с правлением в современной ему Германской империи^{lxxxiii}.

Дав впервые в отечественной историографии характеристику междукняжеских отношений на Руси как родовых, М. М. Щербатов первый же отметил, что народ подчинялся общему роду князей, но не каждому в отдельности. «Царствующий государь, не имея ничего более пред другими, окромя права владения, не мог совершенно ни в верности, ни в усердии привыкшего к переменам народа уверен быть», — замечал историк. «Народ, хотя подданной своему государю, но не на весьма утвержденных законах, часто мнил иметь право избирать себе государей по смерти прежнего или переменять, если тем недоволен был». Особенно это, конечно, было распространено в Новгороде, где народ вольность любил^{lxxxiv}. М. М. Щербатов, как прирожденный аристократ, относился к этому, естественно, отрицательно.

Оппонентом и критиком М. М. Щербатова явился во второй половине XVIII века генерал-майор И. Н. Болтин^{lxxxv}. Его «Критические примечания» на «Историю» Щербатова (1793—1794)

и особенно «Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (1788) стали заметным событием в отечественной историографии. И. Н. Болтин не строил общих схем исторического развития России, основываясь в этом на В. Н. Татищеве. Однако, занимаясь отдельными вопросами русской истории на достаточно высоком тогда источниковедческом уровне, он смог представить множество интересных и самостоятельных выводов. Стремясь определить закономерности исторических явлений, И. Н. Болтин находил черты близости прошлого России с прошлым других стран. Это вытекает у него, главным образом, из общности человеческих нравов, на которые влияют естественные причины, прежде всего, климат. Внимание историка к естественной среде обитания людей, в попытке осмыслить исторический процесс, было, несомненно, дополнительным шагом вперед на пути научного объяснения истории^{lxxxvi}.

Излагая общественно-политическую историю Древней Руси, И. Н. Болтин следующим образом представлял себе развитие института княжеской власти. Славяне «издревле жили под управлением монархическим», ибо все государства, считал историк, начинались этим правлением^{lxxxvii}. Однако монархическая власть не значит деспотическая, то есть, по его словам: «власть князей была ограничена», «умерена или срастворена властью вельмож и народа». «Прежде Рурика, при Рурике и после Рурика, до нашествия татарского, народ русской был вольной», замечал И. Н. Болтин. «Народ имел соучастие с вельможами в правлении, и мог на сеймах своих определять многое». «Определения народа были важны и сильны, и что в общенародных собраниях всякой гражданин имел право подавать свой голос»^{lxxxviii}. Так И. Н. Болтин, в отличие от предшественников, четко высказывался о распространенности вечевой деятельности на Руси, а не только в Новгороде, где правление было народное. Однако, будучи сторонником самодержавия и критикуя «власть многих», он характеризовал княжескую власть все же как монархическую, хоть и ограниченную^{lxxxix}. О наследии княжеского престола И. Н. Болтин отмечал, согласно с естественным правом, что «всяк передает его кому хочет, не считаясь со степенью первородства»^{xc}.

И. Н. Болтин был одним из первых историков в России, кто констатировал существование в период раздробленности древнерусского государства феодального правления^{xcⁱ}, как общеевропейского явления^{xcⁱⁱ}. Он писал, что «наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались, и точно таким, каким пользуются ныне германские князья; имели в подданстве своем князей, бояр, дворян; могли иметь друг с другом войну, и с великим князем, хотя и признавали его за главу государства»^{xcⁱⁱⁱ}. «Признание верховной власти великого князя над местными состояло токмо на словах, а не на самом деле, в единой токмо почести названия главою, яко императора германского над имперскими князьями»^{xc^{iv}}. Впрочем, замечал историк, при сильных князьях киевских, они были поистине главными и им все прочие подчинялись^{xc^v}. Таким образом, в междукняжеских отношениях князья «не признавали между собою другого права власти и подчинения кроме права силы»^{xc^{vi}}. С усилением власти удельных князей усиливалась и власть боярской аристократии, основанная на феодальных владениях^{xc^{vii}}. «Самосудная власть вельмож начало свое возымела от уделов княжих; их примеру следуя бояра и прочие владельцы, равномерную власть во владениях своих себе присвоили», — заключал И. Н. Болтин^{xc^{viii}}. Постоянные междоусобия князей и вельмож осуждались им в духе просветительской философии истории, как отступление от законов разума.

Исторические взгляды И. Н. Болтина оказали большое влияние на его товарища по «Кружку любителей отечественной истории» И. П. Елагина^{xc^{ix}}. И. П. Елагин, работая над «Опытом повествования о России» с 1790 г. до своей кончины в 1793 г., не успел завершить начатое. Его труд, изданный неполностью в 1803 г., обычно относят к риторическому направлению в отечественной историографии^c. Точка зрения И. П. Елагина на институт княжеской власти в Древней Руси не отличается особой новизной. Конкретизировав взгляды И. Н. Болтина на данный вопрос, он попытался представить их в более связной форме общей истории России.

В представлении И. П. Елагина, князья у древних славян значили лишь военачальников^{ci}. Монархическое содержание княжеская власть приобретает с приходом Рюрика^{cii}. Однако, как и И. Н. Болтин, И. П. Елагин замечал, что она была ограничена: «Великий князь Игорь был не самодержавец, но главный из князей русских, без которых, как и без бояр, ни войны начать, ни мира заключить он не мог». Далее, вслед за И. Н. Болтиным, И. П. Елагин полагал: «князи и бояре, под рукою великаго князя состоящие, были, как и германские, на праве феодальном, и столь от него зависели, сколько в Германии от императора феодальные бароны»^{ciii}. Таким образом, по мнению историка, древняя «Россия в феодальных состояла уделах... Правление феодальное разделяло тогда власть государственнаго правления между великаго князя и зависимых от него князей и вельмож или бояр, которые, с своими собственными подданными составляя войско, купно с подданными великаго князя составляли целое политическое России тело»^{civ}. Отношения князей с боярами и народом были тогда свободными, независимыми^{cv}. «Бояре, пользуясь сим феодальным или собственности правом, имели свою дружину и прочих ратников, и могли, без дозволения князя своего воевать между собою. Право зловерное в теле монархическом, но в древности было дозволенное, по незаконному всех и каждого чуждых земель насильственно завоеванию» (здесь И. П. Елагин опять повторял мысли И. Н. Болтина). «Ибо в первобытии, — заключал историк, — все народные сословия состояли из людей свободных»^{cvi}.

И. П. Елагин особо подробно рассматривал республиканское правление в Новгороде, и это понятно при сравнительно хорошем его отражении в источниках. Однако историк переносил сохранившиеся поздние сведения о Новгороде в древность. При этом он отмечал в новгородском правлении сочетание трех элементов: аристократическое начало — сенат, монархическое — князь и демократическое — народное собрание, которое являлось главным и избирало предыдущих. Эти три силы, имея власть, сообща решали вопросы законодательства, судопроизводства, налогообложения, объявляли войны, заключали союзы

и мирные договоры, избирали посадников и тысяцкого, выполняли частью религиозные функции. Князь в Новгороде, по отношению к вечу в целом, был исполнительной властью, подчеркивается И. П. Елагиным^{cvii}. Лишь со временем (присоединение Новгорода к Москве, ликвидация феодальных уделов) во всей России, как в Германии и Франции, «с пременою возродилось блаженное монархического правления у нас тело»^{cviii}.

Одновременно с И. П. Елагиным в конце XVIII века изучением российской истории активно занимался известный литератор и, в будущем, государственный деятель, попечитель Московского университета М. Н. Муравьев. Его занятия были вызваны, с одной стороны, педагогической целью — с 1785 по 1796 г. он преподавал, по приглашению Екатерины II, нравственную философию, русскую словесность и историю внукам императрицы — великим князьям Александру и Константину. С другой стороны, М. Н. Муравьев проявлял большой интерес к зарубежной просветительской мысли и пытался применять ее в сочинениях по истории России. Отличаясь от своих предшественников — историков, занимающихся сбором и обработкой исторических источников при написании обобщающих трудов, он основывался при этом уже на готовой фактической базе. К сожалению, исторические работы М. Н. Муравьева не были опубликованы при его жизни целиком. Увидели свет лишь небольшие «Опыты истории, письмен и нравоучения» (СПб, 1796). Однако они, дополненные при переиздании в 1810 г. Н. М. Карамзиным рядом статей, и сама деятельность М. Н. Муравьева на посту попечителя Московского университета явились в отечественной историографии рубежом, соединяющим XVIII и XIX века^{cix}.

В трактовке института княжеской власти в Древней Руси М. Н. Муравьев постоянно применял сравнительно-исторический метод, искал причинно-следственные связи, стремился к теоретическим обобщениям, но преобладание анализа исторических событий над описанием, сопряженное с традиционной схемой истории России, не придало его взглядам оригинальности. Устанавливая основание монархии с призыванием «правителя из варягов»^{cx}, историк видел в раздроблении древне-

русского государства на уделы «образ правления, сходственный некоторым образом с феодальной системою»^{cx1}. При этом «в России одне особы княжеского рода, потомки Руриковы, получали удельные княжества. Преемник первого престола, отличенный именованьем великаго князя был главою сего союза князей и верховным государем России. Старший летами из потомства Рурикова получал достояние сие и назначал уделы частным князьям. Долго спустя преимущество сие было присвоено одному семейству и великие князья могли последовать во младенчестве на родительский престол. Умножение княжеств произвело междуусобие»^{cxii}. Находя систему феодального правления, введенную северными народами, как общеевропейское явление, М. Н. Муравьев замечал: «почти все государства европейские чувствовали вредное действие разделения»^{cxiii}. Эгоизм правителей приводил к тому, что «народы разных уделов слепо последовали честолюбию князей, которые, вместо того, чтоб удовольствоваться благосостоянием управляемых земель, старались только о приобретении новых. Было время, что хотели прибегнуть к спасительному установлению съездов или сеймов, по предложению Владимира Мономаха, но Олег Святославич... отрунул средство сие, и право войны было с тех пор единственное»^{cxiv}. Независимая власть удельных князей и вассальных вельмож, которым давались поместья «на праве владения», считал историк, сочеталась тогда на Руси с республиканским правлением в Новгороде и прекратилась с восстановлением «единоначалия» при Иване III^{cxv}.

Таким образом, общий взгляд на древнерусскую историю через развитие монархии, идущий от первого русского историка В. Н. Татищева, общественно-политической обстановки эпохи преобразований и просветительства, доминировал в отечественной историографии второй половины XVIII века и влиял на представления об институте княжеской власти в Древней Руси. Монархическая концепция княжеской власти представлена в большинстве исторических работ историков, литераторов, юристов и просто любителей старины различного происхождения (Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, Г. Ф. Миллер, П. И. Рычков,

А. П. Сумароков, В. В. Крестинин, И. С. Барков, А. А. Артемьев, И. И. Голиков, М. Д. Чулков, А. Л. Шлецер, И. Г. Штриттер, И. Ф. Богданович, Х. А. Чеботарев, Т. С. Мальгин, П. М. Захарьин и др.)^{cxvi}. Эта же теория находит отражение в художественной литературе того времени и изобразительном искусстве^{cxvii}, а в конечном счете, и в общественной мысли.

С радикальных позиций представлялась древнерусская история и княжеская власть на Руси в отечественной историографии второй половины XVIII века лишь в демократическом направлении просветительства. Республиканская концепция истории России вырабатывалась тогда в произведениях известного литератора и мыслителя А. Н. Радищева^{cxviii}. Странник теории естественного права и общественного договора, в публицистической форме он представлял исторический процесс как круговорот борьбы народной воли с деспотизмом монархов, их самовластием. В этой связи, А. Н. Радищев считал, что в древности народ славянский обладал политической свободой и «народным правлением», которое было подавлено великокняжеской властью, самодержавием. В заметках «К Российской истории» он отмечал большое значение вечевых сходок, на которых «основывалась наипаче власть народа»^{cxix}. «Известно по летописям, — писал А. Н. Радищев в главе «Новгород» «Путешествия из Петербурга в Москву» (1787—1789), — что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь»^{cxx}. Позже А. Н. Радищев писал, что народные собрания, судящие об общих нуждах, были типичны не только для Новгорода, но и в Киеве власть великого князя была избирательной ими, а не наследственной^{cxxi}. Опровергая тезис об исконности самодержавия в Древней Руси, возвеличивая народоправство вольного Новгорода в противовес деспотизму княжеской власти, нарушающей естественное право и общественный договор, он, таким образом, вступал в противоречие с официальной историографией.

В начале XIX века продолжался активный процесс накопления и систематизации исторических знаний о прошлом Рос-

сии^{сxxii}. Большую роль в развитии отечественной исторической науки этого времени и, особенно, в критической разработке исторических источников сыграл немецкий историк А. Л. Шлецер^{сxxiii}. Работая в Академии наук в Петербурге в 1760-е гг., он и после возвращения на родину не оставил занятий по изучению истории России. Венцом научного творчества ученого в этой области стал знаменитый «Нестор» — труд, созданный им в последние годы жизни. В нем А. Л. Шлецер в наиболее полном виде сформулировал свой взгляд на историю Древней Руси и развитие института княжеской власти. На его представления об этом повлияли два главных начала: норманизм и традиционная схема русского исторического процесса, идущая от В. Н. Татищева, но обличенная в сугубо абстрактную форму: «Россия рождающаяся» (862—1015), «Россия разделенная» (1015—1216), «Россия угнетенная» (1216—1462), «Россия торжествующая» (1462—1725) и «Россия процветающая» (с 1725 г.)^{сxxiv}. Эта периодизация, несмотря на критику, была популярна у авторов пособий по истории России в начале XIX века, где давалась традиционно монархическая трактовка власти древнерусских князей^{сxxv}.

А. Л. Шлецер, как сторонник норманской теории происхождения государства на Руси, считал первых русских князей — варягов, выходцев из Швеции, основателями «Российской державы». Хотя он писал, что «новгородцы и псковичи боясь лишиться своей свободы, не дали им сначала полной над собою власти, и что, призвав сих князей, главное их намерение состояло в том, чтобы защитить свои границы от неприятельских нападений; но несмотря, однако же, на это, Рурик сделался неограниченным владетелем»^{сxxvi}. Здесь сквозит та же мысль, высказываемая ранее Г. Ф. Миллером и М. М. Щербатовым. В отличие от них А. Л. Шлецер рассматривал правление Рюрика как феодальное, свойственное всем норманнам, древним германцам, завоевателям Европы. Это феодальное, или «поместное правление», было основано на разделе Рюриком областей и городов между своими дружинниками на ленном праве. Окончательное уничтожение

«ленного строя» на Руси «монархическим деспотизмом», считал А. Л. Шлецер, произошло при Ярославе Мудром^{сxxxvii}.

Проблема феодализма при характеристике института княжеской власти в Древней Руси, идущая от работ И. Н. Болтина и А. Л. Шлецера, не стала общепринятой в отечественной историографии начала XIX века. В ней продолжала доминировать точка зрения на самодержавный, монархический характер княжеской власти на Руси IX — начала XIII века^{сxxxviii}. При этом историки, что находили в древности поместные или феодальные отношения, не были едины во взгляде на власть древнерусских князей^{сxxxix}. Если Н. С. Арцыбашев, Г. П. Успенский, П. М. Строев, С. Н. Глинка и Я. Орлов видели в князьях неограниченных правителей, кроме Новгорода и Пскова^{сxxx}, то А. Щекатов писал об участии в государственных делах этого времени наряду с князьями народа и знати^{сxxxxi}. Однако и А. Щекатов, сообразно эпохе, был вынужден признать: «дворянство и народ российский всегда предпочитали иметь над собою монарха», ибо «монархическое или самодержавное правление, держа средину между деспотичества и республики, есть надежнейшее убежище свободе». Поэтому «россияне вручали верховную власть над собою единому князю и давали ему право управлять собой по благоизобретению своему»^{сxxxii}. Те же мысли мы встречаем в записках и проектах реформ выдающегося государственного и общественного деятеля начала XIX века М. М. Сперанского. В его представлении «удельные владения князей образуют у нас первую эпоху феодального правления»^{сxxxiii}. «Феодальная система» «основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не законом, но вещественным или, так сказать, материальным ее разделением»^{сxxxiv}. С ликвидацией «удельного образа правления» «феодальное самодержавие», считал М. М. Сперанский, «без сомнения, имеет прямое направление к свободе»^{сxxxv}, то есть к ожидаемому в эпоху Александра I либеральным реформам.

Оппонентом М. М. Сперанского в начале XIX века выступил знаменитый писатель, журналист и издатель Н. М. Карамзин. Став в 1803 г., не без помощи упоминаемого М. Н. Муравьева, официальным историографом, он занялся сочинением россий-

ской истории^{сxxxvi}. В представленной Александру I «Записке о древней и новой России» (1811) Н. М. Карамзин выступил не только апологетом незыблемости самодержавия, но и представил свою концепцию русской истории. В ее основе лежат две составляющих: первая — это единство исторического развития России и Европы, вторая — это то, что движущей силой исторического процесса является государство в лице его представителей, то есть правителей. Исходя из того, что наилучшей формой правления для России выступает монархия, при которой страна процветает, Н. М. Карамзин строит традиционную схему: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»^{сxxxvii}. Фактическим содержанием концепция историка наполнилась в его «Истории государства Российского», печатавшейся с 1816 г.^{сxxxviii}

«История государства Российского» Н. М. Карамзина стала итогом развития всей предшествующей отечественной историографии и толчком к ее новому пути. Н. М. Карамзин смог привлечь большое количество исторических источников, многие из которых вводились в научный оборот впервые. Используя весь историографический опыт прошлого, он создал труд, который не мог не привлечь всеобщего внимания общественности. После победы в Отечественной войне 1812 г., в преддверии восстания декабристов, читающая публика была крайне восприимчива к истории родной страны. «Историзм мышления был уже неотъемлемой чертой времени»^{сxxxix}. Литературный стиль, умелая подача материала, цельный взгляд на историю России, акцент на проблемные места, основополагающая концепция — все это предопределило творение Н. М. Карамзина как веху в русской исторической науке. В «Истории государства Российского», по сути, впервые проблема института княжеской власти в домонгольской Руси получила всестороннюю оценку.

Происхождение власти древнерусских князей Н. М. Карамзин вел от ограниченной власти избиравшихся восточнославянскими племенами на время военных походов вождей. В мирное время правление было всецело общенародное. Причем «каждое семейство», из которых состояли племена, являлось, по мысли

историографа, «маленькою независимою Республикою» с патриархальным господством. Со временем вожди приобретали на войне славу и богатство, узнавали нравы более развитых народов и, выделяясь всем этим среди сограждан, становились судьями в делах общественных. «Главный начальник или правитель судил народные дела торжественно, в собрании старейшин», «был главою ратных сил: но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир». «Народ платил властителям дань, однако ж произвольную». «Наконец, — замечал Н. М. Карамзин, — обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностью повиноваться». Зависев, в целом, «от произвола граждан», «многие князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям», утверждать «власть своего рода». Таким образом, «история славян подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния». Сообразно с теорией общественного договора и естественного права Н. М. Карамзин писал: «как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя летописец наш не говорит о том, но Российские славяне конечно имели властителей, с правами ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности». «Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский», заключал историк, смешивая носителей княжеской власти у славян в древности с «именами боярина, воеводы, князя, пана, жупана, короля или краля, и другими»^{cxl}.

Дальнейшая эволюция института княжеской власти в Древней Руси, в представлении Н. М. Карамзина, традиционно связывается с развитием монархии как определяющего фактора в русской истории. Так как «междоусобие и внутренние беспорядки открыли славянам опасность и вред народного правления», они призывают варяжских князей, и старший из них Рюрик «основал монархию Российскую»^{cxli}. При этом Н. М. Карамзин подчеркивал: «отечество наше, слабое, разделенное на ма-

лые области до 862 года... обязано величием своим счастливому введению монархической власти»^{cxlii}. Однако «монархия», или «единовластие», «единодержавие», в соответствии с тогдашними взглядами, не отождествлялась целиком с самодержавием как абсолютной властью правителя. Государю «принадлежала верховная законодательная и судебная власть», «князь был главою (всего войска) на воде и суше»^{cxliii}. Но его власть, по мнению Н. М. Карамзина, не была безусловной. «Самый народ славянский хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности, и в делах важных, или в опасностях государственных, сходился на общий совет» — вече. «Сии народные собрания, — отмечал Н. М. Карамзин, — были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия». Также «государь советовался о земских учреждениях с храброю дружиною», составлявшею его «верховный Совет», с коим он «делился властью», а старейшины градские, «которые летами, разумом и честию заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных», «Владимир слушался их совета; в гражданских Вечах они имели первенство». «Впрочем, — как писал историк, — вся земля Русская была, так сказать, законною собственностью великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости»^{cxliv}. Уже в первых раздачах городов Рюриком в «управление знаменитым единоемцем своим» Н. М. Карамзин увидел «систему феодальную, поместную, или удельную, бывшею основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах»^{cxlv}. Эти «варяги, на условиях поместной системы владевшие городами, имели титул князей: о сих-то многих князьях Российских упоминается в Олеговом договоре с Греческим императором», — считал Н. М. Карамзин. «Дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же уделы», но так как великий князь «располагал сими частными княжествами», то впо-

следствии делил уделы «вельмож норманских» среди своего потомства. «Другие города и волости непосредственно зависели от великого князя: он управлял ими чрез своих посадников или наместников»^{cxlvi}.

Удельная система впоследствии постоянно противоборствовала с системой единовластия, пока не сокрушила последнюю после Мстислава Великого и просуществовала, таким образом, до XV века, когда восторжествовало самодержавие. Причем, как считал Н. М. Карамзин, пока Русь была единой, князья «повелевали народу: народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда государство разделилось... и вместо одного явились многие государи в России: тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы княжеской власти или противился ее действию». Таким образом, по Н. М. Карамзину, «самовластие государя утверждается только могуществом государства, а в малых областях редко находим монархов неограниченных»^{cxlvii}. В удельном правлении историк видел соединение «двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности». Функции княжеской власти, по мнению Н. М. Карамзина, в период с XI до XIII века не изменились: «везде, и в самом Новгороде, князь судил, наказывал и сообщал власть свою тиунам; объявлял войну, заключал мир, налагал дани. Но граждане столицы, пользуясь свободой веча, не редко останавливали государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решили собственную судьбу его, как высшие законодатели». Право «граждан» решать судьбу князей у Н. М. Карамзина вытекало из теории общественного договора и естественного права, так распространенного в среде просветителей XVIII века. Историк выделял большую роль на вечах не всех граждан, а бояр, воинов, купцов и духовенства. Отмечал, что «подобно князьям, вельможам, богатым купцам, владея селами, епископы пользовались в оных исключительным правом судебным без сношения с гражданской властью», то есть находил подобие феодальным вотчинам^{cxlviii}. В преемственности великокняжеской власти, которая зависела от силы или слабости конкретного князя, Н. М. Карамзин, как и его предшественники,

замечал, «что по древнему обычаю не сын, но брат умершего государя или старший в роде долженствовал быть преемником». Однако этот обычай нарушался. Поэтому «спорное право наследства» было «обыкновенною причиною вражды» между князьями. Их взаимоотношения решались на княжеских съездах, «чрез союзы между собою или с иными народами», но это не могло «прекратить вредного междуусобия»^{cxlix}.

Так Н. М. Карамзин, несмотря на то, что в его изложении преобладает прагматический подход к истории, едва ли не впервые в отечественной историографии старался представить княжескую власть в домонгольской Руси во всем многообразии составляющих ее проблем. Однако его представления в целом не выходят за рамки традиционных монархических взглядов, идущих от В. Н. Татищева и историков-просветителей (особенно М. М. Щербатова и И. Н. Болтина). Поэтому ожидание труда Н. М. Карамзина имело большее значение для исторической науки, чем само творение историографа. В ходе подготовки «Истории государства Российского» и ее критики отечественная историография шагнула вперед. Так что Н. М. Карамзин, несмотря на огромное влияние, прежде всего, на учебный процесс, уже не удовлетворял запросы ученого сообщества.

Подводя итоги изучению института княжеской власти в домонгольской Руси в отечественной историографии XVIII — начала XIX века, необходимо констатировать, в первую очередь, следующие общие моменты. Метафизический способ мышления, свойственный просветителям, подчинял общественную жизнь, подобно природе, неизменным и вечным законам, мерилom которых выступает человеческий разум. Отсюда и рассмотрение княжеской власти в исторической науке в указанный период шло через призму теории рационализма и монархической концепции истории России, впервые сформулированной на научных основаниях В. Н. Татищевым. Данная проблема не была еще предметом специального изучения и представлена, в основном, в общеисторических трудах. Систематизируя представления отечественных исследователей на отдельные составляющие, проблему княжеской власти в Древней Руси можно заключить:

1. Институт княжеской власти в Древней Руси происхождение свое ведет от власти «доисторических» князей восточнославянских племен. Причем властные полномочия этих князей выводятся из отеческой власти в семье и роде. Данной точки зрения, впервые установленной В. Н. Татищевым, в той или иной степени придерживались все историки XVIII — начала XIX века. Разногласия возникали при определении конкретного характера власти первоначальных князей. Одни писали о ее неограниченности, самовластии, монархизме (В. Н. Татищев, В. К. Тредьяковский, Ф. А. Эмин и др.). Вторые видели в условиях господства народовластия ограниченность княжеской власти (М. В. Ломоносов, И. П. Елагин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и др.). Третьи либо смешивали, либо упоминали об одновременном бытовании у славян монархической власти князей на юге древней России и отсутствии таковой на севере, в демократичном Новгороде, а также отмечали участие в правлении знати (А. И. Манкиев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и др.).

2. Дальнейшее развитие княжеской власти на Руси IX — начала XIII века связывалось историками со становлением монархии при Рюрике и ее последующим упадком после образования удельных княжеств и вольных городов. Причем если разногласия по-прежнему касались в основном определения конкретного положения и значения княжеской власти в обществе, среди других политических органов, то функции и объем этой власти представлялись историкам раз и навсегда неизменными. Князья обладали верховной законодательной и судебной властью, руководили администрацией, возглавляли войско, занимались внешней политикой и налоговой системой. Неограниченность их полномочий (за исключением севернорусских народоправств) отмечали А. И. Манкиев, В. Н. Татищев, Т. Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов, А. Л. Шлецер и др. Об участии в государственных делах народа и знати писали И. Н. Болтин, И. П. Елагин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и др.

3. При рассмотрении вопроса о наследовании княжеской власти в домонгольской Руси историки XVIII — начала XIX ве-

ка сходились во мнении о разнообразных способах: по старшинству в роде, с помощью завещания, договоров или силы, по определению народа. Однако если некоторые исследователи, как, например М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин, старались обосновать как один из ведущих принципов в преемственности княжеской власти родовое старшинство, а другие принципы считали лишь его нарушением, то, к примеру, И. Н. Болтин отрицал всякую определенность в замещении княжеских столов.

4. Та же тенденция наблюдается в вопросе о междукняжеских отношениях. Признавая на начальном этапе существования единовластия зависимость удельных князей от великокняжеской власти, историки единодушно считали, что в период раздробленности, при спорном праве наследства, вызывавшем междоусобия, и равенстве князей, междукняжеские споры решались с помощью силы. При этом отдельные историки, сопоставлявшие историю Древней Руси и западноевропейских стран, находили общую аналогию феодального правления в то время и полагали, что феодальные отношения между князьями строились на вассально-иерархических связях (И. Н. Болтин, И. П. Елагин, М. Н. Муравьев, А. Л. Шлецер, М. М. Сперанский, Н. М. Карамзин и др.).

Все вышеозначенные точки зрения получили развитие и в последующей отечественной историографии.

ГЛАВА II

ИНСТИТУТ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX — НА- ЧАЛА XX ВЕКА

§ 1. Концепции развития княжеской власти на Руси в отечественных исследованиях 20—30-х гг. XIX века.

Первая треть XIX века в русской художественной литературе традиционно связывается с развитием романтизма, но и в отечественной историографии, вслед за Западной Европой, романтическое направление проявило себя, особенно в 20—30-е гг. Романтизм явился реакцией на предшествующую эпоху Просвещения. Он противопоставил утилитаризму и нивелированию личности устремленность к безграничной свободе, жажду совершенства и обновления, пафос личной и гражданской независимости. Мучительный разлад идеала и социальной действительности — основа романтического мировосприятия. Для него характерны интерес к национальному прошлому, его своеобразию, идеализация форм народного быта и, одновременно, стремление создать универсальную картину мира, основанную на принципах борьбы, поступательного развития, циклического времени, прогресса. Пересмотр рационалистического толкования истории приводил к появлению таких ключевых понятий как «дух времени». «Это уже не абсолютный и неизменный «здравый смысл» «естественного человека», не индивидуальный «просвещенный разум» XVIII века. «Дух времени» — это не только просвещение, но и общественное мнение, философские, религиозные представления, литература и искусство, это самосознание общества в широком смысле этого слова. Кроме того, «дух времени» — понятие, развивающееся вместе с историей народа. Применение в социологии нового понятия являлось опережденным шагом вперед. Абстрактно-метафизический критерий общественных явлений заменялся конкретно-историческим»^{cl}. Диалектический подход явил собой новый взгляд на исторический процесс.

Распространение идей романтизма в первой трети XIX века во всех сферах отечественной духовной культуры и, особенно, в интересующей нас историографии совпало с появлением в России образованного общества, способного воспринимать исторические труды, с возникновением литературной жизни. Образованные люди объединялись в кружки, группы, партии, где формировали свое отношение к миру. Явилась насущная потребность постоянных встреч в модных тогда салонах для обсуждения новых литературных, философских, исторических произведений. Поэтому, сразу же по выходе в свет, произвела большой резонанс в общественном мнении и вызвала неоднозначные оценки среди современников «История государства Российского» Н. М. Карамзина^{cli}. Ее невероятно ожидали, к ней готовились. Декабрист М. Ф. Орлов в письме к П. А. Вяземскому писал: «Я ждал Истории Карамзина, как евреи ждут Мессию»^{clii}. Однако откровенно монархическая теория историографа, его устаревшие взгляды на сущность исторического развития разочаровали многих. Но многие поддерживали и развивали концепцию Н. М. Карамзина, которая стала составной частью официальной учебной схемы русской истории^{cliii}.

Среди критиков Н. М. Карамзина необходимо выделить, в первую очередь, декабристов (Г. С. Батеньков, Н. А. Бестужев, И. Г. Бурцов, С. Г. Волконский, Ф. Н. Глинка, П. Г. Каховский, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, М. С. Лунин, Н. М. Муравьев, П. А. Муханов, М. Ф. Орлов, П. И. Пестель, В. Ф. Раевский, К. Ф. Рылеев, В. Д. Сухоруков, Н. И. Тургенев, М. А. Фонвизин и др.). Декабристы, как зачинатели романтической историографии в России, в этом отношении шли параллельно с романтическим направлением, развивавшимся в западноевропейской исторической науке (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.). Исторические взгляды декабристов формировались, в первую очередь, под влиянием их революционных устремлений и общего духа романтизма^{cliv}. Немногие из них занимались специально историческими разысканиями^{clv}, но те идеи, которые сквозят в различных произведениях декабристов, оказались существенными для нового изучения истории Древней Руси и института

княжеской власти в отечественной историографии^{clvi}. Основу декабристских взглядов составила идея, высказанная Н. М. Муравьевым в его «Мыслях об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». Решительно возражая против монархической карамзинской идеи, что «история народа принадлежит царю»^{clvii}, он утверждал, что «история принадлежит народам» и в них лежат «начала могущества, причины благоденствия»^{clviii}. Поэтому декабристы, говоря о домонгольской Руси, обращали особое внимание на общинное вечевое ее устройство^{clix}. «Вечи народные, повсюду в России происходившая», Новгородская и Псковская демократические республики, по словам того же Н. М. Муравьева, как нельзя лучше опровергают утверждение, будто русский народ не способен к самоуправлению^{clx}. Романтически идеализируя государственное устройство Древней Руси, восторгаясь царившим в ней народоправством, особенно в вольных городах, декабристы стремились увидеть в древнерусском вече зачатки гражданской свободы, приводящие к процветанию народа. Тем самым они высказывались против монархической трактовки княжеской власти, считали, что она была ограничена народовластием^{clxi}. Однако, несмотря на передовые идеи об общественном развитии, «в общем мысль декабристов вращалась в замкнутом кругу силлогизмов, характерном для философов-просветителей XVIII века»^{clxii}. В частности, они принимали теорию общественного договора и естественного права, объясняя этим возможность борьбы народа с проявлениями деспотизма и тирании^{clxiii}.

На сходных позициях с декабристами находились тогда польские историки, для которых вопросы древнего политического устройства славян выступали так же «как политическая проблема, связанная со стоявшими перед ними общими задачами их национального освобождения»^{clxiv}. Поэтому, наряду с русскими критиками Н. М. Карамзина, они активно откликнулись на его «Историю государства Российского». Так, первым оппонентом историографа из среды польской ученой общественности выступил выдающийся историк-славист, археолог, этнограф и фольклорист З. Я. Доленга-Ходаковский (А. Чарноцкий)^{clxv}. Для него,

как и для многих других оппонентов Н. М. Карамзина, критика не была самоцелью, а служила предлогом и формой высказывания новых идей и собственных исторических изысканий^{clxvi}. К сожалению, они не шли дальше ответов на частные вопросы. Проявляя, главным образом, интерес к общеславянской истории в древности, З. Я. Доленга-Ходаковский с романтических позиций искал республиканские истоки в народной культуре славян до их христианизации. Идеализируя народную свободу, выступая за антинорманизм, он внес существенную лепту в романтическую критику монархической концепции Н. М. Карамзина. Поэтому его выступление сразу же вызвало ответную реакцию со стороны защитников историографа. Известный в то время историк С. В. Руссов издал даже специальную книгу с разбором построений польского ученого, которая явилась первым серьезным возражением сторонников Н. М. Карамзина на его критику^{clxvii}.

Другой польский энтузиаст в области разработки общеславянской истории И. Б. Раковецкий, опубликовавший текст «Русской правды» на польском языке с обширными комментариями, развивал те же идеи, что и З. Я. Доленга-Ходаковский^{clxviii}. Отрывок из его труда был помещен в «Известиях Российской Академии» в 1821 г. (кн. 9). В сокращенной для «Соревнователя просвещения и благотворения» известным библиографом, журналистом и переводчиком В. Г. Анастасевичем речи И. Б. Раковецкого «О гражданстве древних славян» высказывались критические мысли в сторону норманизма и утверждались взгляды об исконности народовластия у славян^{clxix}.

В отличие от польских историков-любителей гораздо значительней выступают труды профессионального историка и крупного общественного деятеля национально-освободительного движения в Польше И. Лелевеля. Он преподавал всеобщую историю в Виленском и Варшавском университетах. Публикация Ф. В. Булгариным в его журнале «Северный архив» в 1822—1824 гг. рецензии И. Лелевеля на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина явилась заметным событием в полемике^{clxx}. К сожалению, опальный профессор, отстраненный от пре-

подавания за свою общественную деятельность, не смог опубликовать до конца свою рецензию в России, и продолжение ее, наиболее интересующее нас, было напечатано в Варшаве в 1826 г. на польском языке. Характерные подзаголовки польского издания: «Характер варяжского государства или Руси нефеодальной», «Государство от Рюрика до Ярослава», «Как долго длился варяжский характер Руси», «Еще несколько слов о первоначальном местопребывании Рюрика в Ладогe», «Русские войны с Болеславом I»^{clxxi}. И. Лелевель, в отличие от З. Я. Долленга-Ходаковского и И. Б. Раковецкого, занимавшихся, главным образом, древней историей, обратился к исследованию широкого круга вопросов по истории России и изложил свой взгляд на них в разнообразных произведениях^{clxxii}.

Что касается проблемы института княжеской власти в Древней Руси, то И. Лелевель исходил из того, что власть первых Рюриковичей, дав начало государству, не изменила исконного общинно-вечевого устройства восточных славян. Она была наложена как бы сверху. Корректируя монархическую концепцию Н. М. Карамзина, польский историк придал ей эволюционный характер. В первый «варяжский период» истории России (от прибытия Рюрика до смерти Ярослава Мудрого) княжеская власть, явившись «монархическим признаком» в государственной структуре, производила завоевательную и объединительную политику среди демократических городских и сельских общин восточнославянских земель, в которых действовали веча. Признавая только руководящий характер варяжских князей, отсутствие у них верховной собственности, И. Лелевель тем самым выступал против признания феодализма на Руси. Однако столкновение двух противоположных начал — славянского и норманского, республиканского и монархического, отсутствие в Древнерусском государстве гармонии между князем и народом, привело к немалым преобразованиям. Князья и их варяжские дружины принесли славянам представления о наследственной, династической власти, законодательство закрепило неравенство. Управление перешло в руки богатых, превратилось в привилегию аристократии, а народ стал ей подчиняться. Введение хри-

стианства закрепило отмеченные процессы. Во второй период русской истории (от смерти Ярослава Мудрого до татаро-монгольского нашествия) И. Лелевель отмечал раздробленность Руси на уделы, связанную с размножением князей «Рюрикова дома» и вечевую деятельность в городах, где все должностные лица были выборные. В конечном счете, он рассматривал Древнюю Русь как федерацию независимых республик, в которых князю отводилась роль верховного чиновника, защищавшего страну и творившего правосудие. Причем при тех князьях, которые признавали права городов, волю народа было процветание (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах), а раздоры между ними мешали торговле и нормальной жизни жителей. Таким образом, польский историк возражал традиционной идее, выраженной Н. М. Карамзиным, что упадок монархической власти князей есть упадок государства. Дальнейшее развитие Руси И. Лелевель представлял как выделение в ней трех регионов, где преобладали различные принципы управления. На юго-западе (Галицкое княжество) стало преобладать боярство, подражавшее польской шляхте. На северо-востоке развился царизм, нашедший поддержку в татарском деспотизме. На северо-западе, в Великом Новгороде, укрепилась исконная гражданская свобода народа и республиканский строй^{clxxiii}. Симпатии польского ученого и революционера, как и декабристов, были на стороне новгородской вольности, что, конечно, отразилось на общей концепции истории Древней Руси^{clxxiv}.

Демократические и республиканские взгляды крупнейшего представителя польской романтической историографии и общественной мысли отчасти поддержали Д. Е. Зубарев и Ф. В. Булгарин^{clxxv}. С полемическим ответом И. Лелевелю в защиту Н. М. Карамзина выступил начинающий тогда историк М. П. Погодин^{clxxvi}.

Другие критики официального историографа, не говоря уже о сторонниках, отнесли к его «Истории», в основном, осуждая автора за излишнее доверие к летописному материалу, фактические и хронологические ошибки, и ничего существенно нового во взгляде на институт княжеской власти в Древней Руси не

представили (М. Т. Каченовский, И. В. Васильев, Н. С. Арцыбашев, и др.)^{clxxvii}. Если эти историки упрекали Н. М. Карамзина за отсутствие у него критического отношения к историческим источникам и фактам, то Н. А. Полевой, известный писатель, литературный критик, журналист, редактор и издатель популярного журнала «Московский телеграф», осуждал его за отсутствие философского подхода к истории. Он как никто другой понимал, что поверхностная критика Н. М. Карамзина ничего нового для развития исторической науки в России не даст^{clxxviii}. Критикуя не частности, а общую концепцию историографа, Н. А. Полевой попытался по-новому пересмотреть русскую историю. Вооружившись новейшими западноевропейскими философскими, историческими, социологическими, экономическими теориями и достижениями отечественной исторической науки, он создал «Историю русского народа» (М., 1829—1833. Кн. 1—6). На формирование исторической концепции Н. А. Полевого оказали влияние немецкая идеалистическая философия Ф. Шеллинга, экономическое учение А. Смита, работы французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье и др. На страницах своих журналов Н. А. Полевой пропагандировал идеи французского романтизма с его интересом к народному духу, необходимости глубокого и всестороннего познания человека и общества, диалектические идеи немецкой классической философии: понятия о единстве и многообразии мира, о всеобщей связи явлений, о развитии как прогрессе, как борьбе противоположностей. Основная идея, утверждавшаяся им, была идея поступательно-прогрессивного развития всех сфер жизни русского общества, а также общности путей исторического развития России и Запада. Интерес Н. А. Полевого привлекали проблемы движущих сил мирового исторического процесса, его закономерностей, места и роли в нем России^{clxxix}.

Н. А. Полевой, исходя из романтических взглядов, попытался противопоставить истории государей, выраженной Н. М. Карамзиным, историю народа. Проблема народа как главного субъекта истории раскрывается им в соотношении с проблемой государства. Убеденный, что народ появляется раньше госу-

дарства, которое является, по определению Н. А. Полевого, высшей формой выражения «народного духа», результатом его развития, рассматривая государство как определенный качественный этап в истории народа, он считал неверным начинать ее с истории государства. Поэтому, полемизируя с Н. М. Карамзиным, историк отрицал, вплоть до конца XV века (до свержения татаро-монгольского ига), существование единого русского государства и единовластия, считая, что существовало несколько государств^{clxxx}. Наличие разрозненных государств в IX — первой половине XI века он именовал «норманским феодализмом», который длился до 1054 г., когда Ярослав Мудрый, разделив землю между своими сыновьями, установил систему уделов. Земля на правах удела принадлежала разным князьям, но эти князья были членами одного владычествующего семейства «под властью старшего в роде». Отсюда такой порядок вещей Н. А. Полевой именовал «семейным феодализмом» — необходимой ступенью при переходе от феодализма к монархии, а не ошибкой князей, как утверждал Н. М. Карамзин^{clxxxii}.

Схема, предложенная историком, позволила по-иному, чем прежде, взглянуть на институт княжеской власти в Древней Руси, проследить его развитие от простейших форм к более сложным. Находя у древних славян «образ правления патриархальный, ведущий к единой державине» с властью князя, который «в затруднительных случаях собирал вече или совет старцев»^{clxxxii}, Н. А. Полевой замечал большие изменения в нем с завоеванием славян варягами. Завоеватели строили городки-крепости для защиты от нападения покоренных ими народов и новых пришельцев. Владетели этих городков именовались, по славянскому обыкновению, князьями, образуя отдельные княжества. Они признавали власть главного конунга, который, впрочем, не имел над ними «безусловного начальства» и сохранял «только прежнее значение повелителя в действии», «должен был требовать их совета при сборе на войну и давать им часть приобретенной добычи». Поэтому известные договоры с Византией заключались не только от имени великого князя, но и удельных князей, замечал Н. А. Полевой. Малонаселенность и громад-

ность территории препятствовали тесным связям между князьями, и каждый из них был полный властелин в своем княжестве. «Туземцы, покоренные варягами, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало князьям, равно как имение туземца, сам он, и семейство его. По приказу князя туземцы принимались за оружие и шли в поход, предводимые варягами», «платили подать ежегодно» и различные судебные виры. «Сыновья князей делили участки отцов своих, а новые варяги, не участвуя уже в дележе земель, составляли собою род беспоместного дворянства, ...составлявшего вместе с тем избранную дружину каждого князя и опору его власти»^{clxxxiii}. Таково было, по мнению Н. А. Полевого, положение княжеской власти при так называемом «норманском феодализме», пока славянская самобытность не превозмогла скандинавские обычаи, и не началось влияние христианства^{clxxxiv}.

При удельной системе, или «феодализме семейном», великий князь - уже глава не разрозненных княжеств, а семейного союза князей, старший в роде, с проистекавшими отсюда правами и отношениями. Он был верховный судьей в ссорах между удельными князьями. «По его велению, — писал Н. А. Полевой, — удельные князья должны были помогать друг другу в войнах и с внешним неприятелем. Он мог лишить удела за неповиновение, мог и переменить уделы, но с общего согласия всех князей», производимого на княжеских съездах. Характер власти удельных князей, по Н. А. Полевому, был вполне монархический: «Каждый из них считался полным властелином своего удела, имел в своем уделе право на имение и жизнь подданных, имел свои дружины, свой Двор, мог объявлять войну и заключать мир с неприятелем». Наследование престола в уделах шло по прямой линии после отца, так что собратья становились вассалами, «считаясь удельными в уделе»^{clxxxv}. Однако неограниченная власть князей встречала иногда «бунт народный», который позволял захватывать власть любому князю, вне зависимости от его положения в семейном союзе^{clxxxvi}. Таким образом, «правление княжеств было смешением азиатского и византийского деспотизма, и скандинавского феодализма»^{clxxxvii}.

Исключительное положение в ряду древнерусских земель, как и многие другие исследователи, Н. А. Полевой отводил Новгородской республике^{clxxxviii}. В ней князь был всего лишь «в числе важных совещателей на вече», избиравшем его, и «полководец, которому платили в жалованье часть государственных доходов». «Малейшее волнение веча и воля посадников», — считал историк, — «могли остановить все его действия»^{clxxxix}.

Во вторую половину периода уделов: от перенесения Великого княжества из Киева во Владимир-Залесский до нашествия монголов (от 1157 до 1236 г.)^{cx}, Н. А. Полевой, рассматривая, главным образом, междукняжеские отношения, замечал дальнейшее усиление княжеской власти. В частности, о деятельности Андрея Боголюбского он писал, что великий князь «хотел соединить силу и могущество не в месте, но в лице, не в старшинстве, но во власти», устанавливая «систему политического единовластия»^{cxci}. Впрочем, главный источник княжеской власти оставался в авторитете и силе определенного князя, и система уделов осталась неизменной^{cxcii}. Даже в Новгороде князь мог приобрести значительность, но «только достоинствами, умом, заслугами»^{cxciii}. Упрекая Н. М. Карамзина за то, что он вместо истории дает галерею портретов без всякой исторической перспективы, Н. А. Полевой, в конце концов, впадал в тот же самый «грех», излагая дальнейшие события по княжениям и царствам. Правда, доказывая при этом, что правители являются выразителями идей народа и их «двигателями»^{cxciv}.

Тем не менее, Н. А. Полевой выразил требования, предъявляемые исторической науке современной ему эпохой, утвердил ряд новых понятий и выдвинул ряд новых положений, в частности, и по проблеме княжеской власти в Древней Руси^{cxcv}. Главным здесь выступает представление о непрерывном процессе поступательного развития и совершенствования данного политического института^{cxcvi}. Этот взгляд, несомненно, имел положительное влияние на дальнейший ход изучения княжеской власти в отечественной историографии, хотя и был связан в большей степени с именами других историков.

Критика «Истории русского народа» Н. А. Полевого, начавшаяся уже в 1829 г., не имела столь шумного и плодотворного успеха, как полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Резко отрицательные отзывы карамзиниста С. В. Руссова и тогда еще поклонника историографа, начинающего преподавателя Московского университета М. П. Погодина, ничего существенно нового и интересного в рассмотрении княжеской власти не дали^{сxcvii}. Так же, как Н. А. Полевой, последователь идей Ф. Шеллинга и французских историков-романтиков, философ-эстетик и литературный критик Н. И. Надеждин упрекал его в вульгаризации новейших исторических теорий^{сxcviii}. Несколько смягчая тон критики в отношении «Истории» Н. А. Полевого, выступил А. С. Пушкин^{сxcix}. Причем он сделал весьма значимый к тому времени акцент на отрицании феодализма в Древней Руси^{cc}.

Проблема феодальных отношений, ставившаяся Н. А. Полевым как показатель схожести исторического развития России и Западной Европы в древности, явилась, в условиях реакционного режима Николая I, угрозой идеологии самодержавия^{cci}. Началось распространение известной триады министра народного просвещения и президента Петербургской Академии наук графа С. С. Уварова «самодержавие, православие, народность». Эта «теория "официальной народности" изображала волю монарха единственной движущей силой истории. Она строилась на противопоставлении западноевропейского и русского исторического пути развития, преувеличенное внимание обращала на исконно русские начала жизни страны, выражала идеи невозможности и ненужности изменения существующего положения»^{ccii}.

Представление об особом характере российской истории в сравнении с европейской в духе уваровской триады впервые было сформулировано М. П. Погодиным в его университетской лекции 1832 г., на которой присутствовал сам С. С. Уваров^{cciii}, и развито в целом ряде научных, учебных и публицистических произведений историка 1830-х гг.^{cciv} М. П. Погодин, как и Н. А. Полевой, был сторонником норманизма^{ccv}. Он считал, что «норманны дали все политическое устройство» славянам^{ccvi}. Од-

нако они по-разному смотрели на приход варяжских князей в славянскую землю. Н. А. Полевой говорил о завоевании варягами Восточной Европы и о том, что «туземцы, покорные варягам, были рабы». М. П. Погодин же указывал на добровольное призвание варяжских князей, которое привело к полному согласию и признанию самодержавной власти местным населением, сохранившем, однако, значительное самоуправление и патриархальную свободу^{ccvii}. М. П. Погодин утверждал: «Восточные европейские племена (то есть славяне) во всем составляют средину между европейской и азиатской жизнью»^{ccviii}. Таким образом, они имеют свой самобытный путь исторического развития. Вскоре разногласия по этому поводу, как известно, приобрели более отчетливые формы в спорах между славянофилами и западниками.

Точку зрения М. П. Погодина поддержал его коллега по Московскому университету, филолог и историк русской словесности С. П. Шевырев^{ccix}. Другой официозный писатель и журналист Ф. В. Булгарин, выпустивший под своим именем сочинение профессора Дерптского университета Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», также развивал представления о несхожести исторического развития России и стран Западной Европы. Вытекающие отсюда противопоставления о призвании варяжских князей славянами в отличие от завоевания, об особых отношениях правителя и подвластного ему населения, об отсутствии «феодальной или аллодиальной системы, ленного права», т. к. земля не могла принадлежать добровольно призванным варягам, отличались от взглядов М. П. Погодина лишь архаизацией социально-политических отношений в Древней Руси^{ccx}. Н. А. Иванов и его мнимый соавтор Ф. В. Булгарин подчеркивали идею, что «русское государство создано не Рюриком, а потомками его, в пятом и шестом поколении. Во время пришествия Рюрика, не было ни русского, ни славянского государства, а были, в нынешней России, полудикие славянские и финские племена, соединенные нетвердыми союзами, с двумя славянскими торговыми, полуобразованными областями: Новгородскою и Киев-

скою»^{сxxi}. Рюрик и его преемники всего лишь охраняли эти области, «не меняя их обычаев, устанавливая чиновников, не устанавливали законов, наказывая не послушных», за что получали соответствующую дань. «Покорение других племен также ограничивалось сбором дани»^{сxxii}. Преемственность княжеской власти шла по старшинству в роде, «по обычаю всех норманских племен, однако тогда не имели надлежащего понятия о правах первородства, ... всегда почти избирали в преемники власти достойнейшего из рода умершего правителя или вождя»^{сxxiii}.

Процесс архаизации исторического развития домонгольской Руси, как явление в отечественной историографии, был свойственен так называемой «скептической школе», во главе которой стоял М. Т. Каченовский, известный историк, профессор и ректор Московского университета, критик и редактор-издатель «Вестника Европы». Скептицизм в отношении достоверности древнерусских источников привел М. Т. Каченовского, под влиянием новейших романтических теорий, в частности, немецкого историка античности Б. Г. Нибура о «баснословном периоде» в истории, к утверждению о более позднем появлении у нас летописей и законодательных памятников^{сxxiv}. Отрицая в принципе реальность первых летописных князей до Игоря, скептики поддерживали идеи об историческом движении с юга на север, а не наоборот^{сxxv}. Весь славянский север до XII века, считал М. Т. Каченовский, знал лишь «бродячие орды пастухов и семейства рыболовов и звероловов»^{сxxvi}, в отличие от западноевропейских народов, у которых уже установился гражданский порядок и процветал феодальный строй. «На Юге нынешней России, — писал С. М. Строев, ученик М. Т. Каченовского, наиболее близкий к нему, — был грубый и дикий народ руссы, занимавшийся разбоями и грабежами», имевший своих князей, которые, покорив своей власти славянские племена, взымали с них дань^{сxxvii}. Среди других учеников М. Т. Каченовского, поддержавших его, были такие известные в будущем историки, как Я. И. Беренников, А. З. Зиновьев, Н. Н. Мурзакевич, О. М. Бодянский, Н. В. Станкевич, Н. И. Сазонов.

Печатавшийся у М. Т. Каченовского в «Вестнике Европы» Н. И. Надеждин, сам издатель-редактор популярного журнала «Телескоп», также развивал взгляды на легендарность древнерусского периода, примитивность института княжеской власти и общественного строя Древней Руси, отсутствие в нем признаков западноевропейского феодализма^{ссxviii}. Однако представления Н. И. Надеждина складывались скорее под влиянием знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, чем воззрений представителей «скептической школы»^{ссxix}.

Близкий к скептикам в принципах критики источников историк-любитель Н. С. Арцыбашев (Арцибашев), выпустивший обширное «Повествование о России», относил «поместное устройство государства», похожее «на древнее франкское», вслед за А. Л. Шлецером, ко времени от Рюрика до Владимира I. После введения христианства оно «изменилось в удельное»^{ссxx}. При этом, несмотря на критическое отношение к Н. М. Карамзину, Н. С. Арцыбашев описывал положение княжеской власти на Руси в тех же красках. Монархия, основанная Рюриком, при участии «в делах общественных» дружины и старцев градских, сменившаяся удельным правлением^{ссxxi}. «Власть великих князей над собратиею», приобретаемая старшинством в княжеском роде, определяло «собственное лишь могущество» конкретного правителя. Междукняжеские отношения решались посредством «мирных и союзных договоров», на взаимных съездах. «Сильные опыты власти» проявлял на вече «народ главных городов в княжениях» и «предлагал князьям условия, на которых повиноваться желает». Кроме того, «вельможи, или дружина, имели равным образом большое участие в делах государственных и составляли верховный совет правительства». Исключение традиционно делалось Н. С. Арцыбашевым для Новгородской республики: «Свободные новгородцы избирали сами князей своих», которые «считались подчиненными народу и признавали себя сами такими». «Псковитяне подражали самовольству новгородцев», — считал историк^{ссxxii}.

Противники «скептической школы», выступившие со специальными исследованиями, опровергающими основные положения

ния скептиков, возвращались к характеристике института княжеской власти в Древней Руси через призму монархической концепции, разработанной Н. М. Карамзиным^{сххiii}. В 1830-е гг. эта концепция была особенно распространена в научно-популярной исторической литературе^{сххiv}. Тем временем, в 30-е и особенно в 40-е гг. XIX века в России сформировалась университетская профессура, выступившая в исторической науке с академических позиций, и достаточно быстро завоевала ведущее положение в развитии отечественной историографии. Распространение исторического образования в высших и средних учебных заведениях, исторических обществ, специальных периодических изданий создавало благоприятную атмосферу для профессиональных занятий историей. Отечественные ученые-историки устанавливали тесные научные и литературные связи. Причем не только факт вхождения в состав Российской империи Прибалтики, Польши и Финляндии, где существовали собственные университеты, позволяет включать труды их преподавателей в состав отечественной историографии, но и особенные взаимоотношения, взаимовлияния этих «иноплеменных соотечественников»^{сххv} с русскоязычными историками.

У истоков нового научного направления, получившего название «государственная школа» и развитого в университетских центрах России, стояли историки русского права из Дерптского университета. Среди них необходимо выделить, прежде всего, старейшего и наиболее авторитетного профессора и ректора университета И. Ф. Г. Эверса, основоположника «родовой» теории происхождения государства в России^{сххvi}. Принявшись в духе идей романтической историографии за изучение внутреннего состояния жизни народа, И. Ф. Г. Эверс признал главным источником, раскрывающим это состояние, законодательные памятники прошлого^{сххvii}. Через них в его трудах впервые в отечественной историографии получило развитие специальное исследование государственных и правовых институтов Древней Руси. Если в первых своих работах: «О происхождении русского государства» (1808), «История русов» (1816), «Предварительные критические исследования для Российской истории» (1814;

в русском переводе, 1825), он не шел дальше традиционных монархических представлений о княжеской власти, хотя отрицал норманское влияние и феодальные отношения^{ссxxviii}, то в основном своем монографическом исследовании «Древнейшее право русов в его историческом развитии» (1826) И. Ф. Г. Эверс сформулировал новый подход.

В основе исторических взглядов И. Ф. Г. Эверса лежит так называемая «теория родового быта». В общих чертах она выглядит следующим образом. Исходя из идеи, что «все в истории происходит из естественного хода развития рода человеческого», историк представляет себе соответствующие этапы изначального «патриархального состояния гражданского общества»^{ссxxix}. «В грубом естественном состоянии» первой общественной ячейкой является патриархальная семья с сильной отеческой властью. Разросшиеся семьи, происходящие от общего родоначальника и живущие вместе, для взаимной защиты от внешних врагов объединяются в родовую организацию под главенством старшего в роде. Власть главы рода была ограничена определенной независимостью семей, в руках которых находилась земельная собственность, и тем, что в каждом семействе был свой «господин». Аналогичным образом из соединения родов образуются племена. «Главою племени становится тот же, кто был родоначальником, старший сын от старшего сына, основателя племени»^{ссxxx}.

Вторая стадия «в постепенном образовании человеческого рода» — переход к государству, по И. Ф. Г. Эверсу, «суть не что иное, как соединения отдельных, бывших дотоле совершенно свободными, родов или больших семейств под владычество одного общественного главы»^{ссxxxii}. Этот процесс происходит уже не «естественным» путем, а по воле владыки, когда на смену родоплеменным приходят территориальные связи: «Начальник племени, если он бывает счастливым воином, делается мало-помалу владыкою над известным пространством земли, могущественным князем». При этом И. Ф. Г. Эверс делал важное замечание, что «первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу и в ново-

образованном государстве»^{сcxxxii}. Поэтому первоначально князь еще «не что иное, как верховный патриарх», хотя и «носит титуло государя или властителя». «Он тогда не более означает, как предводителя на войне, верховного судию в народных спорах и раздаятеля праздных или новозавоеванных земель. Начальники племен долго еще удерживали за собой знатную часть прежней своей власти». Семейства в этот «первый период всякого государства» продолжают составлять «одно независимое целое» со своим судом, самоуправлением и правом распоряжения собственностью^{сcxxxiii}. Следовательно, «первые государи управляют своим государством и своими подданными», как своей большой семьей, на основе древних обычаев^{сcxxxiv}.

Таким образом, «родовая» теория, представленная И. Ф. Г. Эверсом, о постепенном внутреннем развитии семьи, рода и племени в государство и соответственно отца семейства, старейшины рода и главы племени в князя, наполняется новым содержанием в отличие от аналогичных теорий рационалистов и просветителей XVIII — начала XIX века. Главным здесь выступает тезис о длительном сохранении семейных (родовых) отношений в образовавшемся государстве, особенно в княжеской среде. Отсюда князья смотрели на государство, как на родовое имущество, «и каждый требовал из него своей доли. Старший брат пользовался только преимущественным уважением, имел как бы верховную власть над всеми прочими. Но подчинение тогда еще мало значило; верховный властитель не мог по произволу давать чувствовать другим силу своего преимущества; ибо его братья также владели землями, и, следовательно, имели в руках своих средство сделаться независимыми князьями и даже основать новые государства»^{сcxxxv}. Постепенно с развитием государственных отношений родовые «разделы исчезли, и явилось наследие престола, основанное на первородстве»^{сcxxxvi}. Хотя И. Ф. Г. Эверс в своем труде не доводил историческое изложение до этого времени. Последнее, что необходимо еще отметить, — князь на Руси, в представлении историка, это неограниченный и всеобъемлющий институт власти. Отличие составлял лишь вольный Новгород, с его гражданским правом^{сcxxxvii}.

Выводы И. Ф. Г. Эверса поддержали другие представители дерптской школы истории русского права. Так, профессор И. Г. Нейман, защищая его точку зрения о южном происхождении варяго-русов и родовых отношениях, представлял уже первых князей как верховных правителей, судей и воинов, утвердивших свое господство в землях славян^{сcxxxviii}. После же Ярослава Мудрого, разделившего земли, междукняжеские распри ослабили власть великокняжеского рода, чем воспользовался Новгород, приобретя право избирать князей. Ограничив княжескую власть, новгородцы тем самым установили демократическое правительство, но при большой роли в нем боярства^{сcxxxix}. Схожие взгляды содержатся в лекциях профессора Э. С. Тобина, известного исследователя Русской Правды^{сcxli}.

Предшественник Э. С. Тобина по кафедре русского права Дерптского университета профессор А. М. Ф. Рейц, ученик И. Ф. Г. Эверса и И. Г. Неймана, был первый, кто создал систематический «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (1829; в русском переводе, 1836). Основываясь в своих общих построениях на идеях исторической школы права (Ф. К. Савиньи, К. Ф. Эйхгорн), А. М. Ф. Рейц в конкретных исследованиях развивал взгляды И. Ф. Г. Эверса^{сcxli}. Поддерживая мысль о господстве родового быта среди восточных славян и, в особенности, между членами княжеского рода, историк характеризовал политический строй Руси как «союзное государство»^{сcxlii}. В нем всем управлял великий князь. «Он определял войну и мир; когда он шел в поход, то удельные князья должны были присоединяться к нему со своими войсками. Он решал их споры и утверждал за собою право объявлять их лишенными уделов за поступки». Ему принадлежала и законодательная власть. Однако «удельные князья в своих уделах были неограниченными властителями при всех правительственных действиях, в кои великий князь редко мог вмешиваться. Они взимали подати и отправляли правосудие; они княжили так же, как и великий князь над своими подданными»^{сcxliii}. Великокняжеский престол преимущественно принадлежал старшему в княжеском роде, хотя А. М. Ф. Рейц замечал: «сие правило, вы-

веденное из власти семейственной не было довольно сильно» и действовало периодически. Наряду с ним было распространено так же право сильного^{ccxlv}. В отношении преемственности уделов историк полагал, что они «переходили к их потомкам по праву наследства или по распоряжениям владетелей, хотя кажется, что великие князья почитали себя в праве раздавать их, и иногда действительно это делали». Междукняжеские отношения развивались, по мнению А. М. Ф. Рейца, «вследствии обычая и договоров»^{ccxlv}. Основанием обычая «было общее происхождение по роду», когда князья относились друг к другу как братья. Основанием договоров выступало независимое и равное положение всех владетельных князей^{ccxlvii}. После того, «когда упало могущество великих князей киевских, то недостаток верховной власти, коей постановления были бы обязательными для всех, служил поводом к учреждению съездов, где рассуждали о войне и мире, решали споры и несогласия, разделяли княжества и недостойных объявляли лишенными оных. По приглашению, в сих совещаниях принимали также участие глава духовенства, бояре и советники князей»^{ccxlviii}. Народ же, по А. М. Ф. Рейцу, не имел ни малейшего участия в правлении и никак не ограничивал княжеской власти^{ccxlix}. В последствии только в Новгороде и Пскове народное собрание представляло верховную власть, в других городах оно являлось чем-то вроде народного восстания^{cccl}. Таким образом, А. М. Ф. Рейц, как и другие его современники из числа историков государства и права Дерптского университета, признавал за институтом княжеской власти в Древней Руси монархический образ правления, исключая лишь Севернорусские народоправства^{cccl}.

Влияние западноевропейской исторической школы права, в особенности ее немецких представителей (Ф. К. Савиньи, К. Ф. Эйхгорн, Г. Ф. Пухта и др.) с их романтическим представлением о государстве и праве как органическом продукте «народного духа» и немецких ученых дерптской школы с их новой трактовкой теорий естественного права, проявилось также в трудах польских и русских правоведов 1830-х гг. Так, например, И. Губе, профессор юридического факультета Варшавского

университета в своей диссертации о славянском наследственном праве (1832) прямо следовал родовой теории И. Ф. Г. Эверса и доказывал, что переход княжеского стола на Руси до конца XI столетия совершался по «древним понятиям о семействе»^{ccli}. Взгляды А. М. Ф. Рейца на институт княжеской власти в Древней Руси развивал профессор Московского университета, известный юрист Ф. Л. Морошкин — переводчик основного труда А. М. Ф. Рейца, снабдившего его библиографическим предисловием и обширными примечаниями^{cclii}. Наконец, необходимо упомянуть о важнейших трудах по государственному праву России М. М. Сперанского, написанных с новейших теоретических позиций того времени.

С 1826 г. М. М. Сперанский руководил работами по кодификации Основных государственных законов Российской империи, на основе чего было издано 45-томное первое «Полное собрание законов» (1830) и 15-томный «Свод законов» (1832). Это не только систематизировало законодательство и уточнило многие правовые нормы, но и значительно продвинуло работу исследователей по истории государства и права России. Самому М. М. Сперанскому было поручено написать руководство для познания отечественных законов, которое он составил на основе лекций, прочитанных наследнику престола, будущему императору Александру II в 1834—1838 гг. В нем М. М. Сперанский уделил большое внимание происхождению и развитию верховной (княжеской) власти в России. Производя ее из власти отеческой в союзе семейственным и власти родоначальника в союзе родовом, он писал, что «верховная власть великих князей, и даже князей удельных в их уделах, издревле в России была власть неограниченная. Хотя некоторые города, как-то: Суздаль, Владимир, Рязань, имели свои местные управы и советы, составляемые из граждан и называемые вече, но сии советы ведали только внутренними делами городскими и сами по себе ничем не ограничивали княжеской власти. Из сего общего правила составляли изъятие только Новгород и Псков; в них власть княжеская утверждалась и определялась договорными грамотами и присягою»^{ccliii}. Система удельных княжеств происходила, по мысли

М. М. Сперанского, из смешения права державного с правом собственности. Государство, «как и всякое другое имущество», подлежало разделу^{ccliv}. При этом «в удельной системе княжения нестрого наблюдалось первородство, и хотя в общем порядке обыкновенно старший брат, а потом старший сын по смерти отца наследовал уделом, но удельный князь мог раздавать при жизни и завещать по смерти не только собственные свои вотчины, но и раздроблять самый удел»^{cclv}. В другой своей работе М. М. Сперанский подчеркивал: «князья имели державное право на все земли, в уделе их состоящие, и по праву сему они могли их жаловать в частную собственность»^{cclvi}.

Представленные взгляды М. М. Сперанского сходны с точкой зрения экономиста Ю. А. Гагемейстера. По нему государство также являлось частной собственностью княжеского рода, откуда происходило его дробление на независимые удельные княжества. «Каждый удельный князь пользовался в своей области всеми правами верховной власти, признавая лишь нравственную власть старшего брата», то есть великого князя. Особое положение по отношению к княжеской власти занимал только вольный Новгород^{cclvii}. Об этом же писал ученик М. М. Сперанского, прошедший школу Ф. К. Савиньи и Г. В. Ф. Гегеля, один из создателей научного правоведения в России, профессор Киевского университета К. А. Неволин. В своей выдающейся «Энциклопедии законоведения» (Киев, 1839—1840. Т. 1—2), говоря о законодательной деятельности в Древней Руси, он подчеркивал, что «постановления власти общественной, коими учреждался закон, могли исходить от великого князя русского, от удельных князей и начальства вольных городов». Причем первый не мог этого делать без согласия с удельными князьями, а те в свою очередь не могли действовать без согласия дружины. Взаимные отношения между князьями определялись посредством договоров. То же касалось и отношений между князем и вольными городами^{cclviii}.

Таким образом, в 1820—1830-е гг. в отечественной историографии благодаря романтическому подходу к истории возникли различные концепции развития княжеской власти на Руси IX —

начала XIII века. От откровенно республиканских взглядов декабристов и польских радикалов до официозных историков, стремившихся представить особый исторический путь России на началах формирующейся теории «официальной народности». В то же время княжескую власть начинают рассматривать как институт, эволюционирующий на протяжении древнерусской истории от простейших форм к более сложным (Н. А. Полевой, И. Ф. Г. Эверс и др.), что позволяло значительно расширить подходы историков к изучаемой проблеме. Новые философские системы романтизма с их обращением к «духу времени», «народному духу» способствовали поиску основополагающих начал отечественной истории и путей ее дальнейшего развития. Это вскоре вылилось в столкновение славянофилов и западников. Однако 40-е гг. XIX века — период становления этих течений, составляет следующий этап исторической науки в России, связанный с ее общим подъемом в условиях университетско-академической направленности и деятельностью различных общественных групп (консервативных, либеральных, демократических)^{cclix}.

§ 2. Изучение власти древнерусских князей в историографии середины — второй половины XIX века.

Середина и вторая половина XIX века в отечественной историографии справедливо связывается с борьбой разнообразных течений, представляющих различные подходы к пониманию процессов исторического развития (консервативный, либеральный, демократический)^{cclix}. Время формирования этих направлений в 1840-х гг. совпало с активизацией научной и педагогической деятельности в области исторической науки в России. С одной стороны, это связано с развитием университетского образования, появлением специализированных кафедр, научных обществ, профессионально подготовленных историков и преподавателей, архивных комиссий. Отсюда резко возрастают мас-

штабы исторических исследований и популяризации исторических знаний^{cclxi}. С другой стороны, общественная ситуация предреформенного периода и времени великих реформ 1860—70-х гг. способствовала поиску основополагающих начал отечественной истории, тем самым, группируя вокруг них близких по взглядам авторов исторических сочинений. Расширение источниковой базы исследований, совершенствование источниковедческого анализа позволило создать разнообразные концепции исторического прошлого России. Изучение власти древнерусских князей в этих условиях приобретало повышенную дискуссионность.

Первыми, кто сформировал свою позицию по вопросу об институте княжеской власти в Древней Руси в 1840-х гг., были историки консервативного (официального, охранительного) направления. Среди них ведущее место занимал М. П. Погодин, профессор, заведующий кафедрой русской истории в Московском университете (1835—1844). Хотя основные взгляды М. П. Погодина на древнерусскую историю были сформулированы им еще в 1830-е гг., лишь к 1846 г. он смог оформить их в обобщающем труде «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (3 т.), собрать сборник концептуальных статей «Историко-критические отрывки» и подвести, тем самым, итог многолетней работы. Последующие труды историка уже не выходили за рамки его устоявшейся концепции^{cclxii}. Взгляды М. П. Погодина продолжали развиваться в русле теории «официальной народности», окончательно сформулированной графом С. С. Уваровым в 1843 г.^{cclxiii} Основная идея, лежавшая в основе консервативной мысли, заключалась в исключительности России и противопоставлении ее исторического развития западноевропейскому^{cclxiv}.

Для уяснения общего хода отечественной истории и, в частности, положения княжеской власти в домонгольской Руси М. П. Погодину было необходимо придать определяющее значение начальному этапу государственности в России. Его он именовал «норманнским»: от призвания Рюрика, положившего начало династии князей, до смерти Ярослава Мудрого, с момен-

та которой начинался удельный период. Вследствие призвания для защиты и суда, в отличие от завоевания на Западе, княжеская власть вступает в согласие с местным населением. Земля же «оставалась как прежде, в общем владении народа, под верховной (отвлеченной), властью князя, который о ней не думал, потому что не имел никакой нужды», получая из народных излишков дань. Отличительная особенность Руси — отсутствие феодализма, позволяла князьям беспрекословно управлять своими боярами и народом. Функции княжеской власти были всеобъемлющими: «Князь держал землю, охранял безопасность, налагал дань, раздавал волости, ходил на войну, заключал договоры, творил суд и правду, пользуясь за то известными податями». Так продолжалось двести лет, в течение которых норманны создали государство, привнеся свои обычаи, а с принятием христианства и греческие. Однако, живя среди свободного славянского населения (сохранившего, кстати, вечевые собрания) немногочисленной прослойкой, они ославились^{cclxv}. Таким образом, акцентируя внимание на факте призвания княжеской власти в начале отечественной истории, М. П. Погодин выводит из него другие элементы в противопоставлении исторического развития России и западноевропейских государств, подгоняя их под известную формулу: «самодержавие, православие, народность».

В период уделов, когда Русская земля была раздроблена между князьями, так как находилась уже во власти не одного князя, а целого рода, действовало право старейшинства. Причем это право, считал М. П. Погодин, было принесено на Русь варягами. По нему, «как в первом или великом княжестве, так и во всех княжествах, в случае смерти князя, старший в его роде занимал его место». Однако великому князю принадлежало лишь «именное старшинство, почетный титул, завидное владение». «Ни о каких правах и преимуществах помину нет нигде». Он никакой власти над другими князьями не имел. Все зависело от личных качеств великого князя и обстоятельств, в которых он находился, то есть если случалось ему «быть не только старше, но и умнее других, иметь искусство воспользоваться своей силой, тогда он повелевал», если нет, то его власть ограничивалась лишь пре-

делами Киевского княжества. Междукняжеские отношения строились на родовом праве каждого князя участвовать во владении частью Русской земли и равенстве всех князей между собой. Существование исключений в праве наследства и желание иметь больше власти, больше доходов приводило к междоусобным войнам князей, которые не затрагивали местное население, по принципу: «князья с дружиной сами по себе, а поселяне сами по себе». Решение княжеских споров производилось с помощью посредников, договоров, союзов, на общих съездах или по приговору старшего в роде^{cclxvi}. Круг княжеской деятельности в каждом уделе был по-прежнему всеобъемлющий. От князя зависело назначение должностных лиц в городах и волостях: посадников, тысяцких, тиунов, духовных иерархов. Князь давал и отнимал, изменял уделы в границах своих владений. Получал с народа дань и прочие доходы, распоряжаясь ими по своему усмотрению. Издавал законы, творил суд, определял пени. Предпринимал войну и заключал мир. Строил города, имел собственные земли с зависимым населением. Таким образом, М. П. Погодин подчеркивал, что «во всяком новом уделе князь заводил тот же порядок, какой установился в Киеве, и становился таким же государем в пределах своего княжества, каким был сначала великий князь киевский». Однако власть его временами ограничивалась другими деятелями — дружиной, войском, городским населением на вечах. Но все они по своей отдельности были беспомощны без князя, неспособны к собственной деятельности. Так что, имея большое влияние и силу, «князья считались властелинами своих подданных и господами земли»^{cclxvii}. В заключение своего обзора социально-политического состояния Руси в удельный период М. П. Погодин останавливался на характерных для отечественных исследователей второй половины XIX века замечаниях о том, что в древности государственные и общественные отношения у нас «отнюдь не были определены никакими правилами с ясностью, и не были с точностью разграничены». «Естественный здравый смысл, на степени своего развития в данное время, указания и требования обстоятельств, сообразно с

принятыми обычаями, — вот какие были главные основания для решения всех дел и споров между князьями»^{cclxviii}.

Стоит еще раз подчеркнуть, что концепция княжеской власти в Древней Руси М. П. Погодина не только по своему монархическому характеру, но и по содержанию принадлежала консервативному направлению. Отсутствие признаков развития функций данного института на протяжении домонгольской поры в понимании историка возвращало его взгляды к аналогичным суждениям в отечественной историографии XVIII — начала XIX века. К тому же представлениям М. П. Погодина вследствие известного схематизма были свойственны многочисленные противоречия, о чем замечали уже его рецензенты. Это и многое другое (личные, педагогические качества) способствовало тому, что историк не смог приобрести значительных последователей своих идей в университетско-академической среде^{cclxix}.

Сказанное о М. П. Погодине и его взглядах на институт княжеской власти в домонгольской Руси в полной мере касается и другого известного историка консервативного направления, профессора Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устрялова, автора первого официально утвержденного печатного курса лекций по отечественной истории для университетов^{cclxx}. Разница между этими историками заключалась лишь в методологических подходах к историческому материалу. Если М. П. Погодин следовал порой идеям провиденциализма, то Н. Г. Устрялов оставался верен разработанной им в 1830-е гг. прагматической системе^{cclxxi}. Однако исторические выводы обоих оказались весьма сходными. Как и М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов утверждал, что с призванием варяжских князей, а не с завоеванием ими восточных славян, с введением православия, история России приняла «особенное, самобытное направление и образовала из него мир отдельный, отличный от мира западного в главных условиях государственных, в устройстве иерархии, в круге действий власти светской и духовной, в связях внешней политики и во всех учреждениях внутренних»^{cclxxii}. Отсюда Н. Г. Устрялов разграничивал понятия «феодальная система», свойственная Западной Европе, с ее вассалитетом, своеволием вельмож, папской вла-

стью и большой ролью городских общин, и «удельная система», свойственная Древней Руси, со времен Рюрика до конца XVI века^{cclxxiii}.

Удельное правление, по мнению Н. Г. Устрялова, введенное норманнами, подразумевало, что верховная (княжеская) власть принадлежала одной династии. На Руси это были Рюриковичи. Каждый член господствующего рода «имел право на удел, долженствовавший оставаться отчиною или собственностью его потомков»^{cclxxiv}. Он «был полный, независимый властитель своего участка, имел свою столицу, свою дружину, или войско, своих бояр, назначал епископа, строил города и крепости, издавал законы, производил суд и расправу, награждал и наказывал по произволу, воевал и мирился с кем хотел», то есть не являясь вассалом великого князя, «а равным ему государем». Великому князю, как старшему в роде, принадлежало лишь право «мирить удельных князей в случае распрей, требовать от них войны с врагами внешними». Внутренние распри князей не затрагивали ни бояр, ни духовенство, ни городские общины, «ибо тут не было вопроса о стеснении княжеской власти», — писал Н. Г. Устрялов^{cclxxv}, исключая лишь Новгород и Псков. При посредстве Ярослава Мудрого, обязанного новгородцам великокняжеским престолом и даровавшего им льготные грамоты, Новгородское княжество «присвоило себе право избирать князя по произволу, ограничило его власть и, управляясь народным вечем, представляло мир отдельный»^{cclxxvi}.

Таким образом, точка зрения Н. Г. Устрялова на институт княжеской власти в Древней Руси всецело укладывается в рамки консервативного направления. Причем противопоставление исторического процесса в России и в странах Западной Европы привело историка к отрицанию у нас эпохи Средневековья в принципе. Он делил свою «Русскую историю» на две части: «древнюю» и «новую», до и после Петра Великого, руководствуясь внешними признаками преобразования единого московского государства в Российскую империю. Основные же начала русской жизни, по известной теории: «самодержавие, православие, народность», с древности остаются неприкосновенны-

ми^{cclxxvii}. Единением этих начал Н. Г. Устрялов, кстати, объяснял и то, что «удельный период ознаменован цветущим состоянием городов, успехами промышленности, смягчением нравов, могуществом русской силы в войнах с соседними народами»^{cclxxviii}. Так корректировалась в середине XIX века официальная концепция отечественной истории, унаследованная из трудов Н. М. Карамзина и нашедшая широкое распространение в общественно-политической, научно-популярной и учебной литературе второй половины XIX века^{cclxxxix}.

Близкими к консервативному направлению и теории «официальной народности» в 1840—70-е гг. были так называемые «славянофилы», боровшиеся с «западниками», в противоположность которым они обосновывали особый, отличный от западноевропейского, путь исторического развития России^{cclxxx}. Если консерваторы в триаде «самодержавие, православие, народность» уделяли первостепенное значение в отечественной истории самодержавию, то славянофилы усматривали ее самобытность, прежде всего, на началах православия и особо понимаемой ими народности. Здесь необходимо заметить, что понятия «славянофилы» и «западники», к которым относятся представители соответствующих направлений русской общественной мысли, в первую очередь, середины XIX века, крайне обширные и многозначные термины^{cclxxxix}. Кроме того, среди тех и других были люди, придерживающиеся и консервативных, и либеральных, и демократических взглядов. Сложность их обобщения в указанные направления в отечественной историографии, а тем более в данном исследовании, заставляет говорить не о славянофильской или западнической концепции развития княжеской власти на Руси, а о различных теориях, основанных на историософии славянофилов и западников.

У публицистов и профессиональных историков славянофильского направления (А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, И. Д. Беляев, В. Н. Лешков, Ф. В. Чижов, К. С. и И. С. Аксаковы, В. А. и Н. А. Елагины, В. А. Панов, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Валуев, А. Н. Попов, В. А. Черкасский, П. А. Бессонов, П. И. Бартенев, А. Ф. Гильфердинг и др.) полу-

чила развитие теория общинного быта, как основы общественного строя в Древней Руси. Причем община, этот краеугольный камень в мировоззрении славянофилов, употреблялась многими из них не только в значении локального мирского союза, но объединяла весь русский народ, или «землю», как противовес «государству». Уже в первых, основополагающих статьях А. С. Хомякова и И. В. Киреевского 1839 г. было заложено, что в России издревле происходило «образование общества в маленькие так называемые миры», в отличие от Запада, где процветала «частная, личная самобытность». «Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества, — писал И.В. Киреевский. — Но это общество не было самовластное и не могло само себя устроить, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем»^{cclxxxii}. Поэтому было призвано государство, в лице варяжских князей и их дружин (на Западе же было завоевание). «Правительство из варягов представляет внешнюю сторону; областные веча — внутреннюю сторону государства, — писал А. С. Хомяков. — Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России устройство почти одинаковое»^{cclxxxiii}. И далее А. С. Хомяков замечал, что призванное государство, основанное «на родстве князей, вышедших не из народа», лишь случайно соединило южные и северные славянские племена в федерацию, которая, «под охраною дома Рюрика, не составляла могущего единоначального целого. Области жили жизнью отдельною, самобытною. ...Народ не просил единства, не желал его. Внешняя форма государства не срослась с ним, не проникла в его тайную, душевную жизнь. Раздоры князей разрывали и опустошали Россию, но области оставались равнодушными к победителю так же, как и к побежденному. Когда же честолюбивый и искусный в битвах великий князь стремился к распространению власти

своей, к сосредоточиванию сил народных ...против него восставало не только властолюбие других князей, но еще более завистливая свобода общин и областей, привычных к независимости, хотя вечно терпевших угнетения»^{сclxxxiv}. Таким образом, по мнению А. С. Хомякова, «простота дотатарского устройства областного», «эгоизм городов нисколько не был изменен случайностью варяжского войска и варяжских военачальников, которых мы называем князьями, не представляя себе ясного смысла в этом слове». Придавая княжеской власти лишь значение «охранной стражи» независимых областей, исследователь считал, что ни она, ни единство языка, ни «единство веры не связывало людей» в Древней Руси. Только постепенно, с образованием Московского княжества, желание объединения «выразилось вдруг и в князе, и в гражданине, и в духовенстве», но с явлением Петра I, когда «Россия сходится с Западом», «жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились» вновь^{сclxxxv}.

Построения А. С. Хомякова вызвали некоторые несогласия И. В. Киреевского. Главной в них выступает мысль, что благодаря единой православной церкви на Руси «распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных»^{сclxxxvi}. Древнерусские земли жили не самобытно и обособленно, а по однообразному обычаю, основанному на одной вере, одних общинно-вечевых порядках. В отношении же института княжеской власти взгляды обоих славянофилов до поры до времени были схожи. И. В. Киреевский писал, что «в России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств Московскому; но если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев по той же причине не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом, — сообразивши

все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями»^{cclxxxvii}. Приведенная цитата как нельзя лучше характеризует метод «истинных» славянофилов, с помощью которого они делали свои выводы, то есть философские и критические размышления, вместо конкретно-исторических исследований. Поэтому их взгляды зачастую менялись со временем. В частности, это касается, прежде всего, И. В. Киреевского. Его суждения о русском историческом процессе под влиянием сильного религиозного чувства к концу жизни все более эволюционировали.

Так, в 1852 г. в «Московском сборнике» была опубликована статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Здесь уже нет противопоставления государства и княжеской власти народу, «земле», ибо государственность, по мнению автора, произошла «из естественного развития народного быта, проникнутого единством основного убеждения», то есть христианским учением^{cclxxxviii}. Целостность внутреннего и внешнего бытия в Древней Руси, как одно из главных отличий от Западной Европы, проявилось во всеобщем согласии. И. В. Киреевский по этому поводу писал: «Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли русской расселенных, и имеющих каждая на известных правах своего распорядителя, и составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир; эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей русской земли, имеющее над собою великого князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства»^{cclxxxix}. В статье И. В. Киреевский ссылается на единственную опубликованную историческую работу своего брата, известного фольклориста и археографа П. В. Киреевского «О древней русской истории», замечая, что его «взгляд на прежнюю Россию представля-

ет, по моему мнению, самую ясную картину ее первобытного устройства»^{схxc}. Однако П. В. Киреевский, соглашаясь с мнением о единстве быта, в своей статье не дошел до утверждения о единстве управления в Древней Руси^{схxcⁱ}.

Сочинение И. В. Киреевского вызвало критический отклик со стороны А. С. Хомякова. Выступив против излишней идеализации общинного строя в древности, который венчал государь, он по-прежнему отмечал «стремление частных общин к отдельности». Призванная «из области скандинавской с дружиною чуждою и немалочисленною» для того, чтобы «устраивать порядок внутренний в отношениях племен друг к другу и ограждать тишину внешнюю от нападения недружелюбных соседей» княжеская власть осталась «чужда земле». Постоянные переходы князей и их дружин с места на место, вызванные родовыми счетами и вмешательством в них областей, считал А. С. Хомяков, приводили не к раздроблению Руси, а, наоборот, скрепляли ее, чему способствовало и духовенство. Однако, несмотря на то, что «общую волею составилась союз под княжеским правлением рюрикава дома», областной эгоизм земщины не мог привести к единению земли и государства в одно целое^{схxcⁱⁱ}.

Для одного из младших членов славянофильского кружка, Ю. Ф. Самарина, наиболее выказавшего себя в спорах с западниками, проявление акта призвания княжеской власти заключало идею, «что земля создает государство, а не государство — землю». Призвав князя, полагал Ю. Ф. Самарин, «и поставив над собою, община выразила в живом образе свое живое единство». Причем свободно и сознательно отрекшись от своего полновластия, она требовала от князя не только защиты, «а более возвышенного, христианского понятия о призвании личной власти, о нравственных обязанностях свободного лица». «Что такое князь в отношении к миру, — писал Ю. Ф. Самарин, — если не представитель личности, равно близкий каждому, если не признанный заступник и ходатай каждого лица перед миром?» Отводя, таким образом, взаимные отношения князей, предопределенные родовым началом, на второй план, славянофилы утверждали, что «общинное начало составляет основу, грунт всей

русской истории». Выражаясь «внешним образом в вечах», оно идет параллельно с государством, представленным княжеской властью. Оба элемента социально-политического строя Древней Руси «в каждом моменте его развития» выступают, по мнению Ю. Ф. Самарина, необходимыми «одно для другого»^{схxciii}. Наглядным примером для этого служит Новгород, где «было двоевластие: идеал новгородского быта, к которому он стремился, можно определить как согласие князя с вечем»^{схxciv}.

Теория общинного быта и его взаимоотношение с княжеской властью, или теория «земли» и «государства», получили наибольшую разработку в трудах другого представителя младших славянофилов К. С. Аксакова^{схxcv}. Выступив против мнения о родовых отношениях у славян, он доказывал, что ко времени призвания варяжских князей родовой быт был уже давно пройденной стадией развития. Следовательно, основной формой общегития являлся не род, а община, составлявшая «землю». Общины, или земли, решали все свои дела на вечах и управлялись выборными старейшинами, но для защиты от внешних врагов, для сохранения своей самобытности они были вынуждены призвать государство. Для противопоставления завоеванию на Западе К. С. Аксаков подчеркивал, что в России «народ призывает власть добровольно, призывает ее в лице князя — монарха, как в лучшем ее выражении, и становится с нею в приятные отношения. Это — союз народа с властью», «земли» и «государства». Таким образом, их отношения «не брань, не вражда, как это было у других народов, вследствие завоевания, а мир, вследствие добровольного призвания»^{схxcvi}. Земля, по К. С. Аксакову, воплощала «внутреннюю правду», государство — «внешнюю правду». Отсюда его известная формула: «Народу — сила мнения, государству — сила власти». В конкретно-историческом проявлении это выражалось в общинно-вечевой и княжеской деятельности, как свободных, самостоятельных сил, выполняющих свои функции и вступающих, когда необходимо во взаимодействие или действующих обособленно. Древняя Русь в «Киевский период», по мнению К. С. Аксакова, не составляла единого целого, образуя ряд «отдельных областей или общин, соединен-

ных в земском отношении единством веры православной, а также и единством народным быта и языка; в отношении государственном соединенных кровным единством князей, тем, что князья общин родные между собою, одного происхождения. Иногда общины воюют друг с другом, и князья являются их предводителями; иногда князья воюют между собою, и общины, смотря по обстоятельствам, помогают им. Борьба между князьями идет за Киев, не как за могущественное княжество, но как за почетнейший престол. Здесь борьба идет за честь Киевского сидения, борьба за стол. Киев, как столица, имеет значение только для князей, для земли он важен как метрополия»^{схсxvii}. Народ не считался с понятиями старшинства князей, а относился к каждому князю лично, потому что в «период усобиц ...не города, не земли раздавались, или делились по князьям, но князья делились по городам и землям», то есть призывались. Вообще, по поводу родового начала в междукняжеских отношениях К. С. Аксаков высказывался следующим образом: «Княжеский род Рюрика не составлял общины, не представлял и гражданственно-родового быта, ибо каждый член рода был владельцем, или имевшим право на владение; сверх того в княжеский распорядок входило участие тех земель и областей, которыми владели князья; родовой быт их, поэтому, не мог сохраниться, по крайней мере, в чистоте своей; между собой спорили они, собственно, о правах наследственных», а не родовых^{схсxviii}. Особенно «родственная связь слабеет» во «Владимирский период», когда «является много великих княжений»^{схсxix}.

Таким образом, теория общинного быта и большой роли общинно-вечевого начала в социально-политической жизни Древней Руси, выдвинутая А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, была разработана К. С. Аксаковым в целостную историческую концепцию, в учение о противопоставлении «земли» и «государства», ставшее классическим для славянофилов. Отводя институту княжеской власти по отношению к общинному строю Руси роль внешнего фактора развития, К. С. Аксаков, тем не менее, признавал за ним монархический характер. Он писал: «Итак, несмотря на частые перемещения князей, даже на изгна-

ние их, вы видите, что вся Россия и все города ее и Новгород оставались верны монархическому началу, и никогда не говорили: устроим правительство без князя». Более того, вследствие государственно-образующей функции княжеской власти, «народ не требовал, чтобы государь спрашивал его мнения», был «обязан хранить и чтить» эту власть. Так же обстояло дело у князя, по мнению историка, и с Боярской Думой, с которой он совещался, когда хотел^{ccc}.

После смерти К. С. Аксакова, его взгляды продолжал развивать И. С. Аксаков, издавший собрание сочинений брата и редактировавший периодические издания славянофилов^{ccci}. Другой издатель и редактор славянофильских печатных начинаний А. И. Кошелев, проявивший активную публицистическую деятельность уже в пореформенный период, в работах, опубликованных за границей, стремился совместить теорию общинного быта славянофилов с позднейшими теориями земско-вечевого строя Древней Руси^{cccii}.

Ведущие теоретики славянофильства не раскрывали должным образом все стороны взаимоотношений земли и княжеской власти на конкретно-историческом материале. Это попытались сделать профессиональные историки-юристы славянофильского направления, профессора Московского университета И. Д. Беляев и В. Н. Лешков^{ccciii}. Необходимо отметить, что в период подготовки и проведения либеральных реформ 1860—70-х гг. в России значительно возрос интерес к истории права, а историко-правовая наука получила свое окончательное оформление^{ccciv}. В этом отношении особенно важна деятельность И. Д. Беляева. Он, как и его предшественник по кафедре истории русского законодательства Н. В. Калачов^{cccv}, отметился собиранием, изучением и публикацией большого количества источников по истории России, прежде всего, актового материала. В то же время, в отличие от того же Н. В. Калачова, который занимался в основном внешней историей права, то есть его источниками, И. Д. Беляев внес большой вклад в преподавание и исследование внутренней истории права, то есть правовых институтов. Его «Лекции по истории русского законодательства», которые он

читал в университете более 20 лет, целиком изданные лишь посмертно в 1879 г. учеником и преемником С. А. Петровским, явились одним из первых опубликованных курсов подобного рода. Представленная в них концепция истории Древней Руси разрабатывалась И. Д. Беляевым во множестве других произведений различного характера. Это и полемические статьи, рецензии, речи, диссертации, и обобщающие «Рассказы из русской истории», и др.^{cccvi} Справедливо замечено, что историческая концепция ученого не была единой на протяжении творческой жизни, а изменялась в процессе поиска «органичных, исходящих из общинной структуры русского общества, форм построения истории России»^{cccvii}. Однако именно такой, какой она сложилась на завершающей стадии творчества И. Д. Беляева в 1860-е гг., его концепция вошла в отечественную историографию.

В основу изучения истории Древней Руси, как и другие славянофилы, И. Д. Беляев вкладывал процесс развития взаимоотношений основных элементов древнерусского общества — князя и его дружины с земством. Причем периодизация, которой придерживался историк, была достаточно традиционной: древнейшая эпоха (до смерти Ярослава I) и эпоха уделов (до Московского единоподданства)^{cccviii}. Представляя изначально славянские племена как общинные союзы, области или земли, состоявшие из старшего города, его пригородов и сельской округи, управлявшихся народным собранием — вечем главного города, И. Д. Беляев находил в них племенных князей «в монархической форме», то есть наследственных, и выборных «в чистореспубликанской форме». Однако первоначальная княжеская «форма правления, какая бы она ни была, по свидетельству летописей, не уничтожала верховной власти веча»^{cccix}. Усиление княжеской власти исследователь связывал с внешними факторами. Во-первых, призвание варяго-русских князей для прекращения внутренних раздоров привело к сосредоточению в их руках суда и управления, чему в немалой степени способствовала княжеская дружина, не зависящая от земли. Но интересы первых князей, направленные на распространение своих владений, платящих им дань, не проникали вглубь общественной жизни.

«Князья со своей дружиной в это время еще были сами по себе, а городская и сельская земщина сама по себе», они «еще не сжились друг с другом». Поэтому «самое управление князей и их посадников в то время было далеко не самостоятельным». Если дела касались всей земли, то «рядом с властью князя или посадника стояла власть земщины в лице веча и выборных старост». Если нет, то князь «был самовластен и независим». Последнее касалось и свободной передачи княжеской власти от одного князя к другому, пока ее границы не переступали границ земской власти. Прежние же племенные князья полностью зависели от великого князя^{cccх}. В то же время, «участие дружинников в управлении и в совете княжеском было официальное и составляло одно из важнейших прав дружины». Но это право не было связано с поземельной собственностью, как на Западе при феодализме, ибо полное владение землей предоставлялось на Руси земским общинам. Князь же распоряжался земельными владениями на правах государственных, а не частных^{cccxi}.

Принятие христианства составляет, по И. Д. Беляеву, второй важнейший фактор усиления княжеской власти и ее сближения с земщиною. Он заключается в религиозном освящении, то есть «духовенство, основываясь на Священном Писании, внушало народу мысль о святости княжеской власти, о происхождении ее от Бога и об обязанностях подданных повиноваться беспрекословно князьям и начальникам от них поставленным»^{cccxii}. Но, только получив это освящение, князья не смогли удержать усиление своей власти. Виной тому «частые переходы, запутанность междукняжеских отношений и происходившие отсюда насилие и непрочность прав на владения» при удельной системе, начавшейся после Ярослава Мудрого^{cccxiii}. «Русская земля разделилась на несколько независимых владений с самостоятельными князьями, состоявшими между собою лишь в родственной связи и почти только номинально подчиненными великому князю Киевскому, как старшему из них, а отнюдь не как государю»^{cccxiv}. Междукняжеские отношения решались сперва по завещанию Ярослава I, то есть с помощью старшего в роде, но его авторитет не был силен при независимости удельных князей. Потом стали

происходить общие княжеские съезды, которые по той же причине не приобрели определенности. И, наконец, «появился новый закон частных княжеских съездов и договоров»^{сссxv}. «Право престолонаследия во время договорных грамот было вообще неопределенным и постоянно колебалось между правом наследования сыновьями после отца и установившимся обычаем наследовать братьям после братьев». К этому еще присоединялись «право сильного и умеющего пользоваться обстоятельствами», согласие и воля союзников. Кроме того, ослабление княжеской власти привело к праву народного выбора и изгнания неугодных князей^{сссxvi}. Постепенное оседание дружины на землю и ее связь с земщиной заставляет и князей обращать на нее внимание, признавать земщину «опорою и источником своей силы и могущества», без чего невозможно было удержаться в той или другой области. Такой порядок вещей привел к необходимости каждого князя заключать договор с местной общиной^{сссxvii}. Во всех его действиях: суд и управление волостями, законодательство, сбор дани и т. д., земщина принимала участие с помощью веча или своих выборных представителей^{сссxviii}.

Таким образом, И. Д. Беляев определял общественно-политический строй древнерусских земель как земщину с общинным устройством, с городскими волостями, вечевым управлением и выборными органами земской власти, а княжеская власть «распространялась только на поверхности русского общества и не входила вглубь его»^{сссxix}. Однако ее значение среди земско-вечевого строя «во всех владениях Руси, кроме Новгородской земли», приобретало все большие размеры пока не достигло «полного самодержавия, тогда как в Новгороде она скорее сокращалась, чем развивалась»^{сссxx}.

В. Н. Лешков, в отличие от И. Д. Беляева, с большим теоретическим обоснованием углублялся в проблемы общинного быта Древней Руси^{сссxxi}. Поэтому, как и большинство славянофилов, он усматривал гармонию в отношениях земли и государства. Основанием этого являлось то, что «области передавали князьям ту лишь власть над всею русскою землею, которую сами имели в своих пределах». «Соделать общими, для всей России, для всей

земли великой и обильной, закон и наряд, господствовавшие в частях ее, да сообщить покой и безопасность на всех пределах земли русской — вот первоначальное назначение общей верховной власти»^{СССХХІ}. Дальнейшему раздроблению Руси В. Н. Лешков не уделял большого внимания, так как везде «господствовали начала общинности». По-прежнему «князья должны были вести войны, устроить управление, творить суд и расправу», но рядом с ними продолжало действовать общинное самоуправление. В занятии князьями столов, как и И. Д. Беляев, В. Н. Лешков признавал различные формы: избрание народом, взаимные договоры князей, наследование, завещание, захват силой. Междукняжеские отношения были семейные, считал он, а не родовые или вотчинные. Вотчинное право князей, по мнению В. Н. Лешкова, стало устанавливаться на Руси только после монголо-татарского нашествия^{СССХХІІІ}. Однако общинный быт продолжал сохранять свое значение, ибо способность «составлять общины, и постоянно держаться общинного устройства, порешая все при посредстве общины» есть «отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его истории»^{СССХХІV}. Таково резюме историка, которое можно отнести ко всем славянофилам. Их пристальное внимание к истории народа, а не только государства, благоприятно сказывалось на развитии отечественной историографии. Утверждалась мысль, что в Древней Руси народ наряду с княжеской властью являлся активным участником общественно-политических отношений^{СССХХV}.

В противоположность славянофилам с их вниманием к общинному быту, западники абсолютизировали в историческом процессе значение родовых отношений и государства, основав тем самым государственно-юридическое направление в отечественной историографии^{СССХХVІ}. Либерально настроенные профессора Московского университета (А. И. Чивилев, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, В. Н. Никольский, И. В. Вернадский, П. М. Лентьев, И. К. Бабст, М. Н. Капустин, Б. Н. Чичерин, Ф. М. Дмитриев, С. В. Ешевский, Н. А. Попов и др.) в 1840—70-е гг. стремились к поиску общих путей исторического развития России

и стран Западной Европы. Историософия славянофилов и западников, в конечном счете, отличалась, но она зачастую основывалась на общих положениях немецкой классической философии, с ее принципами объективно-идеалистической диалектики (Г. В. Гегель, Ф. В. Шеллинг и др.). Поэтому здесь особое значение приобретает собственный взгляд на исторический процесс каждого крупного историка или мыслителя.

В середине XIX века в русской исторической науке крупнейшее положение заняли труды и деятельность С. М. Соловьева. Он более 30 лет читал основной курс отечественной истории в Московском университете, являясь в одно время его ректором и первым деканом организованного по новому университетскому уставу 1863 г. историко-филологического факультета. Восприняв учение дерптской школы права, прежде всего, И. Ф. Г. Эверса, о родовом быте и последующей смене его государством, С. М. Соловьев создал стройную концепцию истории России^{сссхxvii}. На ее основе уже в первых своих исследованиях — в диссертациях «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845) и «История отношений между русскими князьями Рюрика дома» (1847), ученым была представлена одна из первых в отечественной историографии попыток монографического изучения института княжеской власти в Древней Руси. Выводы, предложенные С. М. Соловьевым, стали базой для его знаменитой «Истории России с древнейших времен» (М., 1851—1879. Т. 1—29), которая местами дополнялась и конкретизировалась другими сочинениями и лекциями историка^{сссхxviii}.

Происхождение княжеской власти на Руси С. М. Соловьев выводил, согласно теории родового быта у славян, из власти родоначальника. Причем он отмечал, что «предки наши не знали семьи», а «для означения родовых линий употреблялось слово племя». Таким образом, существенно изменялась схема И. Ф. Г. Эверса о последовательном развитии отца семейства, старейшины рода и главы племени в князя. Для С. М. Соловьева родовой быт — основа всех общественных отношений в древности. Он «условливал общую, нераздельную собственность». «Единство рода, связь племен определения старшинства, родов-

ладыка «избирается в свою должность собранием всех родичей». Он «имел обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать об этом, иметь всех родичей как душу; права его состояли в уважении, которое оказывали ему как поддерживалась единым родоначальником», которым обязан быть старший в роде. На начальном этапе, после смерти отца, наследует не старший сын, а старший брат, становясь для младших в отца место. С разрастанием рода и трудностью физического старшему; к нему относились во всех делах, касающихся рода; без его ведома и согласия ничего не делалось, он был распорядителем занятий, раздавателем пищи и одежды, он судил и наказывал». Далее С. М. Соловьев делал важное замечание, что «власть, сила старшего основывалась на согласии младших, это согласие было для старшего единственным средством к деятельности, к обнаружению своей власти». Отсюда в случае несогласий возникали ссоры и междоусобия. Подобные же отношения возникали между старшим городом и сельской округой, где селились младшие, обособившиеся роды. Общение «между отдельными родами, живущими вместе», происходило на вече, которое представляло, по мнению С. М. Соловьева, сходку «старшин, родоначальников». Но эти веча «не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать им единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизм»^{сссххix}. Поэтому для установления мира родовые сообщества, «стремившиеся к жизни гражданской ...должны были искать правительство ...посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью, а таким мог быть только князь из чужого рода»^{сссххх}. Призванные варяжские князья, тем не менее, по мысли историка, не стали государями и не образовали государства, ибо призвавшие придавали значение князю лишь как родоначальнику, старшему в роде. Отсюда «круг его власти» был такой же, какой и прежде у родоначальника. «Он думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира: он наказывал преступников, его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякая перемена, вся-

кий новый устав проистекали от него; ...князь собирает дань, распоряжается ею». «Он сносился с иностранными государями, отправлял и принимал послов, заключал мир». Прежние «славянские князья исчезают с приходом князей варяжских», но не сразу, а постепенно, когда «сознание о необходимости нового порядка вещей» все более укрепляется в народе. Об этом свидетельствует, в частности, появление в городах общенародного веча, с которым советуется князь, желая что-нибудь предложить горожанам, и где «собираются не одни старцы, собирается целый город». Влияние «княжеской власти на образование юного общества, — считал С. М. Соловьев, — сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями». Главным здесь выступает то, что дружинники вносили в общественную среду «новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому». Однако они, в отличие от дружинников западных, более зависели от князя, так как были не владельцы завоеванных земель, а призывались на правительственную службу, получая содержание из взимаемой дани. По степени своей важности «члены дружины были советниками князя», но не все, замечал историк, «одни бояре, одни старшие»^{сссxxxix}. То же самое гражданское влияние на общество оказывало духовенство, после принятия и распространения князьями христианства. Представители высшей церковной иерархии, наравне с боярством, так же участвуют в княжеских совещаниях по всем важнейшим делам^{сссxxxix}.

Таким образом, появление единой княжеской власти на Руси, ее деятельность, в первую очередь, по строительству городов, где селились переселенцы из разных мест, развивались промышленность и торговля, находились «мужи княжеские с воинскими отрядами» и церковное управление, способствовало ослаблению родового быта, распадению родов на отдельные семьи, группировавшиеся в общины-верви. Новые города притягивали к себе сельскую округу, создавая тем самым быт областной^{сссxxxix}. Конечно, С. М. Соловьев, как прогрессивный историк, в своих построениях не ограничивался только указанием на влияние «быта племен» на ход русской истории, он подробно

пишет и о влиянии природы страны, и о влияющем состоянии соседних народов и государств^{сссxxxiv}. Но, как представитель государственного направления в отечественной историографии, он первым делом следит за развитием государственного начала, а следовательно, за его олицетворением в княжеской власти. На этом С. М. Соловьев строил свою известную периодизацию истории России^{сссxxxv}.

В то время как родовой быт ослабевает в обществе, в политической жизни, вплоть до середины XII века, он продолжает господствовать, что историк и пытался наглядно выразить в междукняжеских отношениях. Интересно в этом смысле его объяснение. Если князья могли влиять на изменение общественного устройства, то сам «род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала», оставаясь в рамках родовых отношений. С. М. Соловьев констатировал: «Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря по степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший, или великий, князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства»^{сссxxxvi}. Это так называемое «лествичное» восхождение князей порой могло нарушаться, но лишь княжескими спорами и вмешательством населения волостей, так как «отношения городского народонаселения к князьям непрочны, неопределенны»^{сссxxxvii}. Все права и обязанности между князьями «условливались родственным чувством», а не феодальными отношениями, как на Западе, подчеркивал историк. Так, старший князь принимал в отношении к младшим членам рода значение отца, имел обязанность блюсти интересы рода, «думать и гадать о Русской земле ...имел право судить и нака-

зывать младших, раздавал волости». «Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом вправду и ходить в его послушании, являясь к нему по первому зову, выступать в поход, когда велит». Однако эти отношения продолжались до тех пор, пока не возникло произвола, и не прекращалась родственная любовь с обеих сторон тогда «рушилась всякая связь» между князьями. Отсюда необходимость совещаний старшего князя с младшими, заключение ряда. «Ясно, — писал С. М. Соловьев, — что если каждый великий князь должен был делать ряды с братиею, то завещания в Древней Руси существовать не могло, ибо завещание показывает, что завещатель имеет право располагать собственностью по произволу». Таким образом, старший в роде князь «не мог иметь значения главы государства, верховного владыки страны, князя всея Руси»^{сссxxxviii}.

Начало изменений в междукняжеских отношениях и в отношениях княжеской власти с народонаселением С. М. Соловьев связывал с деятельностью Андрея Боголюбского. Заняв в 1169 г. Киев, он не остался в нем княжить, а перенес политический центр в Северо-Восточную Русь, где складываются особые условия, способствующие началу длительной борьбы родовых и государственных начал. Главным условием усиления княжеской власти была ее материальная основа. В Ростово-Суздальской земле, по мнению С. М. Соловьева, князь создавал новые города, лишённые представлений о «прежних, родовых отношениях народонаселения к старшинам», поддерживаемые «беспрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей». В этих городах князь «был властелином неограниченным, хозяином повластным, считал эти города своею собственностью, которою мог распоряжаться». Отсюда у него возникает «стремление к единовластию», являются «понятия об отдельной собственности княжеской, которую Боголюбский поспешил выделить из общей родовой собственности Ярославичей». Так что «здесь не было укорененных старых преданий о единстве рода княжеского». Здесь сильнейший князь «признается первым, старшим». «Сознание этой особенности, независимости и силы побуждает

его переменить обращение со слабейшими, младшими князьями, требовать от них безусловного повиновения»^{cccxxxix}. Таким образом, и междукняжеские отношения, и отношения княжеской власти с народонаселением в этом регионе Руси становятся определеннее. Впрочем, и в остальных областях, где процветали старые города с их вечевой активностью благодаря постоянной смене князей, княжеской власти отводилась ведущая роль, считал С. М. Соловьев, при этом не исключая и Новгород^{cccxi}. Тем самым историк высказывался за монархическую направленность института княжеской власти в Древней Руси.

Концепция развития княжеской власти на Руси в соответствии с теорией борьбы родовых и государственных отношений, разработанная С. М. Соловьевым, оказала огромное влияние на всю последующую отечественную историографию, став исходной точкой для ее государственно-юридического направления. Даже К. Д. Кавелин, выступивший одновременно и независимо от С. М. Соловьева со своим обоснованием теории родового быта, был вынужден признать его первостепенное значение в раскрытии данной проблемы^{cccxli}. В написанной К. Д. Кавелиным на основе курса лекций по истории русского права, читанного в Московском университете в 1844—1848 гг., работе «Взгляд на юридический быт древней России» была представлена необычная, на первый взгляд, для западника концепция отечественной истории. К. Д. Кавелин начинал с того, что противопоставлял Россию Европе. Он писал: «В Европе дружинное начало создает феодальные государства; у нас дружинное начало создает удельное государство»; «там сначала нет общинного быта, потом он создается, — здесь сначала общинный быт, потом он падает». Кажется, что историк сближался с точкой зрения М. П. Погодина или славянофилов^{cccxlili}. Однако далее К. Д. Кавелин замечал: «Наша история представляет постепенное изменение форм, а не повторение их; следовательно, в ней было развитие, не так, как на востоке, где с самого начала до сих пор все повторяется ... В этом смысле мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию»^{cccxliv}. Это развитие проникнуто общей идеей — движение к личности^{cccxliv}. Только у гер-

манских племен она уже была создана в начале истории, считал К. Д. Кавелин. «Нам предстояло создать личность». Этот процесс определяет «периоды и эпохи русской истории», в которые укладывается вся социально-политическая жизнь допетровской Руси^{ccccxlv}.

На начальном этапе, как и С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин отмечал господство родового быта «под управлением старшего рождением и летами». С размножением родственных линий, когда старшинство «невозможно было определить, — стали избирать старейшин». Они выполняли, главным образом, судебные и военные функции, а общее управление перешло в руки вечевых собраний. Однако взаимные распри, столь свойственные кровно-родственным отношениям не позволяли «развить общественного духа и гражданских добродетелей». Поэтому «по призыву союзных племен является в Россию воинственная дружина, под предводительством вождей, которых наши предки по своему называют князьями». Они образуют «сильное, обширное государство; но устройство его носит на себе неславянский отпечаток; кажется, оно было феодальное»^{ccccxvi}. Здесь К. Д. Кавелин возвращался к представлениям, идущим от Н. А. Полевого^{ccccxvii}. Он считал, что пришлые варяжские князья «имели свои наследственные владения» и соучаствовали в управлении Русской землей и дележе добычи со своим предводителем. Эта новая система управления «совершенно равнодушна к управляемым, противопоставляет их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных». Таким образом, чужеродный князь, стоящий во главе дружины, основанной «на начале личности», прерывает органическое развитие «русско-славянских племен» и создает государственный быт. Но по прошествии двух веков варяги «обрусели» и подчинились «влиянию туземного элемента»^{ccccxviii}.

Такой взгляд позволял историку объяснить ход дальнейшего развития княжеской власти, «от Ярослава до усиления Москвы», который представлялся как «история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного раз-

ложения и упадка». По этому началу «вся Россия должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, член рода, получил свою часть; ...Старший в роде, ближайший по рождению к родоначальнику, долженствовал быть главным, первым между князьями, великим. Ему, как старшему, подчинены все прочие князья в их действиях и отношениях между собою. Он был представителем единства княжеского рода, главою всех князей и вместе представителем политического единства Руси. Его местопребыванием был Киев, резиденция Ярослава и его предков». Далее «иерархия кровного старшинства должна была сообщиться земле и породить иерархию территориального, или городского, старшинства». Однако неустойчивость такого порядка, с размножением и постоянным перемещением князей, открыла «период уделов» и борьбу между «враждебными началами — родовым и семейственным, отчинным». Падает значение великого князя Киевского, «появляются съезды князей, которые в истории рода соответствуют вечам в истории общин». Активизация вечевой деятельности в связи с ослаблением княжеской власти в междоусобных войнах позволила общинам «выбирать себе князей, призывать и изгонять их, заключать с ними ряды, или условия»^{cccxlx}. Особенно этот порядок утвердился в Новгороде, где «верховная власть находилась в одно и то же время в руках князя и веча»^{cccl}. В остальной Руси, когда постепенно торжествует отчинное право, князья оседают на землю. «Действуя в ограниченной сфере, они становятся простыми вотчинными владельцами, наследственными господами отцовских имений. Их отношения к владениям, сначала неопределенные, теперь определяются». «Веча постепенно теряют государственный характер. Утверждается постоянная, близкая власть князей». То же происходит в отношении дружины. Сперва князь с дружинниками «был как бы первый между равными», теперь, когда он «стал вотчинником, господином в своих владениях, — и дружинники его сделались мало-помалу его слугами». Окончательно новый тип князя, проявившийся впервые «в стремлениях Андрея Боголюбского», развивается в Москве, констатировал К. Д. Кавелин^{cccli}.

Таким образом, представленный взгляд К. Д. Кавелина на положение и развитие института княжеской власти в Древней Руси оказывается почти целиком сходным с концепцией С. М. Соловьева. Исключение составляла лишь схема перехода от родовых отношений к государственным. К. Д. Кавелин вносил в нее самостоятельный промежуточный этап, когда на смену родовому быту, с его общим владением, приходит быт семейственный при господстве частного владения — вотчины^{ccclii}. Появление князя-вотчинника историк связывал непосредственно с саморазрушением родового начала. Поэтому он отверг теорию С. М. Соловьева о старых и новых городах и в дальнейшем, выступая в основном с критическим анализом работ известных историков, только подтверждал свои выводы^{cccliii}. Тем не менее, небольшие по объему труды К. Д. Кавелина, наряду с обширным наследием С. М. Соловьева, заложили основу для государственного направления в отечественной историографии, способствовали утверждению либерального взгляда на исторический процесс, главным составляющим которого являлась идея, что «все великие реформы у славян» совершались «сверху вниз», шли от государства к народу, а не наоборот^{cccliv}.

В середине XIX века историки, придерживающиеся сходных с С. М. Соловьевым и К. Д. Кавелиным взглядов, продолжали корректировать разработанную ими теорию родового быта и связанную с ней характеристику княжеской власти и междукняжеских отношений. Так, известный специалист по русской геральдике А. Б. Лакиер в своей магистерской диссертации «О вотчинах и поместьях» представлял себе «тройственное, образовавшееся путем историческим, значение русского государя, как дружиноначальника, как родоначальника и, наконец, как государя-вотчинника всей России». Все они, по его мнению, «соединяли в себе, строго говоря, обладание всею землею русскою и уделяли ее во временное владение первоначально «своим мужам», членам дружины, потом родичам князьям, связанным со своим старшим братом, великим князем кровным родством, и, наконец, людям служилым». Причем «первый период исторического существования России заключает в себе феодальный эле-

мент», считал историк, основанием которого являлось «ленное начало в дружинной системе», господствующее до времен Ярослава Мудрого^{ccclv}. Это начало произошло, по А. Б. Лакиеру, не вследствие завоевания, а как вознаграждение князя и дружины за приход в славянскую землю^{ccclvi}. Дальнейший процесс их ассимиляции привел к тому, что «место феодализма и раздачи городов мужам занял раздел земли между членами великокняжеского рода». Родовые отношения в княжеской среде и переход князя-родоначальника в князя-вотчинника на северо-востоке Руси, благодаря влиянию новых городов, А. Б. Лакиер описывал в соответствии с С. М. Соловьевым^{ccclvii}.

Против А. Б. Лакиера тогда же выступил близкий к М. П. Погодину историк и переводчик А. С. Клеванов со своим полемическим сочинением «О феодализме на Руси». Исходя из идеи об особенностях исторического пути России, он утверждал, «что о феодализме у нас не может быть и речи». Следовательно, не было на Руси ни ленов, ни вассалов, а князь — это правитель, судья, военачальник, законодатель, но никак не землевладелец. Его отношение к подданным не было строго определено^{ccclviii}. Следующая работа А. С. Клеванова, его магистерская диссертация «История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV ст.», явилась откликом на сочинение Д. И. Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси». Хотя оба произведения не представляют для нас самостоятельного интереса, являясь лишь систематическим описанием фактов^{ccclix}. Однако необходимо, во-первых, отметить, что это были труды одни из первых в отечественной историографии по областной истории Древней Руси^{ccclx}, в которых особенно заостряются проблемы общественно-политического строя и, в частности, положения княжеской власти, о чем пойдет еще речь ниже. Не случайно в этом отношении историки обращаются, прежде всего, именно к Юго-Западной Руси, где, в отличие от Великороссии с ее направлением к монархизму или новгородского севера с его народоправством, все выглядит не так определенно, разнообразнее и сложнее. Как писал К. Д. Кавелин: «В жизни западной России, уже в отдаленную эпоху, за-

метно большое движение; есть городские общины, есть какие-то зачатки феодальных отношений, есть намеки на аристократические элементы. Очень рано появляется дележ наследства — признак развития начала личности»^{ccclxi}. Во-вторых, сочинения и А. С. Клеванова, и Д. И. Зубрицкого имели свое продолжение^{ccclxii}. Но если первый так и не вышел за рамки лишь фактического описания событий, то Д. И. Зубрицкий попытался представить весьма подробное свидетельство о социально-политических отношениях на Руси в целом. Впрочем, характеризуя институт княжеской власти и междукняжеские отношения, он почти дословно следовал за С. М. Соловьевым^{ccclxiii}.

Теория родового быта также лежала в основе исторических построений известного историка русского права, профессора Санкт-Петербургского университета М. М. Михайлова^{ccclxiv}. Представив свои взгляды на государственные и юридические отношения в Древней Руси в магистерской диссертации, посвященной истории гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г., он и в дальнейшем основывался на них при изложении общего университетского курса лекций. М. М. Михайлов полагал, что до призвания варяжских князей внутреннее устройство и управление родовых и племенных союзов было патриархальным. Во главе них стояли родоначальники — старейшины, но без верховной власти, которая принадлежала вече^{ccclxv}. Со времени призвания, а еще точнее, с момента учреждения князьями законов, княжеская власть приобретает государственный характер. М. М. Михайлов констатировал: «Власть верховная сосредоточивалась в одном лице, в лице великого князя; все племена обширной страны признавали эту власть»^{ccclxvi}. Дружина также полностью подчинялась и зависела от князя, получая от него землю за службу, но не как на Западе, в наследие, а лишь на время. Вместе с духовенством она составляла совещательную Думу князя^{ccclxvii}. Особое положение по отношению к княжеской власти занимал только Новгород, сохранивший свои вечевые обычаи^{ccclxviii}.

Во вторую эпоху развития древнерусской государственности, когда устанавливается удельная система, значение великого

князя падает. М. М. Михайлов признавал самостоятельность и равенство удельных князей, лишь номинально подчиняющихся главе государства, как старшему в роде. Междукняжеские отношения решались на съездах и при помощи договоров, но действовало и право сильного. В каждом княжестве власть князя проявлялась: в праве издания законов, управления народом, сбора дани, суда и приобретения земли в частную собственность^{ccclxix}. Историк заключал: «Княжеская власть, основанная на праве, освященная в своем значении христианскою церковью, имела и моральную силу, заключавшуюся в народной любви»^{ccclxx}. Такая упрощенная и идеализированная картина политического быта Древней Руси, без учета земско-вечевых отношений уже не удовлетворяла отечественных исследователей середины XIX века.

Соединить родовую теорию с общинной и земско-вечевой попытался малоизвестный историк А. Ф. Тюрин^{ccclxxi}. Он полагал, что «общественная жизнь славян, населивших русскую землю, первоначально ограничивалась жизнью в союзе кровном под властью старшего в роде, потом в общинном — под властью веча. Из этих общественных отношений — из родового и племенного быта русского народа возникло разделение русской земли на племенные земли или волости. Развитие и установление земских отношений продолжалось и после, при князьях, из тех же начал, особо от влияния власти князей и княжеских дружин»^{ccclxxii}. Таким образом, по его мнению, «главные формы общественной жизни славян были: род, община, волость, государство». При чем при смене этих форм каждая предыдущая долго еще сохраняла свои черты. Поэтому после призвания единой княжеской власти, которая образует союз государственный, она долгое время существует рядом с общинной властью выборных старейшин и земской властью веча. Разделение Древней Руси на земли или волости, состоявшие из старшего города и пригородов, соотносилось с делением ее на княжения между князьями по принципу управления^{ccclxxiii}. Княжеская власть в той или иной области приобреталась различными способами: старшинством, завещанием, избранием, захватом. Родовые отношения сохраня-

лись у князей, но как пережиток и действовали не всегда^{ccclxxiv}. Несмотря на независимость земско-вечевого строя, а порой и противоборство с княжеской властью, «всякая волость рада была князю», — писал А.Ф. Тюрин^{ccclxxv}. Это было связано, как он считал, с изначальным характером народовластия у славян, которое вызывает беспорядки, неустройство и ослабление земли, а княжеская власть с дружиной призвана устанавливать в ней порядок, то есть единство, производить суд и защищать ее^{ccclxxvi}.

Схожих с А. Ф. Тюриним взглядов тогда же придерживался профессор Нежинского лицея И. В. Лашнюков, один из первых профессиональных исследователей отечественной историографии^{ccclxxvii}. Он был учеником профессора Киевского университета П. В. Павлова, последователя К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, известного своей публичной речью о тысячелетии России^{ccclxxviii}. Поэтому, восприняв родовую теорию еще студентом, И. В. Лашнюков в условиях начала широкого распространения теорий земско-вечевого и общинно-вечевого строя Древней Руси представил свой вариант их смещения. Он представлял три основных элемента в начальной истории России: славянский, варяжский и общеевропейский (христианский). Первый развивался от рода к общине и земле (территориальное устройство со старшим городом и пригородами). Пришлые варяжские князья не тронули внутренний быт земли, управлявшейся вечами и старейшинами, как представителями общин. Первоначально князь — это дружинноначальник, только старший между дружинниками. Его власть по отношению к земле внешняя (военное управление, суд, взимание дани и т. п.). Между князьями развиваются родовые отношения, в соответствии с взглядами С. М. Соловьева. В ходе борьбы младших князей со старшим или великим они приобретают внутреннюю самостоятельность. Соединению дружинно-княжеского и общинного начал способствует принятие и распространение христианства. В итоге, опять же не без борьбы, князь-дружинноначальник становится общинным лидером^{ccclxxix}.

Представители государственно-юридического направления в отечественной историографии середины XIX века также не оставили без изменений родовую теорию. В их трудах начинают

преобладать частные проблемы вместо широких обобщений. Так, выдающийся юрист, профессор Санкт-Петербургского университета К. А. Неволин, издавший в это время капитальную «Историю российских гражданских законов», отметил и небольшим исследованием «О преемстве великокняжеского Киевского престола»^{ccclxxx}. Признавая родовое старейшинство великих князей до последней четверти XII века, он замечал, что это не исключало в реальности и другие формы при замещении князьями столов: завещание; избрание народом; выдающиеся качества, а не физическое старшинство; отчинное право; право сильного. Множество начал в правилах наследования свидетельствовало об отсутствии твердой государственной власти на Руси, считал К. А. Неволин. Равенство между князьями приводило к их взаимной борьбе, добыванию столов, изгойству. Причем великий князь, который плохо исполнял свои обязанности по отношению к младшим, также изгонялся^{ccclxxxii}.

К. А. Неволин был против мнения о верховной собственности князя на землю^{ccclxxxii}, в то время как в «Юридическом сборнике» статей, изданном его преемником, тогда профессором Казанского университета Д. И. Мейером, некоторые правоведы и финансисты утверждали обратное^{ccclxxxiii}. В частности, П. Чеглоков писал: «Государство рассматривалось как частная собственность князей, определительные правила наследования не были признаваемы; все зависело от произвола умирающего владельца, а исполнение воли умершего от уважения к нему наследников. Но, владея Русью как частною собственностью, князья, в то же время, сознавали необходимость придать Руси и некоторые формы государства. Таковою представляется нам попытка учреждения старейшинства, как права на верховное обладание всею Русью»^{ccclxxxiv}. П. Чеглоков, посвятивший свою статью исследованию органов судебной власти в России, замечал, что «князь делается верховным судьей народа» не сразу, а после введения виры. До этого «князья мало вмешивались в дела, касающиеся управления народа; они собирали только дани со своих подданных», да «вели, большею частью, войны с соседями». В то же время, «верховная власть князя» в удельный период отличалась

лишь от управления в вольных городах — Новгороде и Пскове, где она принадлежала вечу^{ccclxxxv}.

Оформление идеи верховной земельной собственности князя в Древней Руси в стройную концепцию, как и в целом государственного направления в отечественной историографии традиционно связывается с творчеством Б. Н. Чичерина^{ccclxxxvi}. Учившись и у К. Д. Кавелина, и у С. М. Соловьева, он существенно дополнил их представления об историческом процессе. Гораздо последовательней проводя интерпретацию гегелевской философии истории применительно к России, Б. Н. Чичерин уже в своей диссертации «Областные учреждения России в XVII веке» связывал родовой быт с властью выборных или наследственных старейшин как всеобщее явление с древнейшим периодом у славян^{ccclxxxvii}. Его разложение он связывал с приходом варяжских князей и их дружин, которые основывались на частно-правовых отношениях, а не кровно-родственных. «Княжеская власть, — подчеркивал Б. Н. Чичерин, — сделалась единственным двигателем народной жизни, а вольная община исчезла», за исключением Новгорода, где князь явился не завоевателем, а посредником. В остальной же части Руси «силою оружия приобрел он себе землю, и этим самым получил возможность сделаться в последствии единодержавным государем»^{ccclxxxviii}. Этот период господства частного, вотчинного, права Б. Н. Чичерин обозначал, вслед за Г. В. Ф. Гегелем, «гражданским обществом», основанным на личных, договорных связях. Поэтому, когда «князья по частному праву наследования раздробили» приобретенные земли, их отношения строились по договорному принципу^{ccclxxxix}. На основе договора князь правил, творил суд, защищал от врага и в Новгороде. Таким образом, Б. Н. Чичерин замечал: «Там, где есть договор между сторонами, там нет государства, где есть государство, не может быть договора между властью и подданными»^{ccccx}. Тем самым, разработав представление о князевотчиннике и еще более утверждая мысль о решающей роли в истории государственно-юридического начала^{ccccxi}, ученый подошел к созданию «договорной теории», которая станет основой

взглядов на политический быт Древней Руси другого выдающегося историка права В. И. Сергеевича.

Против идеи развития и внутренней закономерности истории общества, выраженной лишь в государстве, или в противопоставление государства народу, в середине — второй половине XIX века выступили не только представители демократического направления в отечественной историографии, но и часть либеральных историков. Если для первых главной движущей силой в истории выступали народные массы в их борьбе с угнетением государственной властью^{cccxcii}, то для вторых, история — это «движение жизни народа ... во всех сферах, в которых является жизненный процесс человеческих обществ», в том числе в сфере государственных отношений. Последнее высказывание принадлежит выдающемуся отечественному историку Н. И. Костомарову^{cccxciii}. Его университетская карьера сложилась неудачно, однако огромное научно-литературное наследие ученого, изданное в форме многотомных «Исторических монографий и исследований», оказало большое влияние не только на становление киевской школы историков, но и в целом на последующее развитие отечественной историографии^{cccxciv}.

Историко-этнографический подход позволил Н. И. Костомарову выдвинуть так называемую «федеративную теорию», или теорию племенного быта Древней Руси^{cccxcv}. По ней в домонгольский период Русь представляла федерацию независимых земель на основе древнего племенного деления восточных славян, скрепленную единством происхождения, быта и языка, единством княжеского рода и религии^{cccxcvi}. Этот же период историк связывал с господством удельно-вечевого начала, с которым боролось единое государство, пока с XVI века не утвердилось окончательно^{cccxcvii}. Возникновение удельно-вечевого «уклада» Н. И. Костомаров видел «в отдаленные эпохи», когда у русско-славянских племен образовывались земли с властью веча и княжения при начальстве князей, которые совпадали с землями. Происхождение племенных князей историк не определял, ибо считал, что «летописцы об этом молчат»^{cccxcviii}. Таким образом, Н. И. Костомаров, выступающий против теорий родового или

общинного быта, уходил от признания первоначальных князей как родовых старейшин или выборных лидеров общин^{cccxcix}. В первых же пришлых князьях, как он считал, литовского происхождения^{cd}, «не было сознания государственного начала» вплоть до принятия христианства. Характер их власти в это время он определял как «разбойничий», «характер набега и грабежа». «Власть князей ограничивалась сбором дани с тех, с кого собрать было можно», не затрагивая внутреннее управление земли. Эта единственная функция княжеской власти опиралась на насилие: «князья и их мужи обирали покоренные племена по своему произволу»^{cdi}. Таким образом, «при князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и до некоторой степени, подчиняя их себе, объединяли»^{cdii}. Причем в дружине, — этой «разбойничьей шайке», по определению Н. И. Костомарова, с помощью которой князья действовали, основной элемент был киевский^{cdiii}. Поэтому не одни пришлые князья, но и «земля полян ... стала первенствующей между землями других славянских племен»^{cdiv}. С ней князь «должен был делить господство», советоваться. В частности, «самое принятие христианства произошло как уступка воли Киева», — замечал историк^{cdv}.

«С принятием Христовой веры, — писал Н. И. Костомаров, — изменялось значение князя и, вместе с тем, его дружины. Если князь по-прежнему брал дань, то уже на него также ложились и обязанности». «Христианство требовало от князя, чтобы он был правителем, судьей, защитником и охранителем своего народа». «Его дружина переставала быть отрезанною от земства шайкою, служащею только князю и собственным выгодам, но вместе со своим князем она должна была служить земле». Церковь указывала князю «вперед идеал главы государства»^{cdvi}. Однако «закоренелые нравы, понятия и взгляды народа» не допустили этого. Н. И. Костомаров решительно заявлял: «Нет ничего ошибочнее, как вообразать себе Владимира и Ярослава монархами». «Древние понятия об автономии земель и их самоуправлении продолжали существовать». Только теперь на место племенных объединений пришли земли с главным городом и

пригородами. В соответствии со своей федеративной теорией Н. И. Костомаров утверждал, что не размножение княжеского рода приводило к раздробленности Руси - оно наоборот сплачивало ее - а дробление самих земель^{cdvii}. Каждая земля, по мнению историка, представляла у себя верховную власть; «вече — выражение власти, а князь — ее орган». Вече, как выражение земства, «считало необходимостью иметь князя, как средоточие власти, охраняющей внешний и внутренний порядок». Оно «непрерывно изберет его», — писал Н. И. Костомаров. Отсюда он утверждал и то, что «те заблуждались, которые воображали, что древние князья были вотчинники или владельцы своих уделов». По его мнению, князь не владелец, а всего лишь правитель. Поэтому понятия «волость» и «княжение», употреблявшиеся по отношению к князю, означали только совокупность территорий, состоящих под его властью, и не всегда совпадали с понятием «земля». Никакого определенного закона, указывающего на старейшинство между князьями Рюрикова дома, не существовало, полагал Н. И. Костомаров. Оно определялось городом, в котором сидел князь. Насколько «город считал себя старейшим по отношению к другому городу, настолько и князь его был старейшим по отношению к князю, сидевшему в меньшем городе или пригороде». Таким образом, княжеские междоусобия, поддерживаемые соперничеством земель, в свою очередь, продолжали их, считал Н. И. Костомаров^{cdviii}. Также он отмечал, что «в истории наших княжений постоянно замечается борьба двух начал, по которым князья добывали волости, одно — избрание землей, другое — овладение силой, при посредстве партий». Никаких различий в общественно-политическом устройстве древнерусских земель в домонгольский период историк не наблюдал. Лишь после татаро-монгольского нашествия начинает выделяться Новгород, чей политический строй был близок «к древним греческим республикам», в то время как в остальной Руси возникали начала единой державы^{cdix}.

В заключение необходимо отметить, что Н. И. Костомаров всюду стремился подчеркнуть: «Так как в вечевой период вся русская жизнь отличалась крайнею неопределенностью, неточ-

ностью и невыработанностью форм, то здесь как в хаосе можно нам отыскивать задатки и федерации, и республики, и монархии; в сущности же тут ничто не подходит вполне под те осязательные представления, какие мы привыкли себе составлять в качестве общей мерки, прилагаемой к различным видам общественного строя». Поэтому князь, обнимавший все отрасли управления и пользующийся большими доходами, вполне «мог, ни у кого не спрашиваясь, быть неограниченным в своих поступках, но он должен был всегда помнить, что земля может прогнать его, если он выведет ее из терпения»^{cdx}. Противоборства же их «были следствия индивидуальных страстей, а не желания переменить порядок вещей». Так что «князь и вече были два различные, по происхождению, начала, подававшие друг другу согласие на взаимодействие, одно с другим связанные, одно другому необходимые». «Принцип двоевластия оставался неприменим в своей силе, до тех пор, пока не явилась необходимость усвоить иной принцип, единоподданый», — заключал Н. И. Костомаров^{cdxi}.

Последний тезис Н. И. Костомарова как нельзя лучше характеризует отличие его взглядов от представлений историков демократического направления в отечественной историографии, которые стремились к изображению антагонизма между княжеской властью и народом в Древней Руси^{cdxii}. Однако историки-демократы середины и второй половины XIX века не выработали общей концепции исторического развития России. Уже теоретики демократического направления (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, М. А. Антонович, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич и др.), которые не занимались специальными историческими исследованиями и в этом отношении использовали опыт профессиональных историков, не были едины в трактовке положения княжеской власти на Руси. Так, если А. И. Герцен, исходя из своего учения о «русском социализме» и идеализации общинного строя, «отмечал силу вечевых собраний, которые, будучи основаны на «власти мира», ограничивали самовластие князей», то Н. Г. Чернышевский замечал постоянное усиление княжеской власти, а также находил аналогию за-

падноевропейского феодализма на Руси в «раздроблении государства по вотчинному праву»^{cdxiii}. Такое же положение наблюдается среди историков демократического направления, так или иначе, занимавшихся исследовательской работой. Большинство из них, восприняв теории общинно-вечевого или земско-вечевого строя Древней Руси, стремились разнообразить свои представления, обращаясь, например, к вопросам хозяйственной жизни. Особенно выдающаяся роль в этом отношении принадлежит Н. Я. Аристову, в разное время преподававшему русскую историю в Казанском, Варшавском и Харьковском университетах, а также в Нежинском историко-филологическом институте. Его магистерская диссертация «Промышленность Древней Руси» явилась первым в отечественной историографии опытом монографического исследования по экономической истории России до XV века. В ней и в ряде других работ он обосновывал так называемую теорию «областного быта», которая сложилась у Н. Я. Аристова под влиянием его учителя А. П. Щапова в Казанской духовной академии и позже в Петербурге во время подготовки к ученой деятельности.

А. П. Щапов справедливо считается одним из выдающихся профессиональных историков демократического направления. Несмотря на то, что его взгляды не были последовательны на протяжении творческой жизни^{cdxiv}, именно выдвинутая им в начале 1860-х гг. областная теория (тогда он был профессором Казанского университета), наряду с федеративной теорией Н. И. Костомарова, стала заметным событием в борьбе с государственным направлением в отечественной историографии. Сходность концепций обоих историков очевидна. Однако их индивидуальные акценты, в частности, Н. И. Костомарова на мало-российской истории и А. П. Щапова на великорусской, существенно повлияли на конечные оценки и выводы. А. П. Щапов устанавливал в истории России два основных периода — земско-областной и государственно-союзный (до и после «Смуты»). В основу данного деления ученый вкладывал различные формы общественно-политической жизни великорусского народа. Первая — общинно-вечевая, составляла устройство земских обла-

тей на Руси, которые проявляли федеративное взаимодействие и междоусобную борьбу. В этот период существует «народоправление», при котором «князь не дает закона, воля народа — закон». Ситуация изменяется, когда происходит процесс объединения областей вокруг Москвы и устанавливается единодержавие^{cdxv}. Так же трактовал положение и процесс развития княжеской власти Н. Я. Аристов. Сначала зависимость князей от древнерусских областей и их вечевых общин, выраженная в праве избрания и смещения князей, в общинном праве владения землей. Причем происходившие междоусобные войны на Руси, считал историк, были не княжеские, а областные. Затем князья постепенно ограничивают вечевую деятельность, и торжествует «дружинный, княжеский, боярско-приказной элемент»^{cdxvi}.

Сходные точки зрения содержатся в трудах историков-демократов Г. З. Елисеева, Н. В. Шелгунова, И. Г. Прыжова, С. С. Шашкова, И. А. Худякова и др. Тем не менее, их конкретные характеристики института княжеской власти на Руси несколько отличались. Так, например, И. Г. Прыжов, выделявшийся своими оригинальными произведениями, полагал, что «строй земской жизни проявлялся в том веселом единении народа и князя-государя, которое мы встречаем на пирах Киевской Руси». Существенные изменения в общественно-политическом строе произошли, по его мнению, лишь в Северо-Восточной Руси, когда «князья, переселявшиеся на север, первым делом считали закрывать вече и избивать вечников». Возникавшему здесь самодержавному деспотизму историк противопоставлял Новгород, где «народ продолжал жить по-старому, спокойно собираясь в вольные корчмы и рассуждая о политических делах». «Князь в Новгороде, — писал И. Г. Прыжов, — был предводителем войска и исполнителем судебных решений, поставленных выборными судьями». За это он получал определенные доходы и «не имел права приобретать земли в новгородской области»^{cdxvii}.

Г. З. Елисеев, преподававший в Казанской духовной академии (у него учился А. П. Щапов), а затем ставший известным публицистом и критиком, одним из ведущих сотрудников «Современника» и «Отечественных записок» (писал под псевдони-

мом «Грыцько»), в отличие от И. Г. Прыжова, подчеркивал «ничтожество власти, предоставленной князьям в Древней Руси». Обращая пристальное внимание на ограничение княжеской власти со стороны веча, Г. З. Елисеев также старался отметить и злоупотребления князей по отношению к народу^{cdxviii}. Его взгляды всецело поддерживал и развивал И. А. Худяков^{cdxix}. В итоге, несмотря на некоторую непоследовательность, их выводы сводились к тому, что историческое развитие на Руси представляло собой борьбу земско-вечевого или общинно-вечевого начала с государственным, в лице княжеской власти^{cdxx}.

Крайнюю позицию в характеристике власти древнерусских князей среди историков-демократов занимал Н. В. Шелгунов. Обозначая княжескую власть как «вненародный, высший, правительственный элемент», он считал, что междоусобная борьба не способствовала «развитию в князьях гражданских понятий и государственного взгляда на свои обоюдные отношения и на свои отношения к народу». Произвол личности и силы в Древней Руси, отсутствие гражданских связей Н. В. Шелгунов относил и к культовому Новгороду. Причем он был одним из немногих тогда, кто отрицал его демократизм: «действительного народоправства в Новгороде никогда не было», всем управляли «бояре, богатые и лучшие люди». Критически относясь и к вечевым порядкам, которые, по мнению Н. В. Шелгунова, были незначительны, и к княжеской «антинародной» власти, обоюдно ведущим к смутам, он констатировал, что «двести лет удельной жизни пропали не только бесплодно для цивилизации России, но не дали ей ни нравственной, ни материальной силы, которая могла бы спасти ее от внешних врагов»^{cdxxi}. Тем самым, видный общественный деятель и журналист революционно-демократического толка, продолживший свою деятельность в среде революционных народников, стремился противостоять штампам и консервативной, и либеральной историографии^{cdxxii}.

Несмотря на критику со стороны историков-демократов, государственно-юридическое направление в отечественной историографии в пореформенный период получает новое развитие и становится еще более преобладающим. Это было связано, во-

первых, с тем, что в условиях проводимых реформ значительно повысился интерес к историко-правовой науке, которая со своим собственным ей формализмом вносила в историческую науку внимание к изучению отдельных институтов государства и права. Во-вторых, в этих же условиях представители государственно-юридического направления стали больше заниматься историей не только политических, но и социальных отношений в обществе. Наконец, в-третьих, в это время в отечественной историографии начинает утверждаться методология позитивизма, дающая представление о многофакторности исторического развития, стремящаяся уйти от философских обобщений в сторону научного анализа фактов. Одновременно сохранялось представление, что в основе исторического процесса лежит эволюция государственного начала и смена политико-юридических форм общества. Однако под влиянием широко распространенных теорий земско-вечевого и общинно-вечевого строя Древней Руси пересматривалась степень участия народа во власти, а также проявлялось стремление изучать юридические институты древнерусского права в сравнительно-историческом освещении.

Последнее берет свое начало еще с исследований польских историков права И. Б. Раковецкого в 1820-е и В. А. Мацеевского в 1830-е гг., которые выдвигали сравнительный метод для анализа славянских законодательств^{cdxxiii}. В России со сравнительно-исторической точкой зрения на древнюю историю русского права одним из первых выступил Н. Д. Иванишев, выдающийся организатор исторической науки на Украине, бывший профессором, деканом юридического факультета и ректором университета Святого Владимира в Киеве. Он по праву считается основателем киевской школы историков и юристов не только благодаря своей преподавательской, административной и научно-исследовательской, но, главным образом, издательской деятельности. Явившись основным создателем киевской археографической комиссии (1843) и архива древних актов при университете (1852), Н. Д. Иванишев на долгие годы обеспечил разработку и публикацию украинских и литовских древностей^{cdxxiv}. Из небольшого числа опубликованных трудов ученого привлекает

внимание его докторская диссертация «О плате за убийство в древнем русском и древних славянских законодательствах в сравнении с германской вирой» (1840), в которой проводится мысль о единстве славянских законодательств в древнейшие времена, их внутренней связи и необходимости комплексного изучения, а также статья «О древних сельских общинах в Юго-Западной России» (1857). В последней работе Н. Д. Иванишев доказывал исконность общинно-вечевого строя на Руси в противоположность «верховой власти князей». Их взаимная борьба, по его мнению, составляет главную черту в социально-политических отношениях в древности^{cdxxv}. Причем Н. Д. Иванишев, как и большинство историков формирующейся киевской школы, многое в своих взглядах на историю Юго-Западной России воспринял от Н. И. Костомарова. В частности, исследуя Великое княжество Литовское, он признавал его федеративным образованием и преемником Киевской Руси^{cdxxvi}.

Линию Н. Д. Иванишева по сравнительно-историческому исследованию славянского права в 1860-е гг. продолжил С. М. Шпилевский, профессор Казанского университета^{cdxxvii}. Кроме этого он занимался и общей историей русского права, как внешней^{cdxxviii}, так и внутренней ее стороной^{cdxxix}. В отношении же правовой истории Древней Руси С. М. Шпилевский исходил из земско-вечевой теории и не был оригинален: противопоставлял княжескую власть земщине, которая участвовала с помощью веча в правлении, призывала и изгоняла князей^{cdxxx}.

В пореформенный период наука истории государства и права России наиболее сильно была представлена плеядой выдающихся юристов в Санкт-Петербургском университете: С. В. Пахман, И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, М. И. Горчаков, А. Д. Градовский и др. Все они, за исключением В. И. Сергеевича, занимались древнерусским правом лишь эпизодически^{cdxxxi}. В его же творчестве социально-политическая история Древней Руси явилась основным предметом исследований. Уже первый большой труд В. И. Сергеевича — магистерская диссертация «Вече и князь» (1867), стал одним из крупнейших достижений отечественной историографии в этой области. Истоки

выдвинутых ученым идей, а в конечном счете, «договорной теории» политического быта на Руси можно проследить по четырем направлениям.

Во-первых, В. И. Сергеевичем было принято и развито представление, идущее от славянофилов (у И. Д. Беляева он учился в Московском университете), о земско-вечевом строе Древней Руси. Только ключевым понятием у него выступает не «земля», а «волость». Впрочем, это не меняло сути — волости состояли из главных городов и пригородов, связь горожан осуществлялась их поземельной собственностью и вечевыми собраниями^{cdxxxii}. В. И. Сергеевич, характеризуя возникновение, распространение и прекращение земско-вечевого быта, выступал сразу против нескольких прежних постулатов. По его мнению: 1) «племенное различие не имело решительного влияния на образование волостей»; они были изначально территориальными образованиями, «в силу случайных удобств, выпавших на долю того или другого поселения»^{cdxxxiii}, 2) одинаковое устройство политического строя «на всем пространстве княжеской России во времена князей Рюриковичей» до татаро-монгольского нашествия не исключало, якобы, поэтому, особое положение Новгорода^{cdxxxiv}; 3) то же касается неправомерности «мнения об особенностях устройства новых северо-восточных городов, которые, будто бы, составляли собственность князя и не имели веча»^{cdxxxv}. Прекращение вечевой активности, по В. И. Сергеевичу, было связано «с изменениями в древнем общественном быте», вызванными условиями, прежде всего, «татарского завоевания». Подчинение Орде, постоянные набеги и разорения устранили «поводы, призывающие граждан к участию в общественных делах». Затем произошли изменения в отношении служилых людей к князю. Установилась поместная связь между ними, что привело к усилению княжеской власти и ее независимости от воли народа. И, наконец, «объединение России в одно государство с центром в Москве сделало невозможным прежнее участие народа в общественных делах под формою веча»^{cdxxxvi}.

Последнее высказывание напрямую касается второго направления, от которого отталкивался В. И. Сергеевич при исследовании

довании государственного устройства и управления в Древней Руси. Он продолжал разрабатывать в некотором смысле взгляды западников, точнее представителей старшего поколения государственно-юридического направления и, главным образом, Б. Н. Чичерина. Выступив против родовой теории в любом ее проявлении^{cdxxxvii}, В. И. Сергеевич сохранил представление о господстве личности, частноправовых отношений в древности (IX—XV веков), основанных на свободном договоре, до их последующей сменой отношениями государственными. Поэтому и вече у историка выступает «в силу присущего каждому "мужу" права устраивать свои собственные дела, из которых еще не выделились общественные...». Народное «собрание, каждый отдельный член которого представляет только себя и говорит только во имя своих личных интересов, составляет целое только в случае соглашения всех». Его характер «определяется двумя условиями: слабостью княжеской власти и всемогуществом личной свободы»^{cdxxxviii}. Несмотря на бесформенность и непостоянство вечевых собраний, «зависимость от настроения духа всегда подвижной массы народа»^{cdxxxix}, они играли главную роль в социально-политическом строе Руси, их предметы ведомства были всеобъемлющи, считал В. И. Сергеевич. Князь же, в сравнении с вечем, — орган постоянного действия, но он — «призванный элемент волости», не имеющий «еще своих собственных, достаточно развитых орудий управления. У него не было ни полиции, ни войска в теперешнем смысле слова. Между князем и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая дает такую прочность отношениям феодальным и поместным. Отношения служилых людей к князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежеминутно и по односторонней воле служилого человека»^{cdxli}. К тому же служилые люди, полагал В. И. Сергеевич, связаны «больше с населением волости, ибо от него они попадают к князю»^{cdxli}. Княжеской думе историк не придавал особого значения, утверждая, что ей «принадлежал только совещательный голос»^{cdxlii}. Таким образом, В. И. Сергеевич резюмировал (уже в самом начале своей работы): «Народ и князь суть два одинаково существенных элемента древне-

русского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой — главную силу князя составляет тот же народ»^{cdxliii}.

Отношения между народом и князем — этими двумя составляющими верховной власти каждой волости на Руси (демократическим и монархическим), регулировались, по мнению В. И. Сергеевича, посредством договоров. Заключение ряда с князем, который определял его права и обязанности, было обязательным условием любого княжения. Договоры князей с городами, предполагал историк, были двух типов, когда князь принимался на всей воле города, или на всей своей воле. Это не означало покорности той или другой стороны, а лишь условия княжения, предлагаемые либо городом, либо князем. Действие договора продолжалось «пока господствует единение между народом и князем», к чему необходимо должны были стремиться обе власти. В противном случае возникала рознь и борьба, исход которой «зависел от соотношения сил». Если князь проигрывал, то он изгонялся, или заключал новое соглашение с вечем на его условиях. Если побеждал, то новый ряд заключался на условиях князя. Таким образом, «война никогда не ведется против князя вообще, как формы государственного быта, она ведется только против отдельных личностей княжеского рода. Самый же принцип княжеского правления остается неизблемым», — заключал В. И. Сергеевич^{cdxliv}. Принцип этот заключался в том, что «князь, призванный судить и управлять, не только сосредоточивал в своих руках все ветви не многосложной администрации, но и ведал непосредственно своей особой военные дела, суд, финансы и все другие предметы малоразвитого управления»^{cdxlv}. Кроме того, при своей популярности и доверии населения, князь мог самостоятельно, без постановления веча, заниматься законодательством, объявлять войну и заключать мир. Конечно, если эта возможность не противоречила «справедливым ожиданиям» народа. В этом смысле В. И. Сергеевич восклицал: «Князь есть в высшей степени народная власть». Хотя эта же возможность «давала князю большую свободу действия и не мало способствовала усилению княжеских усобиц», но «при отсутствии посто-

янного войска, большие войны могли быть ведены только с помощью народа». Отсюда зависимость князей от расположения народа проявлялась и в междукняжеских спорах^{cdxlv}.

«Взаимные отношения князей, как и всяких независимых один от другого правителей, — утверждал В. И. Сергеевич, — определялись договорами». Обыкновенными средствами для заключения договоров были княжеские съезды, но они не имели обязательного характера. Условия соглашений касались лишь внешней политики: распределение волостей, установление политических союзов, ограничение политической самостоятельности одной из сторон и т. п. Договор терял силу в случае нарушения его условий любой стороной, после чего могло последовать определенное наказание (отнятие волости). Если же между князьями не было соглашений, то они находились в состоянии розни и войны. Это не касалось только отношений князей сыновей к князю отцу, которые определялись семейным правом и не имели договоров, так как дети находились в безусловном подчинении у отца. «Власти, управляемые князьями-детьми, состояли как бы в личном соединении с волостью, управляемой князем отцом». В этом смысле дети играли роль наместников родителя. Таким образом, оспаривая мнение С. М. Соловьева о родовом быте князей, В. И. Сергеевич доказывал господство договорного начала в междукняжеских отношениях. Причем усматривал его вплоть до XVI века, когда окончательно установилось единодержавие^{cdxlvii}.

Точно также расходился В. И. Сергеевич со своим главным оппонентом — С. М. Соловьевым в понимании порядка распределения волостей между князьями. По его мнению, «русские волости не составляли наследственного владения Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россия не знает законного порядка в преемстве столов: столы не наследовались, а добывались». Добывание, как «действие личной энергии» князя, было направлено на его обладание волостью для получения определенного дохода. Видами добывания являлись занятие свободного стола, захват чужого силой, добровольная уступка или завещание предыдущего князя^{cdxlviii}. Однако в эти условия вторгались, с одной

стороны, необходимость заключения междукняжеских договоров, для того чтобы избавиться от притязаний прочих князей^{cdxlix}, с другой стороны, «народ осуществляет свое право призвания не смотря ни на взаимные соглашения князей, устанавливающих между собой тот или другой порядок преемства волостей, ни на их частные распоряжения»^{cdl}. При правовом равенстве князей начала отчины или старшинства в роде не имели формального значения, являясь лишь фактическим преимуществом^{cdli}.

Итак, в основе всего общественно-политического строя Древней Руси, а следовательно, и института княжеской власти В. И. Сергеевич видел господство свободной личности, выраженной в «политике эгоизма»^{cdlii}, и договорных отношений. Его взгляды существенно отличались от схожих представлений Б. Н. Чичерина не только привнесением элементов земско-вечевой теории, но и исходной методологией. Это третье направление, от которого отталкивался ученый в своем исследовании, связано с философией позитивизма, то есть В. И. Сергеевич в основу своих построений вкладывал не отвлеченную конструкцию диалектической системы Г. В. Ф. Гегеля, а реальный исторический факт. Изложению позитивистской методологии была посвящена его следующая диссертация «Задачи и метод государственных наук» (1871). После ее защиты он стал профессором и занял кафедру истории русского права в Санкт-Петербургском университете, где был одно время и ректором, и деканом юридического факультета^{cdliii}.

Четвертое направление, из указанных выше, в подходе В. И. Сергеевича к изложению исторического материала, заключалось в выработке им специфической формы историко-правового исследования. Одностороннее юридическое рассмотрение определенных социально-политических институтов древности, в данном случае веча и князя, без учета всех явлений общественной жизни, позволило ему на фоне широкого привлечения сведений из письменных источников и их систематизации, как никогда прежде, подробно представить все стороны изучаемого объекта. Однако картина получилась статичной на протя-

жении длительного периода времени и отличалась догматическим характером. Тем не менее, метод ученого и полученные результаты оказали большое влияние на последующую историографию института княжеской власти, в особенности же на ее государственно-юридическое направление^{cdliv}. Договорная теория В. И. Сергеевича очертила круг выдвинутых в середине и второй половине XIX века теорий общественно-политического быта Древней Руси. Следующие концепции, разрабатываемые историками и юристами вплоть до конца XIX — начала XX века представляют собой либо модифицированные разновидности предыдущих, либо смешение различных представлений.

Так, уже А. Д. Градовский в своей развернутой рецензии на монографию В. И. Сергеевича «Вече и князь», озаглавленную — «Государственный строй древней России», поддержав многие ее положения, расширил позиции общинно-вечевой теории. По его мнению, в основе социально-политического строя Руси лежала не личность, а община. Поэтому волость он представлял как иерархию общин во главе с общиной старшего города, и вече, следовательно, выражало не личную, а общинную свободу. Княжеская власть, призванная для управления и суда, не проникала вглубь общества. Отсюда А. Д. Градовский выдвигал теорию сложного порядка в наследовании княжеских столов. С одной стороны, он признавал, что действовало начало наследования по родовому старшинству, в соответствии со взглядами С. М. Соловьева о «лествичном восхождении», которое выражалось и в междукняжеских отношениях. Но так как на практике оно проявлялось слабо, то князьями применялось начало добывания волостей (мнение В. И. Сергеевича). С другой стороны, территориальные общины использовали свое право призывать и изгонять князей, не считаясь с их родовыми счетами. Борьба этих начал при стремлении к единению князя и веча и ряд других противоречий свидетельствовали, по А. Д. Градовскому, о неразвитости древнерусского государственного быта^{cdlv}.

Против теории двоевластия (князя и веча) и неопределенности государственного строя Древней Руси с конца 1860-х гг. выступал известный историк русского права, археолог и архивист

Д. Я. Самоквасов. Став профессором на юридическом факультете вновь открытого Варшавского университета (1869), он в своих статьях и многочисленных лекционных курсах по истории русского права возвращался к монархической теории княжеской власти на Руси, исключая лишь северные области (Новгорода, Пскова и Вятки). Причем, по его мнению, «уже с IX века развитие государственного быта в северных и в южных волостях России пошло противоположными путями, и очень скоро, уже в X столетии, Киевское княжество представляет чистую монархию, где народ является в политической сфере только в чрезвычайных, исключительных случаях, тогда как Новгородское народоправство было чистою демократией, где участие народа в государственной сфере есть общее правило, где законный орган народа, вече, соединяет все функции верховной государственной власти». И далее, в споре с В. И. Сергеевичем, Д. Я. Самоквасов подчеркивал: «...в древней России верховным элементом государства был только один элемент, но не везде один тот же: в южных волостях — князь, в северных — народ, и, следовательно, не двоевластием отличается древняя история Руси вообще и Великого Новгорода в особенности». Отсюда предметы ведомства княжеской власти на юге охватывали все главные общественно-политические сферы (внутреннее управление, суд, законодательство, финансы, дипломатия, решение вопросов войны и мира, руководство военными действиями)^{cdlvi}. На севере же «князь является только высшим исполнителем вечевых решений, действующим в границах, определенным вечем, имеющим право независимого издания постановлений, суда и управления только во владениях, принадлежащих ему по частному праву, наряду с монастырями и другими частными владельцами». Интересно наблюдение Д. Я. Самоквасова над различными видами вечевых собраний. Так, если в Новгороде вече выступает как орган верховной политической власти народа, то на юге вече — это либо орган самоуправления общины, либо случайная сходка народа, или просто какой-либо съезд, совещание, заговор, мятеж, бунт и пр.^{cdlvii} Что касается порядка распределения княжеских столов, то Д. Я. Самоквасов признавал действие раз-

личных начал, проявлявшихся в разное время по-разному. Но опять же, он считал, что народное право призвания и изгнания князей не было в южных областях, в отличие от северных. В первых — вече проявляло эту возможность лишь в исключительных случаях, за слабостью отдельных князей, во вторых — вече назначало князя, как и любого из высших государственных сановников^{cdlviii}.

В 1860—1870-е гг. в отечественной историографии значительно повысился интерес к истории отдельных древнерусских земель. В этом отношении, прежде всего, выделяются труды, посвященные истории северорусских и юго-западных областей. Крупнейшим работам этого времени по истории Юго-Западной Руси М. П. Смирнова (профессора Новороссийского университета) и И. И. Шараневича (профессора Львовского университета) была свойственна точка зрения, что до середины XII века князья обладали верховной властью. Затем в Галицком и Владимиро-Волынском княжествах, в связи с соседством Польши и Венгрии, в связи с ранним оседанием бояр на землю, ведущее значение приобретает аристократический элемент. Бояре занимают главные должности, управляют городами, призывают и изгоняют князей, ведут с ними борьбу, имеют собственные полки и т. п. При этом народ, по их мнению, не принимает активного участия в политических делах, а выступает лишь как зависимое от князей и бояр орудие достижения власти^{cdlix}.

В изучении северорусских земель проявили себя такие разные по взглядам историки как И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, В. В. Пассек, А. И. Никитский^{cdlxi}. О точке зрения на институт княжеской власти в Древней Руси первых двух говорилось выше. В свою очередь, и В. В. Пассек, и А. И. Никитский представили свое видение данной проблемы, впрочем, развивая уже известные теории. В. В. Пассек придерживался мнения о семейно-областном быте на Руси. При этом он активно критиковал родовую теорию^{cdlxi}, которой следовал А. И. Никитский. В представлении В. В. Пассека ко времени прихода Рюрика восточные славяне были разделены на отдельные племена или области, боровшиеся друг с другом. Последующие киевские князья, подчи-

нив их и обложив данью, не изменили внутреннего строя Руси. Поэтому образование удельной системы, считал В. В. Пассек, было связано не с княжескими разделами, а с желанием самих областей быть независимыми и иметь своего князя, который бы управлял ими, покоряя другие области^{cdlxii}. Княжеская власть, по мнению историка, это власть отеческая, основанная на народной любви. Отношения же князей между собою были семейные, преобразующиеся в областные и наоборот. Боярство, составлявшее основную силу князя, не играло столь большой роли в обществе, вследствие того что народ прислушивался к мнению только князя, а не бояр^{cdlxiii}. В этом смысле выделялся особым положением Новгород, где отношение к князю было неправильное, — полагал В. В. Пассек. Он замечал: «Новгородцы чувствуют только нужду в посредничестве князя, а святого союза между ними и их князьями нет». Таким образом, Новгород, по мысли историка, был «старший над князем»^{cdlxiv}. В остальных же областях Руси княжеская власть выступала как самодержавная, но ограниченная активностью народа.

А. И. Никитский, профессор Варшавского университета по кафедре русской истории, как уже было сказано, возвращался к теории родового быта на Руси^{cdlxv}. Однако он объяснял длительное существование родовых связей не как естественных и кровных, а фиктивных, искусственных и действующих, прежде всего, в политической сфере. Именно осознание необходимости политической жизни создает родовой союз, где власть исходит не от главы рода, а от рода в целом. И хотя родоначальник соединяет в себе все виды общественной деятельности (суд, управление, жречество, воеводство, внешние сношения), но его полномочия всюду ограничены, а со временем и он сам становится выборным. А. И. Никитский называл даже род государством с демократичным характером, но при монархической форме^{cdlxvi}. Дальнейшее его развитие историк связывал с формированием княжений — образований более крупных, имеющих сосредоточение в городах, вокруг которых объединялись отдельные роды. При этом в княжениях возвышался один из родов во главе с его родовладыкой, князем, и делался старшим. Власть

князей по-прежнему соединяла в себе все государственные функции, но была еще более ограничена, чем власть простых родоначальников. С одной стороны, ее ограничивал совет старейшин других родов, кроме княжеского, с другой, — народное собрание (вече), которое и являлось источником всякой власти. Отсюда А. И. Никитский опять же констатировал, что форма государства была монархической — власть сосредотачивалась в руках князя, но сущность — демократической. Даже если форма могла изменяться в аристократическую при власти совета старейшин, то сущность все равно оставалась демократической, так как вече было источником любой власти^{cdlxvii}. Пришлые князья, по мнению А. И. Никитского, установили родовую связь между всеми разрозненными княжениями, усилив монархический характер княжеской власти. Со временем родовое государство распадается на отдельные области, которые представляли собой города-государства, по аналогии с античными полисами. Княжеская власть оставалась, с одной стороны, наследственной (из одного рода), с другой, — выборной (начало призвания). Предметы ведомства князя, при ограничении его власти вечем, были те же: суд, управление, полюдь, законодательство и пр.^{cdlxviii} При этом новгородское устройство, полагал А. И. Никитский, составляло двоевластие князя и веча. Только во Пскове развилась полная демократия, при которой главная функция князя — кормленщика и слуги веча, как выразался историк, была военная защита города и области^{cdlxix}.

С точки зрения родовой и земско-вечевой теорий была написана работа Д. А. Корсакова по истории Ростово-Суздальской земли, его магистерская диссертация. Хотя Д. А. Корсаков, став известным профессором Казанского университета, в дальнейшем и не занимался древнерусской историей, его монография имела большое значение в изучении Северо-Восточной Руси^{cdlxxx}. Исследуя эту область со времени возникновения до подчинения Москве, он разделял этот этап истории России на эпоху княжеско-родовой, или удельно-вечевой, Руси и период установления единовластия^{cdlxxxi}. На первой стадии, по мнению историка, власть не была строго разграничена между вечевой и княжеско-

родовой. В родовые счеты князей вмешивался народ, тогда как в борьбе старых и новых городов (мнение С. М. Соловьева) вече поддерживало земское боярство в первых, и князя во вторых^{cdlxxii}. С середины XII века, когда князья и их дружины начинают оседать на землю, княжеская власть приобретает самовластные черты, чему способствует и влияние церкви. Но вплоть до татаро-монгольского нашествия вече старшего города оставалось главным в земле, а князь, считал Д. А. Корсаков, выражал эту власть^{cdlxxiii}.

Одновременно с работой Д. А. Корсакова в 1872 г. вышла докторская диссертация Н. И. Хлебникова «Общество и государство в домонгольский период русской истории», после чего он занял кафедру государственного права в Варшавском университете, а затем был профессором энциклопедии права в Киевском университете. Его объемная монография явилась как бы продолжением магистерской диссертации «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории» (1869). Склонность Н. И. Хлебникова к широким обобщениям при слабости историко-юридического изучения конкретных проблем не позволило ему существенно продвинуться в исследовании института княжеской власти в Древней Руси. К решению этой задачи он попытался подойти синтетическим путем, критикуя односторонность предшествующих теорий^{cdlxxiv}.

Рассматривая быт и политическое устройство славянских племен перед вхождением в состав первоначального русского государства, Н. И. Хлебников отмечал их постепенное высвобождение из условий родового быта с властью старейшин и веча^{cdlxxv}. Сравнивая этот период с периодом «внешнего или механического соединения племен в одно государство», он восклицал: «Как в родовом устройстве мы находим мало похожего на республику, так в государстве первых князей находим мало похожего на самодержавие, которое совершенно противно характеру власти первых князей у первобытных народов». Следовательно, «ни сами князья, ни покоренные ими народы не имели понятия о такой власти. Только привычка к повиновению, только в силу долгой опеки в народе распространяется убеждение в

важности и необходимости высшей власти, и тогда начинается ее освящение, тогда и представители этой власти проникаются сознанием ее важности для общества и величием общественного назначения власти в самой себе»^{cdlxxvi}. Это стремление Н. И. Хлебникова видеть в историческом развитии господство определенных идей, особенно нравственно-религиозных, проходит через всю его работу. Итак, в его понимании первые варяжские князья были правителями и купцами, нуждавшимися в даяниях и занимавшимися торговлей и завоеваниями ради дохода и содержания своей дружины, «но всего менее — государями в настоящем смысле слова»^{cdlxxvii}. Лишь с эпохи княжения Владимира Святославича, когда «в его дружину мало-помалу проникли славянские элементы», считал Н. И. Хлебников, порядок вещей менялся. «Первою обязанностью князя было обезопасить военной защитой создающееся государство от окружающих племен. Первые князья, герои дружин, были заняты войнами для добычи, а не для защиты государства». Теперь на первый план выдвигается земское ополчение, а дружина становится княжеской администрацией, с которой князь советуется по всем важнейшим делам. Эти совещания происходили и с представителями городов. Второй важнейшей прерогативой княжеской власти, возвышающейся над племенной или родовой, было право суда. В остальном права и обязанности князей не отличались от прежних. Причем Н. И. Хлебников полагал, что княжеская власть не распространялась на земли бояр, которые на своих землях были «полновластными распорядителями»^{cdlxxviii}.

В удельный период, по мнению Н. И. Хлебникова, к государственному устройству применялись идеи «родоуправления, сеймовых постановлений и договоров», но все они в реальности проявлялись слабо. Так, например, система родового права князей «не была верно приложима» вследствие того, что: уделы — это не частная собственность, а лишь право на доход; князья управляли государством свободных людей; братья полностью не зависели от старшего брата и самостоятельно распоряжались своими доходами; в распределение княжеских столов вмешивался народ^{cdlxxix}. Активизацию вечевого активизации, после времен-

ного затишья в предшествующий период^{cdlxxx}, Н. И. Хлебников объяснял тем, что князья теперь опирались на местную дружину и жили «в племенных центрах», а не в Киеве. Поэтому «решение народонаселения должно было иметь для них безусловную силу». Однако если народ был доволен своим князем, то вече не принимало никакого участия в решении важнейших дел волости, за исключением Новгорода и Пскова, где оно было «организованной силой»^{cdlxxxii}. Это приводило, как считал Н. И. Хлебников, вслед за В. И. Сергеевичем, к эгоизму князей, которые «стремятся уничтожить власть веча, но для этого им не нужно ничего изменять в старых законах. Старые порядки юридически не ограничивали их власти, они ограничивались лишь фактическим влиянием вечей». Выразителем идеи самодержавия выступает уже Андрей Боголюбский. Таким образом, Н. И. Хлебников замечал, что установление московского самодержавия лишь внешне было вызвано татарским игом. Внутренние же причины связаны с необходимым движением удельной системы в сторону единовластия для предотвращения беспорядков^{cdlxxxii}.

В 1870-е гг. у историков русского права вновь проявилось стремление к сравнительно-историческому изучению истории Древней Руси и ее социально-политических институтов. Здесь особенно выделяются труды М. Д. Затыркевича и Ф. И. Леонтовича. Оба воспитанники юридического факультета Киевского университета, воспринявшие философию позитивизма, они, с разных сторон применяя сравнительно-исторический метод, пришли к оригинальным выводам. Так, М. Д. Затыркевич, профессор Нежинского лицея, в своей единственной монографии «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период» попытался провести аналогии между ходом истории Древней Руси и западноевропейских стран. Поэтому у него получает развитие уже подзабытая в отечественной историографии идея о феодально-иерархических отношениях на Руси. Причем начало их существования М. Д. Затыркевич усматривал в общественном устройстве славян до прихода варяжских князей и образования государства^{cdlxxxiii}. В это время, считал историк, «политический

строй основан был на господстве родовой патрициальной аристократии, во главе которой стояли князья» с наследственной или выборной властью, ограниченной народными собраниями племен и родов^{cdlxxxiv}. Следующей ступенью в общественном развитии были союзы городов, которые М. Д. Затыркевич сравнивал с полисами Древней Греции. Однако демократичность городов, полагал историк, у нас не развилась вследствие сильной власти бояр и князей и при отсутствии единства сословий^{cdlxxxv}.

С IX века эти союзнические государства, основанные на зависимости городов слабейших от городов сильнейших, «были покорены сбродными дружинами князей русских, стоявших во главе иерархии личных взаимных отношений». Таким образом, по мнению М. Д. Затыркевича, из саморазвития общества и при помощи завоевания, в борьбе народов и сословий возникло «союзническо-дружинное государство», в котором верховная власть принадлежала князьям Рюрикова дома^{cdlxxxvi}. Отношения первых Рюриковичей с прежними князьями, ставшими подручными, обязанными платить дань и участвовать в войнах, строились как отношения старших между равными и определялись на основе договоров^{cdlxxxvii}. «По смерти Святослава, — писал М. Д. Затыркевич, — с размножением князей Рюрикова дома, когда во главе всех варягоруоссов, поселившихся на Руси, явилось несколько равноправных верховных вождей, так как каждый князь Рюрикова дома наследовал по смерти своего отца всю совокупность принадлежавших ему верховных прав над дружинами и побежденным населением, Русская земля распалась на несколько отдельных и самостоятельных владений, между которыми не существовало никакой политической связи». Эти владения, или княжества, состоявшие из старшего города и пригородов, управлялись князьями, чья верховная власть была ограничена боярством и общинами^{cdlxxxviii}. Несмотря на распад, единство Русской земли сохранялось, чему способствовали и постоянные переходы князей. Единого порядка в преемстве княжеской власти М. Д. Затыркевич не наблюдал, отмечая борьбу родового старейшинства, вотчинного наследия и единодержавного владения. Междукняжеские отношения, за исключением отношений отца к сы-

новьям, как к посадникам, также не были определены. Все решали, в конечном счете, сила и могущество конкретного князя. Власть великого князя киевского, основанная на нравственной силе и старейшинстве, не распространялась внутрь отдельных княжений, а после смерти Владимира Мономаха и Мстислава и вовсе пришла в упадок^{cdlxxxix}. В это время происходят, по мнению М. Д. Затыркевича, восстания городов и борьба между условиями, прежде всего, бояр и посадских людей. Князья в этих условиях выступают чаще как представители «демоса в борьбе с боярами». В итоге, после того как на юге и востоке Руси победил посад, а на западе и севере — бояре, княжеская власть в первом случае увеличивалась и была наследственной, во втором ограничивалась и являлась выборной^{cdxc}. Дальнейшее историческое развитие, по аналогии с Западной Европой, привело, полагал историк, к образованию «феодальных монархий», когда «князья суздальские и литовские покорив других князей, создали многочисленное сословие мелких служилых людей — землевладельцев»^{cdxci}. Такова точка зрения М. Д. Затыркевича, которая после разгромной рецензии В. И. Сергеевича не встретила поддержки среди других исследователей^{cdxcii}.

Ф. И. Леонтович, один из крупнейших историков русского права, долгие годы бывший профессором, деканом юридического факультета и ректором Новороссийского университета, открытого в Одессе в 1865 г., продолжил сравнительно-исторические исследования истории славянских законодательств, начатые Н. Д. Иванишевым^{cdxciii}. Ему принадлежит большая заслуга в оформлении университетского курса истории русского права^{cdxciv}. Кроме того, в обширном научном наследии ученого выделяются труды по изучению обычного права и истории литовско-русского государства^{cdxcv}. Однако наибольшую известность Ф. И. Леонтовичу принесла разработанная им теория задружно-общинного характера социально-политического быта Древней Руси. Применяв сравнительно-исторический метод, он пришел к выводу, что в основе общественного строя восточных славян лежала вервь — семейная и территориальная община, сходная задруге юго-западных славян. Разраставшиеся задруги

образовывали волостные союзы, или жупы, основанные на федеративном начале. Их объединяло как единство бытовых и территориальных интересов, так и общее стремление к колонизации. Именно «в роли общинных нарядников-колонизаторов являются особые княжеские роды, задруги, дружины, династии (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и пр.). Они призываются общинами, чтобы более успешно вести колонизационное движение и наряд общин. В князьях общинно-волостных проглядывается не тип старого главы рода, с абсолютным военно-родовым могуществом, а также не тип позднейшего государя, с его верховною государственною властью, но тип первичного колонизатора, общинного дружинника — старейшины, домакина семейной общины». Постепенно одна из волостей во главе со своей княжеской династией возвышается и захватывает другие волости. Таким образом, по Ф. И. Леонтовичу, возникает древний государственный строй, представляющий собой федерацию задруг. Причем все отношения внутри нее определялись не политическими, а задружными или семейными началами^{cdxcvi}.

Так, княжеский род или династия составлял задругу, в которой роль домакина играл великий князь, приобретавший стол главного города «по старшинству лет, принадлежности к старшей (по времени происхождения) семье рода, по ряду князей и избранию общин, по добыванию, захвату и пр.». Остальные князья сидели в пригородах. Старший князь «действовал как простой домакин, хозяин задруги, по общей думе и уговору с другими князьями, — отсюда и княжеские ряды и съезды получали характер простых, задружных советов». То же самое касалось отношений каждого князя и его дружины. Для нее он также являлся домакином, ничего не предпринимавшим без ее совета и думы. «Род княжеский и дружина представляли, таким образом, как бы одну задругу, стоявшею во главе колонизационного наряда общин». Ф. И. Леонтович отмечал: «Пока шло колонизационное движение общин, князья не оседают на одних местах, но постоянно движутся, меняют точки колонизационной деятельности, переходят из одной волости в другую». В силу одних задач — «общинного наряда и территориального укорре-

нения народа», полагал историк, князь действовал в единении, солидарности с вечем. При этом если он был «люб» земле, жил с нею в «одиначестве», то «действительно пользовался неограниченной властью, но эта власть была проявлением политической силы и могущества не князя лично, а земли, которая его поддерживала и придавала ему, как своему вождю, страшную силу и значение». Ф. И. Леонтович подчеркивал: «Без поддержки и единения с землей, князь в старое время ничего не значил, был таким же «изгоем», как и всякий член общины, лишившийся ее доверия, изгнанный ею из своей среды. Изгойство князей несколько не мирится со взглядом на них, как на представителей верховной власти». Историк считал, «что ни старые князья, ни самые волости и земли, не сознавали государственной идеи, не имели мотивированного сознания ни о государственном единстве народа, ни о верховном, правительственном назначении князя или веча, как представителей государственного порядка. Власть их существовала и сознавалась не в принципе, а в практике»^{cdxcvii}.

По мнению Ф. И. Леонтовича, «иной порядок зарождается с тех пор, как пределы колонизации определились, а вместе с тем окончательно обозначились и окрепли группы общин, освоивших народные территории. С этого момента начинается оседание князей, разделение одной, так сказать, общеволостной княжеской задруги на несколько новых, самостоятельно оседающих по волостям, которые, в свою очередь, окончательно группируются в отдельные, политически самобытные области, каждая со своим самостоятельным нарядом, обычаями и законами. Князья вступают с этих пор в более близкие и постоянные отношения к общинам, постепенно сбрасывают с себя тип колонизационного нарядника-домакина волости и расширяют свой наряд на весь внутренний быт общин». Этот процесс Ф. И. Леонтович относил к XIII веку, когда при разрушении единства княжеских и общинных интересов «под влиянием учения духовенства о верховности князей и о безусловном подчинении и подданстве им, зарождается в народном сознании новое воззрение на князя, как «господина», «государя», с властью, не за-

висящую от народа, с назначением, идущим за узкие пределы общинного наряда». Однако не во всех землях положение княжеской власти развивалось одинаково. Если на северо-востоке князь становился вотчинником, то в Новгороде и во Пскове при независимости общин его власть ограничивалась вечем, в то время как в западно-русских землях преобладающим элементом было боярство. Таким образом, задружно-общинный быт, влиявший на институт княжеской власти, распространялся, по Ф. И. Леонтовичу, на весь период домонгольской Руси и был свойственен многим народам^{cdxcviii}.

«Задружную теорию» Ф. И. Леонтовича поддержал К. Н. Бестужев-Рюмин, один из крупнейших источниковедов и историографов второй половины XIX века, профессор Петербургского университета, оказавший большое влияние на развитие в нем собственной исторической школы. Однако взгляды К. Н. Бестужева-Рюмина на древнерусскую историю в целом носили широкий эклектический характер. Здесь проглядывается влияние и славянофилов, и С. М. Соловьева, и В. И. Сергеевича, и др. Постоянно откликаясь на все значимые исторические труды современников, свое представление об общем ходе истории России К. Н. Бестужев-Рюмин излагал в лекциях, на основе которых была издана его известная двухтомная «Русская история»^{cdxcix}. Разделяя Древнюю Русь на период «при варяжских князьях» и удельный период, историк замечал, что в первое время князь — предводитель дружины, стоял «вне всяких связей с отдельными общинами», «был князем всей русской земли. Эта центральность его положения создавалась, — писал К. Н. Бестужев-Рюмин, — конечно, не сознанием государственного значения его власти, а с одной стороны практической необходимостью иметь посредником постороннее лицо». «В отношении населения князь был судьей и охранителем», делившись властью с членами своей дружины^d. После раздробления Русской земли между князьями: «волости представляли в их глазах известную ценность». Получая за свою деятельность определенный доход, во взаимных отношениях князья «поступали, как независимые владельцы: вели войны, заключали мир». Несмотря на сущест-

зование родового порядка распределения волостей, он «является только идеалом, а в действительности было много других путей, которыми добывались столы»: завещанием, силой, соглашением между князьями, призванием^{di}. «Подле князя по исконному славянскому обычаю стояло вече», но в ту пору, отмечал К. Н. Бестужев-Рюмин, их отношения не были определены, «а все дело основывалось на доверии или на преобладании материальной силы. В сущности, власть веча никогда не была чем-либо иным, кроме власти контролирующей: она проявлялась в важных случаях, а в обыкновенных князь пользовался полною властью и часть ее: сбор дани или суд со всеми последствиями, передоверял избранным им лицам». Княжеская дума, по мнению историка, не ограничивала власти князя, а являлась практической необходимостью, «а ее компетенция была слита с княжеской»^{dii}. Лишь к концу XII века проявляются особенности положения князя в Новгороде: «более сильное, чем где-либо, развитие власти веча и большая определенность в отношениях между вечем и князем — договорное начало, которое в других княжествах мы видим только в зародыше, в первоначальной форме ряда»^{diii}. В целом же К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркивал, что социально-политическая жизнь Древней Руси не отличалась юридически правильными формами, и нельзя «приступать к ее изучению с понятиями, заимствованными из жизни народов развитых»^{div}.

Схожих с К. Н. Бестужевым-Рюминым взглядов, за исключением начальной истории Руси, придерживался знаменитый автор официальных школьных учебников по русской и всеобщей истории, представитель консервативной общественной мысли Д. И. Иловайский. Отдав по окончании Московского университета дань изучению местной истории^{dv}, он, после преподавания в различных гимназиях и выхода в отставку, посвятил себя созданию многотомного обобщающего труда «История России» (М., 1876—1905. Т. 1—5). Вместо «Введения в русскую историю» им были изданы своеобразные «Разыскания о начале Руси» (М., 1876). Включившись в проходившую в 1860—70-е гг. полемику о происхождении Руси (Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, М. М. Шпилевский, Я. К. Грот, А. Л. Дювернуа, Д. Ф. Щеглов,

Н. П. Ламбин, Б. А. Дорн, Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, С. А. Гедеонов, А. А. Куник, И. Е. Забелин, В. Г. Васильевский, Д. Я. Самоквасов и др.)^{dvi} с антинорманистских позиций, Д. И. Иловайский доказывал, что руссы — туземный народ, ведущий свое начало от роксолан, которых он сближал со славянами. Выдвинув гипотезу о существовании в древности особой приазовской Руси, историк, тем самым, стремился к опровержению мнения об иноземном влиянии на становление древнерусского государственного быта^{dvii}.

Таким образом, скептически относясь к древнейшим летописным известиям, Д. И. Иловайский начинал излагать свою «Историю России» не с Рюрика, а с первых походов Руси на Византию. Выводя княжескую власть, как в целом и государственный порядок из племенного быта славян, он замечал при этом борьбу «двух укладов, то есть народно-вечевого и княжеско-дружинного. Благодаря... постоянной потребности в обороне от внешних неприятелей, военное, то есть княжеско-дружинное, начало брало верх и полагало основание единовластию». Это сопровождалось также борьбой князей более сильного племени с менее сильными князьями, в ходе которой «происходило... объединение разных частей великого Русского народа под верховною властью одного княжеского рода»^{dviii}. Так во главе всей Русской земли становится великий князь Киевский. «Он заботится о земском строе, устанавливает суд и расправу. Он окружен боярами или старшею дружиною, с которою советуется о всех важных делах, подтверждает старые уставы или производит в них перемены»^{dx}. В важных случаях князь «призывал на совет городских мужей или старцев, то есть собирал вече». Отмечая совместное существование на Руси родовой наследственной княжеской власти и вечевых сходок, Д. И. Иловайский видел «явное подчинение вече князю»^{dx}.

С разделом Руси на отдельные волости, более или менее обособленные, имевшие во главе разные ветви одного княжеского рода, за исключением Великого Новгорода и стольного Киева, Русь, по Д. И. Иловайскому, «все-таки представляет важные и разнообразные условия, которые связывали ее части в одно

целое». Например, княжеские съезды, являвшиеся «как бы верховным судилищем для самих князей и верховным советом или рядом для важнейших вопросов, каковы в особенности раздел волостей между князьями и совокупные предприятия против внешних врагов». «Соперничество удельных князей и желание иметь около себя возможно более сильную и преданную дружину, — по мнению историка, — конечно, возвысили значение и права дружинников». Те же прагматические причины — «междоусобная борьба князей за волости и частая нужда искать поддержки у местного населения способствовали развитию и укреплению вечевых обычаев. Вече старших или стольных городов приобрело такую силу, что нередко решало и самый спор князей о том, кому сесть на стол». Кроме того, оно заключало с ними ряд «на известных условиях». Однако «наибольшего развития своего народное вече достигло в Новгороде Великом, где оно приобрело значение верховной власти и стало выше власти княжеской. Оно присвоило себе право выбирать и низлагать князей». «За исключением Великого Новгорода, — писал историк, — народное вече нигде не представляет нам твердых определенных форм, и мы тщетно пытались бы разъяснить вечевые обряды, способ собирания голосов, пределы вечевого власти и т. д.»^{dx1}. Как и К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский в итоге полагал: «Тщетно стали бы мы искать строго (юридически) определенных общественных отношений и учреждений, то есть стройного государственного порядка на Руси в домонгольскую эпоху. Ее общественный строй носит на себе печать неопределенности и бесформенности в смысле наших настоящих понятий о государственном быте. Общественные слои находятся еще в периоде брожения и не застыли в известных рамках»^{dx2}. Неслучайно Д. И. Иловайский, представлявший консервативно-монархический взгляд на историю России и придерживавшийся устаревшей периодизации, в своем учебном «Курсе старшего возраста» называл «Периоды Киевский и Владимирский» неопределенно: «Русь удельно-вечевая или дружинно-княжеская»^{dx3}.

Одновременно с началом публикации «Истории России» Д. И. Иловайского в 1876 г. вышла первая часть «Истории рус-

ской жизни с древнейших времен» своеобразного историка и археолога И. Е. Забелина. Так же, как Д. И. Иловайский, он задался целью решения проблемы начала Руси. Однако, увязнув в догадках и предположениях на счет ее славянского происхождения (от прибалтийских славян), И. Е. Забелин, по справедливому замечанию Н. И. Костомарова, не отразил древнейшей истории именно русской жизни в ее общественном, домашнем и духовном проявлении^{dxiv}. Взгляды же историка на социально-политическое развитие Древней Руси и его отношение к проблеме власти древнерусских князей, заключенные в конце первой и во второй части труда, продолжали те представления, которые сложились у И. Е. Забелина в ходе исследования русского быта XVI—XVII веков и дискуссии о Смутном времени с тем же Н. И. Костомаровым^{dxv}. Исходя изначально из родовой теории в ее интерпретации К. Д. Кавелиным^{dxvi}, он дополнил ее представлением о Руси как союзе независимых между собою городов-общин, которые сравнивал с античными полисами^{dxvii}. Город — первоначальное «родовое-волостное гнездо», по мнению историка, превращался в сосредоточение дружины, что позволило ему утверждать о господстве «дружинного быта» в Древней Руси. Князь, при этом выступавший сначала в роли родоначальника, а потом предводителя дружины, являлся «необходимым существом городской жизни как творец суда и расправы и первый защитник от обид и всяких врагов»^{dxviii}. «За то земля его кормила, и он сам не простирает своих видов дальше права на это кормление. Кормление, — писал далее И. Е. Забелин, — вместе с тем условливало общее владение землею в княжеском племени и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более как кормленщиком, не главою земли, а главою таких же кормленщиков, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты». «Как скоро правда была нарушена поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни». В свою оче-

редь, «личные эгоистические цели» князей и дружины приводили к добыванию ими новых столов, новой власти, нового кормления. Призвание и изгнание князя и его дружины - «обычное существо городского быта», считал И. Е. Забелин. Таким образом, представляя себе Древнюю Русь в виде независимых городских волостей, он полагал, что общий строй земли растворялся «среди собственного княжеского племени, среди дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равною самостоятельностью голоса, власти и действий»^{dxix}.

В 1877 г. вышло обстоятельное исследование варшавского историка А. Лимберта «Предметы ведомства "Веча" в княжеский период древней России», в котором он, кроме собственного изучения вечевых собраний, представил краткий итог всей предшествующей отечественной историографии государственного строя Древней Руси^{dxix}. Необходимо отметить, что к этому времени историография окончательно сформировалась как специальная историческая дисциплина, и это существенно сказывалось на самих исторических трудах, в которых все чаще введением служили историографические обзоры предшествующей литературы^{dxxi}. Сам А. Лимберт, поддерживая теорию общинно-вечевого, или земско-вечевого, строя домонгольской Руси и предельно широко рассматривая компетенцию вечевых собраний (в политической, административной, судебной и экономической сферах), считал, тем не менее, что вече отдельно от князя, «само по себе не имело политического характера и не принимало участие в делах государства», за исключением, конечно, северорусских областей (Новгорода, Пскова и Вятки). Впрочем, отмечая неограниченность княжеской власти (дружину историк не отделял от князя), он констатировал, что она была сильна лишь в соединении с народной волей. По вопросу о престолонаследии А. Лимберт выступал за устоявшуюся точку зрения о действии разнообразных прав: старшинства в княжеском роде, завещания, силы, междукняжеских договоров и призвания вечем. Отношения же князей между собою в так называемый удельно-вечевой период, по его мнению, строились на равных и свободных основаниях (самостоятельно заключать союзы, воевать и т. д.).

Власть великого князя, как старшего в роде, была номинальной. Зависимость от него удельных князей основывалась лишь на нравственных началах и непосредственной силе. Таким образом, А. Лимберт подчеркивал уже высказывавшиеся в отечественной историографии мнения на институт княжеской власти в Древней Руси^{dxxii}. Пожалуй, новым в его исследовании выступало только более акцентированное внимание на проблему материального обеспечения княжеской власти. Здесь историк подробно обозначил его источники: дань, различные пошрины, судебные пени, торговую деятельность и земельную собственность князей^{dxxiii}. Однако вопросы социально-экономической сферы, как одной из определяющих историческое развитие, в том числе института княжеской власти, становятся актуальными для отечественной историографии лишь в 1880-е гг. и знаменуют новый поворот в движении исторической науки.

Подводя итоги историографического периода середины — второй половины XIX века, в изучении власти древнерусских князей выделяются следующие моменты. Бурные события общественно-политической жизни России этого времени, связанные с реформаторской деятельностью правительства и общей ситуацией в стране, привели к формированию и развитию трех основных направлений общественной мысли — консервативного, либерального и демократического, в рамках которых, так или иначе, действовала историческая мысль. Консервативная историография продолжала отстаивать взгляды о монархической власти как основе исторического прогресса России в противоположность странам Западной Европы. Данное положение укладывалось в известную теорию «официальной народности», исходя из которой строилась монархическая концепция княжеской власти в Древней Руси, представленная в трудах крупнейших историков-консерваторов середины XIX века М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова. В пореформенный период эта концепция получила дальнейшее развитие в творчестве Д. И. Иловайского. Однако под воздействием позитивизма он указывал и на неопределенность древнего социально-политического строя. Среди историков русского государства и права с монархической теорией княжеской

власти выступал Д. Я. Самоквасов, который, напротив, критиковал взгляды о неопределенности государственного быта на Руси.

В либеральной историографии середины — второй половины XIX века, объединявшей большинство профессиональных историков и юристов, изучение власти древнерусских князей осуществлялось через призму разнообразных теорий социально-политического быта Древней Руси: общинная (А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, И. Д. Беляев, В. Н. Лешков и др.), родовая (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, А. И. Никитский и др.), договорная (Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич и др.), федеративная (Н. И. Костомаров и др.), задружно-общинная (Ф. И. Леонтович и др.) и их модификации. Причем наиболее распространенной вариацией выступала теория земско-вечевого, или общинно-вечевого строя, в которой ведущее значение в социально-политическом развитии Руси придавалось землям-волостям во главе со старшими городами, общинному, земскому самоуправлению и вечу. Княжеская власть, согласно этой точке зрения, могла осуществлять свои законодательные, судебные, административные и военные функции лишь в единении с «миром». При этом некоторые исследователи, обнаруживая в Древней Руси союзы общинных городов, сравнивали их с античными полисами (А. И. Никитский, М. Д. Затыркевич, И. Е. Забелин).

Напротив, для демократической историографии, несмотря на разнообразие конкретно-исторических взглядов, которые историки-демократы по большей части заимствовали у либеральных историков, было характерно стремление к изображению антагонизма между княжеской властью и народом в Древней Руси (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. П. Щапов, Н. Я. Аристов, Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, И. Г. Прыжов, С. С. Шашков, И. А. Худяков и др.).

§ 3. Отечественная историография конца XIX — начала XX века об институте княжеской власти в Древней Руси.

Конец XIX — начало XX века — время наивысшего расцвета дореволюционной отечественной исторической науки, а не кризис, как утверждали советские историки для идеологического оправдания насильственной ломки предшествующей историографии и утверждения марксистского направления^{dxxiv}. Значительное усложнение теоретических и практических подходов к познанию прошлого, разнообразие политических программ преобразования общества с их историческим обоснованием, наконец, подъем университетско-академической науки, подготовленный всем ходом ее предыдущего развития свидетельствует об этом. Дифференциация истории, как науки, в этот период и в методологии, и в проблематике, и в организационных формах, и в общественной позиции ученых достигла того уровня, который привел к формированию особых научных школ, складывавшихся преимущественно в университетских центрах. Прежние направления с их широкими концептуальными положениями перестали укладываться в рамки стремительного движения отечественной историографии. Поэтому следует обратиться к рассмотрению проблемы института княжеской власти в Древней Руси, как она представлена, прежде всего, в сфере развития разнообразных исторических школ^{dxxv}.

Ведущее положение в отечественной историографии конца XIX — начала XX века занимала московская историческая школа во главе с крупнейшим историком того времени В. О. Ключевским. Он, являясь учеником и преемником С. М. Соловьева по кафедре русской истории в Московском университете, долгие годы разрабатывал собственную концепцию и методологию изучения отечественной истории, что в сочетании с педагогическим талантом способствовало сплочению вокруг него целой плеяды учеников и последователей^{dxxvi}. Если в первых своих лекциях 1870-х гг. В. О. Ключевский еще следовал прежней схеме исторического развития России от родовых отношений к государственным через гражданское общество, уделяя главное внимание смене политических форм^{dxxvii}, то в докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» (1882) историк представил новый

подход. Изучая эволюцию древнерусской администрации, он обратился, прежде всего, к социально-экономическим факторам, что позволило сформировать, в частности, особую, так называемую, «торговую теорию» генезиса восточнославянской государственности. В знаменитом «Курсе русской истории» (М., 1904—1922. Ч. 1–5) он еще более развил ее.

Древнерусское государство возникло, по мнению В. О. Ключевского, на торговых основаниях, на том пути «из Варяг в Греки», по которому ездили в Византию «вооруженные варяжские купцы» еще ранее половины IX века, а славянские города, лежащие на этом пути, стали искать у них покровительства своим «торговым оборотам». Отсюда призвание варяжских князей и объединение древнерусских земель или собственно «городовых областей» под их владычеством. Таким образом, происхождение государства было «делом внешней русской торговли»^{dxviii}.

В то же время, В. О. Ключевский сохранял основные принципы концепции С. М. Соловьева, что отразилось и в его взглядах на институт княжеской власти. Подобно С. М. Соловьеву, В. О. Ключевский отмечал нераздельное владение всей Русской землей княжеским родом Рюриковичей «по известному порядку», то есть «лествичному восхождению» князей, когда «каждый князь был лишь временным держателем той или другой волости»^{dxix}.

Источником власти первых русских князей В. О. Ключевский считал как «общественный интерес» граждан в них для защиты страны от внешних врагов и охраны ее торговых путей (экономический фактор), за что они «получали определенный корм», так и «вооруженную силу», которая «превращается в политическую власть», путем насильственного ее захвата^{dxix}. «Расширяя свои владения, князья киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок», — писал В. О. Ключевский, а «главной целью княжеской администрации был сбор налогов»^{dxxi}. Этот же экономический интерес определял и внешнюю деятельность первых киевских князей, направленную «к приобретению заморских рынков»^{dxiii}.

В XI веке, по мнению В. О. Ключевского, отношение к княжеской власти в русском обществе изменяется, так как «с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений»^{dxxxiii}. На киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка. Тем самым, сообщая княжеской власти «характер верховной государственной»^{dxxxiv}. Однако, замечал В. О. Ключевский, единая верховная власть на Руси тогда не была единоличной. Она имела довольно условное, стесненное значение. «Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейские ее правители». Их признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок. «Но не их дело было созидать новый земский порядок»^{dxxxv}.

Интересы земли представляли, по В. О. Ключевскому, «два общественных класса, две различные политические силы, друг с другом соперничавшие», — боярская дума и вече. Эти учреждения различались между собою не столько правительственными функциями, сколько социально-политическими интересами. Роль княжеской власти именно в том и состояла, чтобы объединить эти силы. Князь «от Бога», он был обязан выражать интересы всех, быть третейским судьей, защитником земли. Для чего, «по понятиям века все отношения князя должны были держаться на крестном целовании, на договоре с политическими силами времени, среди которых он вращался», — писал В. О. Ключевский. Поэтому «не отрицая державных прав целого княжеского рода, старшие города не признавали их полноты за отдельными родичами и считали себя в праве договариваться с ними, требовать, чтоб князья садились на их столы с их согласия»^{dxxxvi}.

Впрочем, В. О. Ключевский отмечал, что «в старых городах киевской Руси этот договор не успел развиваться в точно определенные постоянные условия, подобные позднейшим новгородским, в такие условия, которые везде имели бы одинаково обязательное значение: они определялись обстоятельствами, расши-

рялись или стеснялись, даже иногда совсем исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевес силы»^{dxxxvii}. Отсюда, в согласии с уже устоявшейся в историографии традицией, В. О. Ключевский выводил преобладание боярской власти в Галицко-Волынских землях, княжеской во Владимиро-Суздальской земле и веча в Новгородской^{dxxxviii}. При этом с начала XIII века вместо единого княжеского рода образуются обособленные княжеские линии; вместо порядка очередного перехода князей со стола на стол по праву родового старшинства происходит наследование от отца к сыну; вместо княжеских волостей появляются уделы; вместо князей-кормленщиков — князь-вотчинники^{dxxxix}.

Взгляды В. О. Ключевского на институт княжеской власти в домонгольской Руси, в основном, сохраняют свое значение в трудах его учеников: П. Н. Милюкова, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, Ю. В. Готье, В. И. Пичеты и др.^{dxl}

Представители историко-юридической науки в Московском университете не смогли создать собственной научной школы. Здесь не было необходимой преемственности: учитель — ученик. Московские профессора, занимавшие в конце XIX — начале XX века кафедру истории русского права, не были едины во взглядах и методах изучения юридического прошлого России^{dxli}. Так, известный своими исследованиями Русской Правды и дружины^{dxlii}, профессор П. Н. Мрочек-Дроздовский выделялся устаревшими подходами и изучал главным образом внешнюю сторону истории русского права. Тем же формализмом, юридическим догматом отличался и его общий курс лекций. Соответствуя этому, он делил историю государственного устройства и управления Древней Руси на периоды — Норманский, Киевский и Владимиро-Московский. В Норманский период — «время первых русских князей до введения христианства при Владимире Св.», призванная для управления и суда княжеская власть, по словам историка, характеризовалась «бродническим нравом». «В это время князь-норман со своею дружиной смотрит на славянскую землю только как на доходную статью и как на бли-

жайший знакомый ему путь к пределам Византии». Отмечая в социально-политической истории Руси действие двух начал — княжеско-дружинного и земско-вечевого, которые в первый период «стояли особняком, не сливаясь друг с другом», П. Н. Мрочек-Дроздовский, тем не менее, как юрист определенно констатировал, что «призванным князьям предоставлена верховная власть над призвавшими, поскольку понятие верховной власти было доступно и самим князьям того времени и тому обществу, в среде которого этим князьям надлежало действовать»^{dxliii}. В Киевский период — «время от принятия христианства до занятия Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского (1169 г.)», когда князья становятся оседлыми на Руси, начинается сближение их интересов с земщиною. Расширяются судебные и административные функции княжеской власти. Причем земский устав, то есть управление, по мнению П. Н. Мрочек-Дроздовского, «всегда является, как устав княжеский, и составляет внешнее выражение обязанности князя устанавливать и утверждать определенный наряд в Русской земле». В эту обязанность входит и управление военное. В то время как в судебной деятельности князь «был только выразителем взглядов земщины на право и неправу в каждом отдельном случае», — писал историк. Следовательно, если «в уставных грамотах, главным образом, определяется общий строй управления как правительственного (администрации), так и местного (самоуправления): вопросы суда разрешаются здесь главным образом со стороны права князя и его чиновников кормиться от отправления правосудия». В неразрывной связи с судом находилась законодательная деятельность князей. Здесь, считал П. Н. Мрочек-Дроздовский, также «князь является главным образом лишь в качестве писателя народных обычаев»^{dxliv}.

По поводу междукняжеских отношений и «столопреемства» (выражение П. Н. Мрочек-Дроздовского) историк полагал безусловным существование руководящего начала старейшинства как внутри княжеского рода в целом (власть великого князя и ее связь с Киевом), так и в отдельных его линиях (власть удельных князей) в течение всего Киевского периода. Однако со все боль-

шим размножением князей «родовые начала княжеского быта разлагаются», постепенно утрачивая свое значение, а в следующем периоде и вовсе исчезают, «уступая место иным основам». Среди этих основ, ограничивавших родовое старейшинство, П. Н. Мрочек-Дроздовский называл: «отчинное право, личное право (право сильного), народное право, междукняжеские договоры и представление о старейшинстве старших племянников сравнительно с младшими дядями». Значение великого князя как старшего в роде, его права и обязанности по отношению к младшим князьям определялись родственным характером и зависели от добровольного признания всех князей. В период Владимиро-Московский кровные отношения заменяются договорными, и на первый план выдвигается наследование сына по отцу (семейное старейшинство), которое сталкивается иногда с личной волею князя-владельца. В то же время в Новгороде, Полоцке и других княжествах утверждается народное право избрания князей^{dxlv}. Таковы общие взгляды П. Н. Мрочек-Дроздовского на институт княжеской власти, которые отличались эклектическим характером.

Наряду с П. Н. Мрочек-Дроздовским кафедру истории русского права в Московском университете занимали сначала приват-доцент А. Н. Филиппов, местный воспитанник, получивший кафедру государственного права в Юрьевском университете, а затем бывший профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов. В многочисленных лекциях и статьях он продолжал рассматривать государственное развитие Древней Руси с точки зрения монархической теории^{dxlvi}. «Со времени завоевания Руси Олегом и его преемниками верховная государственная власть народного веча эпохи племенных государств сосредоточилась в руках завоевателя, — утверждал Д. Я. Самоквасов. — По праву завоевателей, первые Рюриковичи господствовали над покоренными народами и областями самовластно и передавали свою власть порядком наследования, в котором воля народа не имела юридического участия. В значении завоевателей, князья определяли дани, издавали уставы, управляли и судили по своей воле, справляясь с народной волею настолько, насколько сами нахо-

дили это нужным». И далее: «После Ярослава, за дарованием Новгороду политической свободы волею князя, и за обращением остальных областей Руси в родовые княжества, вече Новгорода является высшим и единым органом государственной власти, призывающим князя по своей воле и определяющим его деятельность, наравне с деятельностью выборного посадника, а в родовых княжествах народное вече проявляет свою волю только при исключительных обстоятельствах, когда на вакантный княжеский стол являлось несколько претендентов, обращавшихся к народной помощи и одинаково опиравшихся в своих распрях на родовое право или на силу». Следовательно, по Д. Я. Самоквасову, в Новгороде «законодательная власть принадлежала вечу, а правительственная и судебная деятельность князя является ограниченной договорными условиями и контролем выборного посадника». В то время как в удельных княжествах «законодательная власть, верховное управление и верховный суд были сосредоточены только в руках князя, как единого органа верховной государственной власти». Здесь, считал историк, вече действовало лишь в виде органа местного самоуправления общин, «в сфере общественной, а не государственной»^{dxlvii}. Таким образом, он четко определял, что «родовые княжества представляли собою монархии, а народоправства — республики»^{dxlviii}. Отрицая теорию двоевластия князя и веча на Руси и выступая, прежде всего, против ее интерпретации в трудах В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасов соглашался с ним в другом вопросе. Он полагал, что «в эпоху развития удельных законодательств взаимные отношения между князьями Рюрикава дома определялись договорами. Княжеские договоры представляют собою мирные трактаты, заключенные или для прекращения, или для предупреждения войны между князьями»^{dxlix}.

Иных взглядов придерживалось следующее поколение преподавателей истории русского права в Московском университете — приват-доценты П. И. Числов и Б. И. Сыромятников. Оба историка при характеристике княжеской власти исходили из концепции земско-вечевого строя Древней Руси^{dl}. Однако если П. И. Числов в своем систематическом «Курсе истории русского

права» в основном эклектически соединял выводы предшественников (В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова и др.)^{dli}, дав подробный обзор их работ^{dlii}, то Б. И. Сыромятников, также занимавшийся историографией^{dliii}, стремился к самостоятельным заключениям. Основываясь на методологии экономического материализма, историк устанавливал «общечеловеческие этапы исторической жизни». Причем эволюция верховной власти в России, как и во всем мире, считал Б. И. Сыромятников, шла «в направлении от непосредственной демократии (народоправства) к правовому государству». Поэтому на первом этапе, в эпоху народовластия, «княжеская власть, подобно королевской власти на Западе в аналогичный момент», представляла собой «одну из форм демократии». Постепенное разложение вечевого государства, которое было основано на торговой деятельности земских городов (мнение В. О. Ключевского), вызванное развитием феодальных отношений, привело к тому, что с конца XII века «на место государя-народа становится государь-князь или, точнее, государь-вотчинник» (за исключением Новгорода и Пскова). Таким образом, по мнению Б. И. Сыромятникова, самостоятельно исследовавшего вопрос о феодализме на Руси, в этот удельный период князь — это «сюзерен, стоящий в договорных отношениях к своим подданным и разделяющий свои государственные права и полномочия со своими верными вассалами». При этом «Боярская дума в эту эпоху не отделима от княжеской власти», составляя «высшую феодальную курию и авторитетный политический орган»^{dliiv}.

Главой петербургской школы историков России в конце XIX — начале XX века был выдающийся исследователь Смутного времени С. Ф. Платонов. Не изучая специально древнерусский период, он излагал его в многократно переиздававшихся «Лекциях по русской истории» (1-е изд. — 1899 г., 10-е изд. — 1917 г.). Вслед за В. О. Ключевским, С. Ф. Платонов считал киевских князей IX—X веков защитниками страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля, объединяют русские племена, создавая на Руси единое государство, устраивают как можно выгоднее торговые сношения с соседями и пы-

таются обезопасить торговое движение к иноземным рынкам^{dlv}. Будучи иноплеменниками, считал С. Ф. Платонов, они не вмешивались в прежнюю общественную жизнь областей^{dlvi}. После же принятия христианства, церковь, стараясь поднять значение княжеской власти, учила князей блюсти в своей земле государственный порядок, «имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко», а также «требовала от подданных князя, чтобы они имели приязнь к нему и повиновались»^{dlvii}.

Признавал С. Ф. Платонов на Руси XI—XII веков и родовой порядок наследования столов князьями, который поддерживал земское единство^{dlviii}. Что касается отношения князя к вече, то С. Ф. Платонов утверждал: «Политическое значение его понижалось при сильном князе, имевшем большую дружину, и, наоборот, усиливалось при слабом»^{dllix}. Такое колеблющееся положение, впрочем, никак не изменяло функции князя: «Он законодательствует, он военный вождь, он верховный судья и верховный администратор. Эти признаки всегда характеризуют высшую политическую власть», — заключал С. Ф. Платонов^{dlx}.

Отличие от учеников В. О. Ключевского, более самостоятельны в своих взглядах на развитие княжеской власти в Древней Руси были ученики С. Ф. Платонова — Н. П. Павлов-Сильванский и А. Е. Пресняков. Хотя Н. П. Павлов-Сильванский уделял меньшее внимание разработке первого периода русской истории «от доисторической древности до XII в.». Темой его главных работ были последующие века, в которых он усматривал период феодализма на Руси, сходного западноевропейскому и связанного с господством крупного землевладения — «боярщины»^{dlxi}. В эпоху же Киевской Руси, считал Н. П. Павлов-Сильванский, существовал общинный строй, «когда пришлые князья, со своими дружинами и с посадниками, являются элементом, наложенным сверху на строй мирского самоуправления, и вече сохраняет свою суверенную власть, призывая князей и изгоняя их»^{dlxii}. Посвятивший специальное исследование аристократическому элементу на Руси^{dlxiii}, историк, как и его предшественники в этом вопросе^{dlxiv}, не считал, что боярство до

XII века имело самостоятельное значение в сравнении с князем и вечем. В то же время в трудах Е. А. Белова, преподавателя истории в Александровском лицее в Петербурге, была представлена иная точка зрения. Е. А. Белов полагал, что в домосковский период «дружинники всегда и всюду, за исключением Новгорода, становясь между князем и вечем, фактически сохраняли за собою преобладающее влияние на дела»^{dlxv}.

А. Е. Пресняков своими исследованиями, в сравнении с Н. П. Павловым-Сильванским, наоборот, внес крупный вклад именно в изучение политического устройства домонгольской Руси. Взгляды его по этому предмету нам известны, главным образом, из его диссертации «Княжое право в Древней Руси» и «Лекций по русской истории»^{dlxvi}. В них он, не соглашаясь с характеристиками княжеского владения Русью X—XII веков, выдвинутыми С. М. Соловьевым (родовая теория) и В. И. Сергеевичем (договорная теория), считал, что князья Рюриковичи осуществляли владение страной в соответствии с принципами большой нераздельной семьи. Право на княжение в каждой волости приобреталось, прежде всего, наследованием по отцу, по семейному, отчинному праву. Поэтому и раздробление Киевского государства он связывал, главным образом, с семейно-отчинным правом, предусматривавшим раздел отцовского имущества между сыновьями^{dlxvii}. Однако «князь XI—XII столетий не был государем ни сам по себе, ни тем более как член владельческого рода. Ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древнерусских князей говорить не приходится», — писал А. Е. Пресняков^{dlxviii}. Сфера особого «княжеского права» еще не выделилась, «она развивается в сфере общего права», то есть народного, обычного, лишь дополняя его^{dlxix}.

Вслед за В. И. Сергеевичем А. Е. Пресняков признавал, что князь, опираясь на свое «одиначество» с вечевой общиной, скрепленное взаимным крестоцелованием и рядом, есть «народная власть», так как народ, а не дружина «составлял главную силу князей»^{dlxx}. Княжеская же власть была призвана «для удовлетворения насущных общественных потребностей населения —

внешней защиты и внутреннего наряда». В то же время А. Е. Пресняков замечал: «Элементарные нити древнерусской волостной администрации сходились в руках князя, а не веча или каких-либо его органов. В этом оригинальная черта древнерусской государственности». «Дуализм князя и веча был своеобразным внутренним противоречием, которого не разрешила жизнь Киевской Руси», — заключал автор^{dlxxi}.

Для того чтобы княжеская власть доросла до высшего государственного властвования, необходимо было создать особые государственно-правовые отношения и «преодолеть замкнутость самоуправляющихся общинных миров», а это протекало медленно и «уже за хронологической гранью рассматриваемого нами периода русской истории»^{dlxxii}. В то же время «в севернорусских народоправствах» шел обратный процесс, вырабатывались постоянные органы веча, ограничивающие и контролирующие княжескую власть во всех ее сферах. «А на юге, — писал А. Е. Пресняков, — силой, с которой пришлось князьям считаться, которая вступила с ними в конкуренцию, явилось, в конце концов, не вече народное, а земледельческое боярство»^{dlxxiii}. Такова общая картина института княжеской власти в его развитии, как это представлял себе А. Е. Пресняков.

Историко-правовую науку в Санкт-Петербургском университете в конце XIX — начале XX века представлял выдающийся юрист, крупнейший исследователь истории древнерусского права В. И. Сергеевич. Продолжая в это время интенсивно разрабатывать вопросы методологии и истории государства и права России с древнейших времен до XVIII века, издавая капитальные труды, статьи, лекции, он в основном не выходил за рамки своих прежних взглядов^{dlxxiv}. Так, В. И. Сергеевич по-прежнему рассматривал государственную структуру домонгольской Руси как строй независимых одна от другой волостей, верховная власть в которых была разделена между князем и вечем. Сохранял историк и мнение о договорных отношениях, принизывавших все существо древнерусской государственности. Отрицал он и наличие «строго выработанного порядка преемства для та-

кого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы»^{dlxxv}.

Среди учеников и преемников В. И. Сергеевича, которые, впрочем, не составляли какой-либо организованной школы, выделяются такие известные историки русского права, как академик М. А. Дьяконов, В. Н. Латкин, В. М. Грибовский, Н. Н. Дебольский. За исключением М. А. Дьяконова, ставшего профессором Юрьевского университета, остальные разделяли основные положения концепции княжеской власти на Руси В. И. Сергеевича^{dlxxvi}.

Переходя к изучению взглядов по рассматриваемой проблеме историков Киевского университета конца XIX — начала XX века, необходимо отметить, что русскую историю здесь преподавали профессора В. Б. Антонович и В. С. Иконников, соответственно древний период — первый, а новый период — второй. В. С. Иконников известен своими трудами в области отечественной историографии. В. Б. Антонович изучал историю Правобережной Украины и Великого княжества Литовского. Оба ученых, бывшие в разные годы деканами историко-филологического факультета и председателями созданного при их активном участии «Исторического общества Нестор-летописца», являлись также сотрудниками Киевской археографической комиссии. В. Б. Антоновичу удалось создать собственную историческую школу, которая со временем разрослась до масштабов национальной школы историков Украины^{dlxxvii}. На начальном этапе его учеников объединяло общее направление монографического изучения отдельных древнерусских земель, единая методология и концепция^{dlxxviii}. Проблема власти древнерусских князей в каждом из исследований киевских историков по областной тематике «удельно-вечевой эпохи» стояла весьма остро.

Сам В. Б. Антонович, несмотря на активные занятия археологией и чтение в университете курса лекций по истории домонгольской Руси, не посвятил себя специальному исследованию данного периода, излагая его в соответствии со взглядами Н. И. Костомарова. Восприняв федеративную теорию последне-

го, В. Б. Антонович исходил из признания Древней Руси федерацией городских областей, основанных на «племенном распределении народа». Возникнув «в доисторическое время», города, как вечевые центры общин и юридические единицы земель с пригородами, после возвышения княжеской власти становились также местами пребывания князей, центрами военной организации края. Однако развитие удельной системы, считал В. Б. Антонович, не нарушало прежнего быта. Княжеские столы, или уделы, не всегда совпадавшие с делением земель, по мнению историка, все равно подчинялись им как младшие города старейшим и старались к нему присоединиться^{dlxxxix}. Подобный строй городских общин перешел из Древней Руси в Литву, о чем В. Б. Антонович уже писал, основываясь на самостоятельных исследованиях. Причем в другой области его научных интересов — истории казачества, он также высказывался в пользу того, что казаки — это потомки древнерусских общинников. Таким образом, исторически обосновывая точку зрения об особой демократичности украинского народа, В. Б. Антонович стремился привести ее в свою общественную деятельность, которая отличалась умеренностью взглядов и просветительским характером^{dlxxx}.

Представления В. Б. Антоновича, идущие от Н. И. Костомарова, детально разрабатывались учениками историка. Областная тематика их первых крупных сочинений не представляла собой особой программы учителя, а вытекала из самой практики. Удобная для отражения занятий студентов над древнерусскими источниками и последующего написания медальных или кандидатских (дипломных) работ, она получила дальнейшее развитие в магистерских и даже докторских диссертациях историков школы В. Б. Антоновича. Началом серии исследований по истории древнерусских земель считаются монографии П. В. Голубовского и Д. И. Багалия, посвященные Северной земле до половины XIV века. Однако еще ранее вышли близкие по направленности труды Н. П. Дашкевича о Болоховской земле и И. А. Линниченко о вече в Киевской области. Далее последовали очерки Н. В. Молчановского о Подольской земле, А. М. Андрияшева и П. А. Иванова о Волынской земле, М. С. Грушевского

о Киевской земле, М. В. Довнар-Запольского о Белорусских землях, П. В. Голубовского о Смоленской земле, В. Е. Данилевича о Полоцкой земле, В. Г. Ляскоронского о Переяславской земле и, наконец, А. С. Грушевского о Турово-Пинском княжестве^{dlxxxii}.
Всех их объединяла, как уже было отмечено, общая концепция.

В основе древнерусских земель, считали киевские историки, лежали племена, пользовавшиеся автономией и составлявшие из себя федерации самоуправляющихся семейных общин. Во главе этих общин, которые объединялись в земские округа с центральными городами, стояли выборные старейшины, чья власть была значительно ограничена вечем. «Старейшины являлись как главными административными и судебными лицами своей общины, так и предводителями ее войск в войнах». Постепенно военная удача и добыча возвышали старейшину, чтобы переменить его роль на положение постоянного князя. Таким образом, наряду с выделением специального класса воинов-дружинников, создавался институт князей-военачальников. Впрочем, власть этих князей по-прежнему в большинстве случаев ограничивалась народным вечем или «была чисто исполнительная»^{dlxxxiii}.

Дальнейшее развитие института княжеской власти связывалось с подчинением Киеву и киевским князьям восточнославянских земель. Однако это подчинение носило лишь внешний характер: с обязанностью выплаты дани, поставки воинов и принятия посадников. Во внутренних же делах земли пользовались прежней самостоятельностью, в них оставались свои князья, продолжали действовать общинные органы управления. При этом последние постепенно вытеснялись княжеской властью из политической и административной сферы, что позволило утверждать о существовании временного периода угасания, ослабления вечевого деятели^{dlxxxiii}.

Возвращение веча к политической активности, вызванное образованием со второй половины XI века уделов (отсюда и наименование периода — «удельно-вечевого»), не свидетельствовало, считали киевские историки, об антагонизме княжеской власти и народа. Постепенное формирование независимых земель имело обоюдный процесс как со стороны местных общин,

стремившихся к обособлению, так и со стороны размножения княжеского рода, предоставлявшего каждой земле собственного князя. «Киевские князья не были в состоянии заглушить племенные инстинкты», — подчеркивал Д. И. Багалея. Положение княжеской власти на Руси в это время (до середины XII века) всюду было одинаковым. И. А. Линниченко констатировал: «В народе существовал совершенно ясный и правильный взгляд на назначение князя: это земский чиновник, избранный для исполнения тех обязанностей, которые считались специальностью княжеской семьи — военачальства и суда. Недовольный деятельностью своего князя, народ показывает ему путь от себя, то есть изгоняет, а на место его приглашает другого из того же княжеского рода, так как авторитетом в военном и судебном деле пользовался преимущественно князь». Другие княжеские функции, как решение вопросов войны и мира, сношения с иными государствами, землями и князьями, заключение с ними союзов и договоров; назначение чиновников (административных, полицейских, судебных, фискальных и др.); издание законов; забота о церковном благоустройстве и т. д. — исполнялись под контролем земства и его органов, главным из которых являлось вече. Оно могло вмешиваться во всякую сферу княжеской деятельности, если находило это нужным. Что касается Княжеской или Боярской Думы, то ее киевские историки считали только совещательным органом при князе и не имевшем самостоятельного значения в управлении землей, в отличие от более поздних времен. В целом отмечалось также, что «жизнь не отлилась еще в прочные юридические формы, отношения отличались неопределенностью, административный механизм — несовершенством», — как писал М. С. Грушевский. Это касалось вопроса и о преемственности княжеской власти в каждой земле. При одновременном действии различных способов занятия столов (родовое старшинство, отчинность, добывание силой, договор, народное избрание), любой из них нуждался в санкции со стороны земли, заключавшей ряд с князем, который устанавливал взаимные обязательства и был гарантией их выполнения. Иначе возникали усобицы и соперничество как между князьями — пре-

тендентами на власть, так и между князем и вечем. И в том, и в другом случае чаще всего все решало конкретное соотношение сил. Причем в междукняжеских отношениях большую роль играли не только материальные средства или родовые счета, но и отношения между землями, как отзвуки былых межплеменных отношений^{dlxxxiv}.

Со второй половины XII века начинают выделяться особенности положения княжеской власти в отдельных древнерусских землях. В итоге, как замечал Д. И. Багалеи: «После Батыева нашествия Русь представляла такую картину. В одних княжествах какой-нибудь из трех общественных элементов (князь, вече, дружина) одерживает решительную победу над двумя остальными, в других все эти три элемента находятся почти в равновесии. В Ростово-Суздальской земле князю удастся сломить и вече и дружину. В Новгороде Великом вече является полновластным господином. ...В Галиче дружина получает преобладающее значение»^{dlxxxv}. В отношении тех земель, о которых писали киевские историки, ими рассматривалось равносильное значение князя, веча и дружинного элемента власти в Киевской земле^{dlxxxvi}, Северской^{dlxxxvii}, Переяславской^{dlxxxviii}, Смоленской^{dlxxxix}, Турово-Пинской^{dxci} и др. Подчиненное положение княжеской власти вечу, подобное новгородскому и псковскому народоправствам, усматривалось в Полоцкой земле^{dxci}. В Галицко-Волынской же земле власть князя ограничивалась боярством. Причем свое господство, полагали киевские историки, оно приобрело вследствие местных условий, а не под влиянием аристократических порядков соседних стран, как считалось прежде^{dxcii}.

Таким образом, концепция княжеской власти в Древней Руси историков Киевского университета (школы В. Б. Антоновича) в целом соответствовала устоявшимся представлениям, сложившимся в отечественной историографии к концу XIX — началу XX века. Ее особенности большей частью касались лишь периода формирования данного института. Ибо киевские историки, обращавшие пристальное внимание на этнографические аспекты истории, исходили, прежде всего, из племенной специфики зарождения и развития княжеской власти на Руси. Их

взгляды сохраняют свое значение и в последующих сочинениях, не связанных с областной тематикой, а также находят отражение в лекционных курсах и научно-популярных работах^{dxciii}. И это несмотря на то, что некоторые из киевских историков в дальнейшем переходят от позитивистской методологии к экономическому материализму, как, например, М. В. Довнар-Запольский^{dxciiv}, или под влиянием националистических взглядов вносят существенные коррективы в общую концепцию истории Древней Руси, как, например, М. С. Грушевский^{dxcv}.

Среди историков-юристов Киевского университета ведущее место занимал профессор, заведующий кафедрой истории русского права М. Ф. Владимирский-Буданов. Как и В. Б. Антонович, которого он сменил на посту главного редактора Киевской археографической комиссии и председателя «Исторического общества Нестора-летописца», М. Ф. Владимирский-Буданов создал собственную научную школу, занимавшуюся преимущественно историей западнорусского права и Великого княжества Литовского (М. Н. Ясинский, Г. В. Демченко, А. Я. Шпаков, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский). Свою концепцию древнерусской истории и основные методологические положения ученый сформулировал в «Обзоре истории русского права», ставшим одним из популярнейших учебных пособий по данному предмету в дореволюционной России (выдержало с 1886 по 1915 г. семь изданий)^{dxcvii}.

Характеризуя первый период истории русского государственного права как «земский (или княжеский)», соответствующий IX—XIII векам, М. Ф. Владимирский-Буданов, по сути, впервые давал полное обоснование теории земско-вечевого устройства Древней Руси. По его мнению: «Форма общества, составляющая государство в течение всего первого периода, есть... земля как союз волостей и пригородов под властью старшего города». Причем «время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической», — считал историк. Уже в племенных княжениях восточных славян М. Ф. Владимирский-Буданов усматривал «земли, пределы которых не всегда совпадали с границами племени»^{dxcvii}. Таким образом, находя в основе

древнерусской государственности не племенное, а территориальное начало, он выступал оппонентом Н. И. Костомарова и киевских историков школы В. Б. Антоновича. К тому же М. Ф. Владимирский-Буданов вступал в полемику и с В. И. Сергеевичем, по которому основной политической единицей в Древней Руси была волость, а не земля.

Обращаясь к характеристике М. Ф. Владимирским-Будановым княжеской власти в древнерусских землях необходимо отметить, что ее эволюция связывалась им с принятым взглядом на развитие самих общественных союзов у славян. Так, в родовых союзах княжеская власть соответствовала власти родоначальника. При переходе рода через задругу в общину она заменяется выборной и равняется власти общинных старейшин. В землях «"володенье" имеет двоякую цель: частный интерес владеющих (то есть князей) и общественный интерес подданных (то есть народа). Оба элемента пока неразличимы, в продолжение всего первого периода». Отсюда М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что центральные органы управления земель «не выделились вполне, так как общеземское управление непосредственно осуществлял сам князь, дума бояр и вече». Составляя, таким образом, три формы верховной власти с одинаковыми правами и обязанностями, призванными управлять, законодательствовать и судить, они ограничивали друг друга^{dxcviii}. Хотя «внутренние связи русского государства-земли опирались не на княжескую власть, а на власть старшего города и его веча»^{dxciix}.

Выделяя тройственность верховной власти на Руси, М. Ф. Владимирский-Буданов и в этом не совпадал с мнением киевских историков и В. И. Сергеевича, которые не придавали самостоятельного значения боярской думе. Разногласия касались и вопроса о федеративном единстве древнерусского государства конца IX — первой половины XI века. М. Ф. Владимирский-Буданов считал такое единство «мнимым», ибо оно «не разрушает самобытности земель». В свою очередь, «удельная система повела не к раздроблению мнимого единства государства, а к большему слиянию прежних раздельных земель». Так что «развитие государственной русской территории в первом перио-

де идет от меньших единиц к более крупным, а не наоборот», — подчеркивал историк^{dc}. Несмотря на существовавшие противоречия в концепциях коллег по Киевскому университету у них были и общие моменты. В частности, М. Ф. Владимирский-Буданов соглашался с точкой зрения, что с конца XII века значимость одной из трех форм верховной власти в разных частях Руси становилась различной. В южной и юго-западной преобладала боярская дума, на северо-западе — вече, а на северо-востоке — княжеская власть^{dci}.

Рассматривая вопросы, связанные с междукняжескими отношениями, приобретением, передачей и потерей княжеской власти М. Ф. Владимирский-Буданов, и здесь занял самостоятельную позицию. Так, высказываясь о составе княжеской власти как родовой, когда «власть принадлежит не лицу, а целому роду», он, пожалуй, впервые четко обосновывал такое явление Древней Руси как соправительство князей. В преемственности же княжеской власти историк наблюдал лишь два правомерных способа — наследование и избрание, которые совершались одновременно. Первоначально наследование осуществлялось в порядке родового старшинства или по завещанию. Затем при размножении князей и нарушении счетов кровного старшинства «начинается искусственное определение степени родства — "возложение старшинства", возведение кого-либо по договору в старшие братья». Право избрания князя народом, существовавшее параллельно наследованию, с середины XII века вступает с ним в борьбу. Однако не вытесняет его «в принципе нигде, кроме Новгорода и Пскова». Другие способы замещения княжеского стола — добывание (узурпация) или приобретение его в результате договоров между князьями, М. Ф. Владимирский-Буданов считал, были не правомерны. В любом случае они нуждались «в оправдании или правом наследования, или правом избрания»^{dci}. Анализируя междоусобные войны князей, историк также констатировал, что они возникали не только из-за родовых счетов, «но главным образом из соперничества одной земли в отношении к другим». Таким образом, исходя из земско-вечевой теории, М. Ф. Владимирский-Буданов делал вывод:

«Вообще смысл истории так называемого удельного периода заключается не в междукняжеских, а в междуземских отношениях; если княжеские отношения влияли на отношения земель между собою, то в большей степени замечается и обратное влияние»^{dciii}.

Концепция института княжеской власти в Древней Руси, представленная М. Ф. Владимирским-Будановым, получила дальнейшее развитие в трудах его учеников, занимавших различные кафедры на юридических факультетах в разных вузах страны (в Киевском университете М. Н. Ясинский, в Варшавском Г. В. Демченко, в Новороссийском А. Я. Шпаков, в Харьковском Н. А. Максимейко, в Томском И. А. Малиновский)^{dciv}.

Прежде чем перейти к рассмотрению других концепций, выраженных историками и юристами провинциальных университетских центров России конца XIX — начала XX века, необходимо отметить, что их развитие так или иначе было связано с ведущими научными школами Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. На данный процесс оказывало влияние множество причин. Например, отдаленность от основных архивных фондов, располагавшихся в столицах; замещение кафедр выходцами из столичных университетов, продолжавшими их традиции; расположенность на периферии центральной России и Украины, не связанной непосредственно с историей Древней Руси и т. д.

Так, в Харьковском университете науку русской истории представлял профессор Д. И. Багaley, ученик В. Б. Антоновича. Переключившись после защиты магистерской диссертации с истории древнерусских земель на историю колонизации и освоения степной окраины Московского государства, он продолжал разрабатывать свои прежние представления об институте княжеской власти в Древней Руси в общем курсе «Русской истории», имевшем большой успех^{dcv}. Кафедру истории русского права в Харьковском университете в это время занимали друг за другом И. И. Дитятин, И. М. Собестианский и Н. А. Максимейко — представители различных научных школ.

И. И. Дитятин, исследователь городского устройства и управления в XVIII — XIX веках, был учеником А. Д. Градов-

ского в Санкт-Петербургском университете, от которого и унаследовал концепцию древнерусской истории. В ее основе лежала теория общинно-вечевого строя Древней Руси. По словам И. И. Дитятина: «Князь явился уже при наличии известного развития внутреннего строя в общине-государстве, который во все не исчез немедленно с появлением княжеской власти с ее органами. Князь, как и король Германии, первоначально обладал только политической властью во вновь слагающемся государстве; все внутренние дела, во всем их объеме, ведались в течение сравнительно долгого времени по появлению князя самую общинной или, лучше, самими общинами, в состав княжества входившими»^{dcvi}. Следовательно, по мнению историка, князь, являясь «производным фактором служебного характера относительно веча», вплоть до XI столетия были лишь завоевателями, сборщиками дани и органом общинного самоуправления, которому передавались суд, управление и военное дело. Раз передавались, значит, считал И. И. Дитятин, князь был «не носителем верховной власти, а только высшим слугой того, кто передал ему эти функции, то есть веча». Однако, с появлением княжеской администрации, князь начинает вмешиваться во внутреннее управление общин и становится также носителем верховной власти^{dcvii}. Таким образом, народное правление, которое существовало по всей Руси (И. И. Дитятин предполагал наличие городов-государств наподобие античных полисов)^{dcviii}, через вече, призывав или создав институт княжеской власти, в итоге поделилось с ним своим значением^{dcix}. Что касается междукняжеских отношений и порядка наследования княжеских столов, то историк полагал: «В Древней Руси при общей неразвитости государственного устройства, не могло быть речи об одном преобладающем начале, а должно предполагать борьбу различных, часто противоположных начал, при которой ни одно не может развиваться до конца, но зато задерживает развитие других». Такими началами были родовое старшинство, личная сила князя или право изгнания и призвания князей народом^{dcx}.

И. М. Собестианский, преемник И. И. Дитятина, вынужденного из-за поддержки студенческих организаций покинуть

Харьковский университет и перебраться в Дерпт, в отличие от него был местным воспитанником. Он занимался в основном сравнительно-историческими исследованиями славянского права и не оставил существенных трудов по рассматриваемой проблеме^{dcxi}. К тому же чтение И. М. Собестианским лекций по истории русского права в университете в связи с ранней кончиной оказалось не долгим. После него кафедру возглавил Н. А. Максимейко, о взглядах которого уже упоминалось.

Схожая ситуация складывалась и в Новороссийском университете в Одессе, где русскую историю преподавали в данный период профессора А. И. Маркевич, Г. И. Перетяткович и И. А. Линниченко — также представители различных научных школ. Никто из них не специализировался на древнерусской истории, за исключением И. А. Линниченко, да и тот лишь в период пребывания в Киевском университете. То же можно сказать и об историках русского права Новороссийского университета после ухода из него в 1892 г. Ф. И. Леонтовича, переехавшего в Варшаву. Один из ведущих представителей историко-юридической науки в России того времени, Ф. И. Леонтович не сумел создать в Одессе собственную научную школу. Его попытки издания общего курса «Истории русского права» не шли далее публикации вводной части, освещавшей источники и литературу по предмету^{dcxii}. Единственным учеником историка, написавшим под его руководством ценное историческое сочинение, был Г. Ф. Блюменфельд, который, впрочем, не продолжил ученой карьеры. В своей работе «О формах землевладения в древней России» Г. Ф. Блюменфельд целиком развивал концепцию учителя. Так, в основе социально-политического быта Древней Руси, считал он, лежала задруга — семейно-территориальная община с выборными князьями и вечем, контролирующим их деятельность. Эта деятельность заключалась, с одной стороны, в установлении наряда в земле, а с другой, — в необходимости возглавлять колонизационное движение, так как, в представлении Г. Ф. Блюменфельда, история России — это «история колонизирующейся страны». Пришлые князья — Рюриковичи, упрочившие за собой такое положение нарядников и

колонизаторов земли, полностью «подчинились народному правосозерцанию», — отмечал историк. «Их отношения к своим родичам, к дружине и народу, построились по типу задруги. В своих отношениях к общине, князь являлся домакином, власть которого возрастала при единении с общиной и умалялась при разногласии с ней. ...Только впоследствии, по мере оседания, князья расширяют свою власть и на весь внутренний быт общины, приходя в столкновение с вечем и вступая с ним в борьбу с попеременным счастьем, — борьбу, закончившуюся развитием государственных начал»^{dexiii}. Надо сказать, что данная концепция развития княжеской власти на Руси через призму задружно-общинной теории социально-политического быта, разработанная Ф. И. Леонтовичем, была популярна в это время и среди других историков русского права^{dexiv}.

В Варшавском университете, куда перешел Ф. И. Леонтович после ухода с кафедры истории русского права Д. Я. Самоквасова, историю России преподавали в конце XIX — начале XX века два профессора — Д. В. Цветаев и И. П. Филевич. И опять же их принадлежность к различным научным школам — московской (Д. В. Цветаев) и петербургской (И. П. Филевич), узость интересов и проблематики работ не способствовали сплочению вокруг них коллектива историков. Правда, И. П. Филевич попытался начать широкое исследование истории Древней Руси и в особенности ее юго-западных областей, но его изыскания не продвинулись далее исторической географии^{dexv}, предмет которой в это время становился все более популярным^{dexvi}. В свою очередь, Ф. И. Леонтович, как и в Одессе, в Варшавском университете отметился активной научной деятельностью, результатом которой были и многочисленные работы, и участие в организации Общества истории, философии и права. Однако он так и не смог отразить свою концепцию социально-политического быта Древней Руси в обобщающем труде^{dexvii}. Из учеников Ф. И. Леонтовича сумел заявить о себе только Ф. В. Тарановский, сменивший его на кафедре истории русского права, но проработавший там не-долго^{dexviii}.

Особое положение Варшавского университета в дореволюционной России, находившегося на польской территории, давало больше возможностей для сравнительно-исторического исследования славянских стран. Этому способствовало и наличие единственной в своем роде кафедры славянских законодательств, возглавляемой долгие годы Ф. Ф. Зигелем. С ней же была связана уникальная работа В. Н. Дьячана «Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках». Автор, исходя из земско-вечевой теории, считал, что народу в Древней Руси принадлежала верховная власть во всех сферах общественной жизни. Отношения же призванного князя, как исполнительного органа власти, к народу должны были строиться на единении и соглашении, ибо степень могущества князя зависела от того, сколько «людей» на его стороне. Однако данное положение института княжеской власти, отмечал В. Н. Дьячан, плохо отражено в летописях, так как монахи имели иное представление о власти, чем народ. Летописцы смотрели на князя, как на лицо, поставленное Богом, как на единственного представителя власти в государстве^{dcxix}.

Схожие взгляды содержались в трудах барона С. А. Корфа, профессора русского государственного права и истории русского права в не менее уникальном для тогдашней России вузе — Гельсингфорском университете (Хельсинки, Финляндия). Переосмысливая идеи В. И. Сергеевича и В. О. Ключевского, С. А. Корф полагал, что с IX века родовой быт у восточных славян заменялся городовым. Положение князя в волости-государстве, где «народ является полновластным и верховным распорядителем судьбами волости», было второстепенно по отношению к вече. Его значение, как зависимого государственного органа власти, сводилось к охране города, торговых путей, управлению и суду. В то же время среди летописцев главенствовала идея монархизма, заимствованная древнерусскими книжниками из Византии и Западной Европы. Однако, как считал С. А. Корф, реально идея монархического начала в связи с княжеской властью, превалирующей среди прочих элементов госу-

дарственности, стала применяться на практике только с XII века^{dcxx}.

В Юрьевском (до 1893 г. Дерптском) университете, одном из старейших в России, также имевшем немало особенностей, в конце XIX — начале XX века кафедру русской истории занимали друг за другом профессора Г. А. Брикнер, Е. Ф. Шмурло и И. И. Лаппо. Никто из них не занимался специальным изучением истории Древней Руси. В общих же лекционных курсах они отражали эклектические взгляды, установившиеся в академической среде и, в частности, присущие петербургской школе, к которой принадлежали Е. Ф. Шмурло (ученик К. Н. Бестужева-Рюмина) и И. И. Лаппо (ученик С. Ф. Платонова)^{dcxxi}.

Представители историко-юридической науки в Юрьевском университете, напротив, отметились существенными работами, затрагивающими проблемы социально-политического строя Древней Руси и института княжеской власти в том числе. Так, профессор истории русского права М. А. Дьяконов, работавший в этом направлении^{dcxxii}, был одним из первых историков-юристов, обратившихся к изучению юридических институтов не с формальной точки зрения, а с точки зрения тех историко-бытовых условий, которые влияли на их развитие. Поэтому он отрешился от того догматического направления, каким следовал его учитель В. И. Сергеевич. В конкретных же взглядах на организацию государственной власти на Руси М. А. Дьяконов в основном следовал за М. Ф. Владимирским-Будановым. Он, как и М. Ф. Владимирский-Буданов, выделял тройственную структуру органов верховной власти: князь, княжеская дума и народное собрание (вече). Будучи смешением различных форм правления — монархической, аристократической и демократической, власть в древнерусских землях покоилась на обычае и взаимном доверии. Степенью этого доверия определялось и положение князя в земле, его авторитет в решении всех вопросов, касающихся внешней и внутренней государственной жизни. Важным наблюдением М. А. Дьяконова представляются выделяемые им различные факты из истории общественного сознания и истории самих политических учреждений. В частности, касаясь вопроса о

междукняжеских отношениях на Руси и распределении столов, он отмечал, что князья в своих притязаниях и подтверждении лучших прав ссылались и на физическое старшинство, и на начало отчины, и на народное избрание, и на завещание, и действовали с помощью силы или взаимных соглашений. Все это одновременно имело место в действительной жизни. Поэтому, по мнению М. А. Дьяконова, не существовало какого-либо единого порядка в преемственности столов, как и подчинения одних самостоятельных князей другому. В сознании же современников, отражавшем общественные идеалы стремления к политическому единству Руси, находят место и понятие о подчинении всех князей одному великому или старшему, и представление о княжеских съездах, как союзном органе князей и т. п.^{dccxxiii}

Сменивший М. А. Дьяконова на кафедре истории русского права Ф. В. Тарановский не оставил обобщающей работы по предмету, несмотря на многочисленные статьи и рецензии^{dccxxiv}. Напротив, профессор государственного права А. Н. Филиппов, преподававший также в Московском университете, помимо исследований различных государственных и юридических институтов России XVIII—XIX веков и публикации многих историко-правовых документов, был автором лекций и учебников по истории русского права^{dccxxv}. Причем, по справедливому замечанию В. И. Пичеты, они являлись одними из лучших в дореволюционной историко-правовой науке, подводившие итог ее развитию^{dccxxvi}. А. Н. Филиппов смог не только умело систематизировать материал, но и отразить все то существенное, что было разработано в отечественной историографии к тому времени. В своих конкретных взглядах на институт княжеской власти в Древней Руси он конкретизировал мнения многих историков. В частности, А. Н. Филиппов принимал задружно-общинную теорию Ф. И. Леонтовича для объяснения древнейшего быта восточных славян и организации племенных княжений как первоначальных государств^{dccxxvii}. Разделял точку зрения и М. Ф. Владимирского-Буданова о смешанной форме правления на Руси, состоявшей из трех элементов — князя, княжеской думы и веча, соотношение которых в различных княжествах со временем ме-

нялось^{dexxviii}. Соглашался он и с мнением В. И. Сергеевича, что для свободного исполнения своих функций (военной, административной, судебной, законодательной) «князья должны были постоянно поддерживать, пребывая на том или ином столе, "одиначество" (или согласие) с народом, от которого находились часто в зависимости», «считаться с народными нуждами и интересами». «Наглядно это и выражалось в том "ряде", или договоре, который заключал князь с вечем, как народным собранием»^{dexxix}. В то же время, отмечая независимость князей на Руси, различный порядок распределения между ними волостей (избрание народом, отчинное начало, завещательное, начало старшинства и личной силы), А. Н. Филиппов, отдавая должное Н. И. Костомарову, видел в их деятельности (княжеские съезды, суды, договоры) задатки для установления федеративного строя^{dexxxx}. Наконец, не прошел историк и мимо вопроса о феодализме в Древней Руси, поставленного Н. П. Павловым-Сильванским, видя вслед за ним «тождество отдельных институтов нашего и западноевропейского феодализма», но оговариваясь в необходимости дальнейших исследований^{dexxxi}. В целом же А. Н. Филиппов, как и многие отечественные историки XIX — начала XX века, отмечал: «Наши предки вообще не любили юридической определенности в отношениях, и это сказывается на многих явлениях древней жизни, между прочим, и на весьма важном вопросе об организации верховной власти в изучаемый период и на соотношении основных ее элементов»^{dexxxii}.

Таким образом, можно подвести определенный итог. В конце XIX — начале XX века большинство отечественных историков и юристов, принадлежавших к различным научным школам, продолжало изучение социально-политического строя Древней Руси и института княжеской власти с точки зрения общинно-вечевой, или земско-вечевой теории, модернизируя ее в связи с новыми веяниями в исторической науке^{dexxxiii}. В частности, представляя себе домонгольскую Русь разделенной на автономные земли с суверенными общинами, историки отмечали, что княжеско-дружинный элемент призывался для руководства внутренней и внешней деятельностью земель, которая контро-

лировалась вечем, как средством проявления народной воли. При этом, вслед за В. О. Ключевским, выдвинувшим на первый план взаимосвязь государственного строя с социально-экономическими отношениями, придавалось большое значение связи князя и его дружины с внешней торговлей и развитием городов^{dcxxxiv}.

Нельзя не отметить, что многие отечественные историки и юристы принимали активное участие в общественно-политической деятельности, которая, в свою очередь, влияла на их исторические взгляды. В большинстве своем они носили либеральный характер, направленный на доказательство неизбежности, исторической обусловленности либеральных реформ в России. Так, например, профессор истории русского права Казанского и Томского университетов Г. Г. Тельберг в публицистической речи, посвященной 300-летию Дома Романовых, рассматривая исторические формы монархии в России, отмечал: «Древнерусский князь, ответственный правитель государства-волости, был бесспорной и признанной политической силой; но нужно помнить, что на государственной арене той эпохи сила эта работала не в одиночестве. Прежде всего, бок о бок с княжеской властью стоял, как известно народ, организованный в вече». И далее: «В столкновениях князя с вечем перевес политической силы, в древнейшую, по крайней мере, эпоху, бывал чаще всего не на стороне княжеской власти». «Древнерусский князь, судил ли он или управлял, всегда стоял лицом к лицу с системой народных обычаев; эта была почти неподвижная стена, его окружавшая и его ограничивавшая»^{dcxxxv}.

В то же время, в русской общественной мысли конца XIX — начала XX века либеральным идеям продолжало противостоять консервативное направление. Одним из главных его идеологов в это время выступал Л. А. Тихомиров, который в объемном труде «Монархическая государственность» (1905) попытался вновь оживить монархическую концепцию исторического развития России. Касаясь проблемы княжеской власти в Древней Руси, он основывался, главным образом, на родовой теории С. М. Соловьева, подчеркивая, что «верховная власть принадле-

жала целому роду». Вместе с тем, Л. А. Тихомиров всюду видит благоприятные причины «для победы монархии» на Руси. Внутри государства это широкая компетенция князя, его неприкосновенность; «идея династичности»; борьба демократического и аристократического начал, требующая третьей стороны, которым мог быть только князь, ибо он освящен сильным религиозно-нравственным идеалом. Не менее благоприятные условия Л. А. Тихомиров находит во внешней политике, так как постоянная борьба за существование, «борьба вооруженная, как и секретнейшая дипломатия — одинаково требовали единого правящего лица». Причем «идея единоличного самодержавия на Руси» созрела еще до татаро-монгольского нашествия, которое лишь поставило вопрос о ее реальной необходимости. Поэтому Андрея Боголюбского, как первого носителя этой идеи, Л. А. Тихомиров считает «значительно опередившим свой век»^{dcxxxvi}.

Главным оппонентом монархического консерватизма как в теоретическом, так и практическом плане выступали различного рода радикальные учения. Из них все более растущим влиянием пользовался марксизм. По меткой формулировке Г. П. Федотова: «Марксизм был политическим и радикальным выражением той тенденции интеллигентской мысли, которая в границах научного историзма удовлетворялась школой Ключевского»^{dcxxxvii}. И, действительно, не только первые историки-марксисты (Н. А. Рожков, М. Н. Покровский и др.) строили свое видение исторического развития России через призму социально-экономических отношений, отталкиваясь от концептуальных положений В. О. Ключевского, но и видные общественные деятели радикального толка. В частности, Г. В. Плеханов, прошедший эволюцию взглядов от идеологии народничества к марксизму^{dcxxxviii}, несмотря на постоянную критику В. О. Ключевского, соглашается с ним в том, что в Киевской Руси князь был «военным сторожем земли, и чем нужнее был такой сторож, тем больше увеличивалось его значение, тем больше росла его власть». Эта власть была основана на правительственных доходах князя: «он брал у населения, как мы знаем, главным образом,

продукты охоты и лесных промыслов». «С перенесением же центра тяжести русской политической жизни на верхнюю Волгу, расходы по выполнению этой функции стали покрываться земледелием». Отсюда оседание бродячих князей на землю и постепенное сближение «русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий». Занимавшийся распространением марксистских взглядов на исторический процесс, Г. В. Плеханов не находил в Древней Руси ни феодализма, ни активной классовой борьбы^{dcxxxix}. Напротив, крупнейший теоретик марксизма В. И. Ленин, усвоив марксистское учение об общественно-экономических формациях и классовой борьбе, пришел к выводу о существовании феодализма в России с IX века^{dcxli}. После победы большевиков в революционном движении на основе марксистско-ленинской теории возникнет новая историческая наука, в которой вопрос об институте княжеской власти на Руси IX — начала XIII века будет идеологически решаться именно через призму феодальных отношений. Однако это не исключит и других подходов к проблеме власти древнерусских князей^{dcxli}.

Подводя общие итоги всему ходу изучения института княжеской власти в Древней Руси в отечественной историографии XIX — начала XX века, необходимо выделить следующие существенные моменты. В отличие от предыдущего периода исследование данной проблемы велось с позиций различных эволюционных теорий исторического процесса, что позволило существенно разнообразить представления о ней. Кроме того, всестороннему изучению княжеской власти способствовало появление специализированных монографий, посвященных данному предмету (С. М. Соловьева, В. И. Сергеевича, А. Е. Преснякова и др.). В то же время, и общественная мысль своей заметной поляризацией мнений дополняла представления историков и содействовала формированию всевозможных историографических направлений, в рамках которых развивалась историческая наука. Вместе с тем, необходимо отметить, что наряду с появлением новых взглядов на институт княжеской власти в Древней Руси

продолжали развиваться и прежние точки зрения, получавшие дополнительное обоснование.

Таким образом, систематизируя точки зрения отечественных исследователей XIX — начала XX века по рассмотренной проблеме, можно заключить следующее:

1. Происхождение института княжеской власти на Руси связывалось одними исследователями с всеобъемлющей властью родовых старейшин (И. Ф. Г. Эверс, А. М. Ф. Рейц, Н. А. Полевой, М. М. Сперанский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, М. М. Михайлов, А. И. Никитский, Н. И. Хлебников, М. Д. Затыркевич, И. Е. Забелин и др.), вторыми — с властью выборных вождей общин, ограниченных вечем (К. С. Аксаков, Ф. И. Леонтович, И. И. Дитятин, И. А. Линниченко, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Е. Данилевич и др.), третьими — с одновременным существованием обоих вариантов или постепенной сменой власти родоначальника выборной властью общинных старейшин (А. Ф. Тюрин, И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский и др.), четвертые не придавали особого значения этому вопросу в связи с приходом иноземных князей (Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский и др.). Так или иначе, дальнейшее развитие княжеской власти на Руси IX — начала XIII века, исходя из выдвинутых теорий, представлялось определеннее.

2. Княжеская власть, особенно с принятием Русью христианства, получает характер власти монархической, всеобъемлющей, высшей, но после раздробления русской земли она ослабела и могла ограничиваться народной волей (вечем) или властью бояр (особенно в Новгороде и Пскове). Так с известными вариациями считали И. Ф. Г. Эверс, А. М. Ф. Рейц, Н. А. Полевой, Н. С. Арцыбашев, М. М. Сперанский, М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, М. М. Михайлов, В. В. Пассек, Н. И. Хлебников, М. Д. Затыркевич, К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, А. Лимберт, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Л. А. Тихомиров, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др. Напротив, ряд историков указывал, что княжеская

власть, при господстве в домонгольской Руси общинно-вечевого устройства, исполняла военные, законодательные и административно-судебные функции, осуществляемые на основе «ряды» с вечем и при его непосредственном контроле и участии в особо важных делах. Лишь с течением времени княжеская власть получает большее развитие на северо-востоке Руси, ограничивается властью бояр на юго-западе и народовластием на северо-западе (И. Лелевель, А. Ф. Тюрин, И. Д. Беляев, В. Н. Лешков, И. В. Лашнюков, Н. И. Костомаров, Н. Д. Иванишев, А. П. Щапов, Н. Я. Аристов, Г. З. Елисеев, И. Г. Прыжов, И. А. Худяков, С. М. Шпилевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, А. И. Никитский, Д. А. Корсаков, Ф. И. Леонтович, И. Е. Забелин, И. И. Дитятин, В. Б. Антонович, И. А. Линниченко, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Е. Данилевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, Н. П. Загоскин, Г. Г. Тельберг, М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков и др.). Отдельные исследователи стремились абсолютизировать природу княжеской власти исключительно как монархическую (Д. Я. Самоквасов), аристократическую (Е. А. Белов) или демократическую (В. Н. Дьячан, С. А. Корф, Б. И. Сыромятников) на всем протяжении развития Древней Руси, за исключением северорусских народоправств.

3. Что касается вопроса о преемственности или замещении княжеской власти, то здесь мнения историков разделились следующим образом. Одни признавали какой-либо определенный порядок: преимущественное право родового старейшинства, исключая Новгород и Псков, где преобладало народное избрание (И. Ф. Г. Эверс, А. М. Ф. Рейц, Н. А. Полевой, Н. С. Арцыбашев, Н. А. Иванов, М. М. Сперанский, М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), или передача власти в соответствии с семейным (отчинным) правом владения (А. Е. Пресняков), или действие права избрания народом (Н. И. Костомаров, Н. Я. Аристов и др.); вторые указывали на несколько ведущих способов (А. И. Никитский, Д. А. Корсаков, И. Е. Забелин, М. Ф. Влади-

мирский-Буданов, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, Д. Я. Самоквасов и др.); третьи отмечали отсутствие четкой системы в наследовании княжеской власти (К. А. Неволин, А. Ф. Тюрин, И. Д. Беляев, В. Н. Лешков, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, Н. И. Хлебников, М. Д. Затыркевич, Ф. И. Леонтович, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Лимберт, П. Н. Мрочек-Дроздовский, И. И. Дитятин, М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, И. А. Линниченко, Д. И. Багалеи, П. В. Голубовский, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Е. Данилевич и др.).

4. Схожая ситуация была представлена и в вопросе о междукняжеских отношениях. Здесь историки выдвигали на первый план либо точку зрения о зависимости князей от родового обычая (И. Ф. Г. Эверс, А. М. Ф. Рейц, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, И. В. Лашнюков, А. Д. Градовский, А. И. Никитский, Д. А. Корсаков, Д. И. Иловайский, П. Н. Мрочек-Дроздовский, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), либо о действиях их в согласии с договорами между собой (Н. С. Арцыбашев, К. А. Неволин, Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич, Д. Я. Самоквасов и др.), либо о связи с семейными традициями (В. Н. Лешков, В. В. Пассек, Ф. И. Леонтович, Г. Ф. Блюменфельд, А. Е. Пресняков и др.), либо о влиянии на междукняжеские отношения интересов земель (К. С. Аксаков, Н. И. Костомаров, Н. Я. Аристов, В. Б. Антонович, И. А. Линниченко, Д. И. Багалеи, П. В. Голубовский, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, В. Е. Данилевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский и др.), либо о не выработанности определенных механизмов и решении, в конечном счете, всех споров с помощью силы (М. Д. Затыркевич, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Лимберт и др.).

Приводя данные точки зрения, нельзя все же забывать, что многие исследователи, склоняясь в ту или иную сторону, в общем, расценивали положение княжеской власти неоднозначно при всей сложности и противоречивости социально-политической природы Древней Руси. Об этом заявляли, в частности, М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин,

К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский,
С. Ф. Платонов и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование института княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии позволяет сделать следующие выводы. На каждом из установленных этапов развития проблемы были выявлены определенные особенности. Так, для первого периода (XVIII — начало XIX века) характерно представление о связи института княжеской власти в Древней Руси с развитием монархии. Однако, если в первую половину XVIII века, во время становления исторической науки эта тенденция всецело преобладала, то в эпоху Просвещения (вторая половина XVIII — начало XIX века) появляются отдельные работы, в которых высказывается точка зрения об участии в правительственной деятельности на Руси не только князя, но и знати с народом (И. Н. Болтин, И. П. Елагин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и др.). Хотя эта точка зрения еще не опровергала общего представления о монархической природе княжеской власти.

Во второй период (XIX — начало XX века) ведущим становится восприятие проблемы княжеской власти в связи с развитием народовластия в Древней Руси. Уже в 1820—1830-е гг., с распространением романтизма, появляются первые подобные концепции, выраженные декабристами и польскими историками (З. Я. Доленга-Ходаковский, И. Б. Раковецкий, И. Лелевель). В то же время, княжескую власть начинают рассматривать как институт, эволюционирующий на протяжении древнерусской истории от простейших форм к более сложным (Н. А. Полевой, И. Ф. Г. Эверс и др.), что позволяло значительно расширить подходы историков к изучаемой проблеме. В середине — второй половине XIX века в условиях подъема исторической науки, связанного с ее университетско-академической направленностью и активизации общественной мысли возникает масса разнообразных теорий социально-политического быта Древней Руси. Отсюда проблема княжеской власти приобретает наибольшую дискуссионность. Однако, несмотря на наличие различных точек зрения, можно констатировать, что для консервативного, либе-

рального и демократического направлений отечественной историографии и общественной мысли этого времени были характерны свои общие моменты. Так, консервативные историки старались скорректировать прежнюю монархическую концепцию в соответствии с принципами теории «официальной народности» (М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов) или собственными установками (Д. И. Иловайский, Д. Я. Самоквасов). Большинство же историков, ориентирующихся на либеральные ценности, объединяла мысль, что княжеская власть могла осуществлять свои законодательные, судебные, административные и военные функции лишь в единении с «миром», так как ведущее значение в социально-политическом развитии Руси придавалось землевладельцам во главе со старшими городами, общинному, земскому самоуправлению и вечу. Напротив, историки-демократы стремились к изображению антагонизма между княжеской властью и народом в Древней Руси.

Решающим этапом в переориентировании исследователей со взгляда на княжескую власть как монархический институт государства и общества на взгляд о его зависимости от земско-вечевого строя Древней Руси было время конца XIX — начала XX века. Развитие отечественной историографии в этот период связывалось с формированием разнообразных исторических школ, складывавшихся, преимущественно, в университетских центрах страны. Выработывая своеобразные подходы к интерпретации социально-политических отношений на Руси, они существенно углубили представления историков на проблему института княжеской власти. В частности, В. О. Ключевский, глава московской исторической школы, выдвигая на первый план взаимосвязь государственного строя с социально-экономическими отношениями, придавал большое значение связи князя и его дружины с внешней торговлей и развитием городов. Представитель петербургской школы историков России А. Е. Пресняков, напротив, стараясь рассматривать, прежде всего, отношения в сфере власти, выявил, что князья Рюриковичи осуществляли владение страной в соответствии с принципами большой нераздельной семьи. Вместе с тем, он акцентировал

внимание на том, что князь опирался на свое «одиначество» с вечевой общиной, скрепленное взаимным крестоцелованием, и рядом с ним была «народная власть», так как народ, а не дружина «составлял главную силу князей». В то же время, киевские историки школы В. Б. Антоновича, обратившись к исследованию отдельных древнерусских земель, исходили из племенной специфики зарождения и развития княжеской власти на Руси. Их же коллеги по университету, историки русского права школы М. Ф. Владимирского-Буданова, наоборот, находили в основе древнерусской государственности не племенное, а территориальное начало. По сути, им удалось впервые дать полное обоснование теории земско-вечевого устройства Древней Руси. Выделяя тройственность верховной власти (князь, боярская дума и вече), они констатировали, что внутренние связи древнерусских земель держались не на княжеской власти, а на власти старшего города и его веча.

Наибольшая перспективность и продуктивность последнего взгляда подтверждается исследованиями русских зарубежных историков первой половины XX века — прямыми наследниками дореволюционной отечественной историографии^{dexlii} и новейшими исследованиями в этой области историков петербургской школы И. Я. Фроянова^{dexliii}.

Задачей дальнейшего изучения проблемы института княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в отечественной историографии следует признать, прежде всего, расширение хронологических рамок объекта исследования. В данном случае необходимо осветить советскую, русскую зарубежную и постсоветскую историографии; объединить проделанную работу и сделать необходимые выводы. Полученный результат позволит не только представить общую картину развития изучаемой проблемы в исторической науке, но и покажет существенные пути для ее последующего исторического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

ⁱ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

ⁱⁱ Колесник И. И. Развитие историографической мысли в России XVIII — первой половины XIX века. Днепропетровск, 1990; Она же. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993.

ⁱⁱⁱ См., напр.: Селлий А. Б. Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю / Пер. Е. Болховитиновым. М., 1815; Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Он же. Избр. соч. М.; Л., 1951; Евгений (Болховитинов Е. А.). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1–2; Зиновьев А. З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827; Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836; Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Б-ка для чтения. 1837. Т. 20. № 1–2. С. 93–174; Федотов А. Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839; Старчевский А. В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845; Он же. Н. М. Карамзин. СПб., 1849; Он же. Русская историческая литература в первой половине XIX в. Карамзинский период с 1800 по 1825 г. // Б-ка для чтения. 1852. Т. 112. № 1, 3. С. 49–108.

^{iv} Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 187–259; Он же. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Там же. С. 43–186; Он же. Шлецер Август Людвиг // Там же. С. 277–313; Он же. Шлецер и антиисторическое направление // Там же. С. 314–352; Он же. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Там же. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 39–69; Он же. Каченовский Михаил Трофимович // Там же. С. 69–83; Киреева Р. А. Указ. соч. С. 15, 26–27; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 23.

^v Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1870—1874. Вып. 1–2; Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории, как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 2–132; Он же. Лекции по русской историографии. СПб., 1882; Он же. Биографии и характеристики (Летописцы России). М., 1997; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и на-

учным сочинениям. Минск, 1997; Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVIII веке. Харьков, 1867; Он же. Общий взгляд на развитие науки русской истории // Киевские университетские известия. 1868. № 10. С. 1–22; Он же. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; Он же. Опыт русской историографии. Киев, 1891—1892. Т. 1. Кн. 1–2; Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1–2; Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 185–233; Загоскин Н. П. Наука истории русского права. Ее вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891; Милуков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002; Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской исторической науке. М., 1905; Он же. Из истории общественных течений в России. Изд. 2-е, доп. Киев, 1910; Багалея Д. И. Русская историография. Харьков, 1911. Ч. 1–2; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. В 3 т. СПб.; М., 1914—1917. Т. 1–3; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.

^{vi} Пичета В. И. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923; Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 1–2; Он же. Борьба классов и русская историческая литература // Он же. Избр. произв. В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 277–368; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965; Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1955. Т. 1; То же / Гл. ред. М. В. Нечкина. М., 1960. Т. 2; М., 1963. Т. 3; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1; Л., 1965. Ч. 2; Л., 1971. Ч. 3; Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971; Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; Он же. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974; Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971; Он же. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Он же. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993; Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994;

Он же. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). М.; Брянск, 1996; Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; Боярченков В. В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20—70-х годов XIX века. СПб., 2005; и др.

^{vii} Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995.

^{viii} Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII — XX веков. СПб., 1996.

^{ix} Соловьев К. А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX — первой половины XV в. Историографические очерки. М., 1998.

^x Сонцов Д. П. Справочная книга для занимающихся удельным периодом русской истории. 1015—1238. М., 1869; Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 6. С. 201—224; Лимберт А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России // ВУИ. 1877. № 2. С. 47—119; № 3. С. 120—179; Русская история с древнейших времен до Смутного времени / Сб. ст. под ред. В. Н. Сторожева. М., 1898. Вып. 1. С. 1—8; Максимович Г. А. Литературные мнения о сущности государственных отношений древней Руси // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. С. 216—225; Багалеи Д. И. Русская история. М., 1914. Т. 1. С. 217—231; Сыромятников Б. И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. С. 5—9; Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. В 4 т. СПб., 2000. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства. С. 425—436; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 277—292; Пузанов В. В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. С. 204—211; Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 5—10, 185—191; Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е — 70-е годы X века. М., 2000. С. 3—29; Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 46—65; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 3—15; и др.

^{xi} Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 3.

^{xii} Для уяснения сущности и правильности применения данных методов были учтены теоретико-методологические разработки следующих авторов: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. Изд. 2-е, испр. М., 1987; Журов Ю. В. Проблемы методологии истории. Брянск, 1996; Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999; Они же. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004; Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987; Иванов В. В. Методология исторической науки. М., 1985; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001; Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Изд. 2-е, перераб. Киев, 1976; Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Изд. 2-е, перераб., доп. Киев, 1990; Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981; и др.

ГЛАВА I

Институт княжеской власти в домонгольской Руси в отечественной историографии XVIII — начала XIX века

§ 1. Представления об институте княжеской власти на Руси в исторической науке первой половины XVIII века

^{xiii} Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 68–102, 193–221.

^{xiv} Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 6.

^{xv} Ф. Поликарпов не смог удовлетворить распоряжение Петра I составить русскую историю в желательном для него виде. — См.: Пештич С. Л. Указ. соч. С. 109–112; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века.

М., 1957. С. 140–141; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 47–49.

^{xvi} Даниил Григорьевич Туптало, Святой Димитрий, знаменитый митрополит Ростовский, составитель «Четий-Миней», заявлял: «Но какая ми нужда упражняться в писании Историй, их же преисполнены многия хронографские книги?», или: «Намерение наше не толико в Историях углублятися, елико в нравоучениях и толкованиях Св. писания поучатися». — Цит. по: Пештич С. Л. Указ. соч. С. 101.

^{xvii} С 1672 по 1836 год вышло до 30 изданий. — См.: Синописис, или Краткое описание о начале славенского народа, о первых киевских князех и о житии святого благоверного и великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и о его наследниках, даже до благочестивейшего государя царя и великого князя Феодора Алексиевича, самодержца все-российского. Изд. 3-е. СПб., 1735; То же. СПб., 1836; Пештич С. Л. «Синописис», как историческое произведение // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284–298.

^{xviii} Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 61–65; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 83, 120–192; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 147–158; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 267–312; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 49–52; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993. С. 162–165.

^{xix} Ф. Поликарпов должен был по распоряжению Петра I написать русскую историю, начиная с XVI века, от начала княжения Василия III до современных событий, но увяз в древнейшей истории славян. — См.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 317; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 172.

^{xx} Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли // Он же. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 30.

^{xxi} Там же. С. 34–35.

^{xxii} Там же. С. 30.

^{xxiii} О развитии исторических знаний в средневековой Руси см.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 27–50; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 68–105; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 78–137; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 38–67; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 57–82; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). М., 1973. С. 152–211, 314–363, 382–416; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 31–44; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 109–141.

^{xxiv} Они либо остались неизвестны, либо не доводились до конца, как труды Б. И. Куракина. — См.: Архив кн. Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 79; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 113–119.

^{xxv} Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 188–199; Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 408–409; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 172–175; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 84, 104–109; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 141–146; Астахов В. И. Указ. соч. С. 87–88; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 52–56.

^{xxvi} Манкиев А. И. (Хилков А. Я.). Ядро Российской истории. М., 1770. С. 1–25.

^{xxvii} Там же. С. 26–107.

^{xxviii} Там же. С. 108–117.

^{xxix} Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 173; Пештич С. Л. Указ. соч. С. 108; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 143.

^{xxx} Манкиев А. И. Указ. соч. С. 18–20.

^{xxxi} Там же. С. 20–27.

^{xxxii} Там же. С. 84.

^{xxxiii} Там же. С. 90–100.

^{xxxiv} Там же. С. 102–103.

^{xxxv} Соловьев С. М. Указ. соч. С. 199–221; Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики (Летописцы России). М., 1997. С. 87–146; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 178–184; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 40–48, 119–120; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 65–86; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 169–186; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 124–163; Астахов В. И. Указ. соч. С. 89–101; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). С. 400–411; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 60–68; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 165–188; Валк С. Н. О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. ст., посв. Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 169–176; Он же. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 412–515.

^{xxxvi} Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 360–361.

Взгляды Татищева на государство и власть были сходны с рассуждениями Ф. Прокоповича, который также придерживался теории естественного права и общественного договора. — См.: Прокопович Ф. Слова и речи. СПб., 1765. Ч. 3. С. 80, 183, 193, 196; Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 39–41; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 74; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 281–294; Шапиро А. Л. Указ. соч. С.

152–153; Малинов А. В. *Философия истории в России XVIII века*. СПб., 2003. С. 41–59.

^{xxxvii} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 362; Он же. *Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах* // Он же. *Избр. произв.* Л., 1979. С. 119–121; Он же. *Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном* // Там же. С. 147–148; Малинов А. В. *Указ. соч.* С. 210–212.

^{xxxviii} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 89.

^{xxxix} Кучкин В. А. *К спорам о В. Н. Татищеве* // *Проблемы истории общественного движения и историографии*. М., 1971. С. 246–262.

^{xl} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 366.

^{xli} Татищев В. Н. *История Российская*. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 203. Прим. 43.

^{xlii} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 291.

^{xliiii} Там же. С. 366.

^{xliv} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 84, 128, 265.

^{xliv} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 366; Он же. *Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской* // Он же. *Избр. произв.* С. 166.

^{xlvi} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 366.

^{xlvii} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 267.

^{xlviii} Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 367.

^{xliv} Там же. С. 352.

ⁱ Там же. С. 367.

ⁱⁱ Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 245.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 267.

ⁱⁱⁱ Пекарский П. П. *История Академии наук в Петербурге*. СПб., 1870—1873. Т. 1–2; Сухомлинов М. И. *История Российской Академии*. СПб., 1874—1887. Вып. 1–8.

^{liv} Алпатов М. А. *Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века)*. М., 1985. С. 15–19.

В. В. Фомин констатирует, что начало варяжского вопроса «было положено шведской историографией XVII столетия». — См.: Фомин В. В. *Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М., 2005. С. 17–47.

^{lv} Андреев А. И. *Труды В. Н. Татищева по истории России* // Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 1. С. 5–38; Алпатов М. А. *Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века)*. С. 12–13.

^{lvi} Интерес к подобного рода сочинениям был очень велик. Генеалогией русских князей занимались в то время многие, для «домашнего чтения» аристократией, в учебно-справочных и иных целях. Их рукописные сочинения, большей частью, либо не дошли до нас, либо публиковались много позже создания и не имели научного значения. — См., напр., соч. А. Б. Селлия (в монастыре Никодим), созданное по указанию Т. Г. З. Байера: Историческое зеркало Российских государей // Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1773. Ч. 1; Изд. 2. М., 1791. Т. 16; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 216, 218; Ч. 2. С. 32, 171–173.

^{lvii} Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 7–12, 541–545.

^{lviii} Милоков П. Н. Указ. соч. С. 38–39.

^{lix} Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749.

^{lx} Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 17–80, 546–559.

^{lxi} Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 57–59; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 185–194; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. С. 175–178, 222–230; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). С. 23–25, 61–74; Фомин В. В. Указ. соч. С. 79–107.

^{lxii} Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 74; Тредьяковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских // Он же. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 477, 480, 534, 540.

^{lxiii} Байер Т. Г. З. Сочинение о варягах. СПб., 1767. С. 1; Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 20, 44, 48, 53.

§ 2. Проблема института княжеской власти на Руси в историографии второй половины XVIII — начала XIX века

^{lxiv} Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 7–9, 82–86; Фридлиндер Г. М. История и историзм в век Просвещения // XVIII век. Сб. 13. Л., 1981. С. 66–81; Малинов А. В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003. С. 19–40.

^{lxv} Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 9–42, 54–65, 121–123, 252–343; Он же. Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 77–172; Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сб. 13. С. 3–65.

^{lxvi} Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия // XVIII век. Сб. 13. С. 82–90.

^{lxvii} Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1996. Кн. 16. С. 221–227, 251–255.

^{lxviii} Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 194–198; Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли // Он же. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 48–52, 120; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 86–95; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 179–187; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 102–114; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). М., 1985. С. 61–71; Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 58–79.

^{lxix} Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 167, 563, 576.

^{lxx} Там же. С. 170–171.

^{lxxi} Там же. С. 217.

^{lxxii} Там же. С. 183.

^{lxxiii} Там же. С. 214.

^{lxxiv} Там же. С. 286.

^{lxxv} Там же. С. 293–297; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 187–190.

^{lxxvi} Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 300–308.

^{lxxvii} Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей... В 3 т. СПб., 1767. Т. 1. С. X, XXXIX, 41, 45, 54, 66, 70, 345; СПб., 1768. Т. 2. С. 4, 11–13, 43–44, 78, 99, 174, 229, 239, 311, 362, 473; СПб., 1769. Т. 3. С. 220, 276; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 112–116, 243–252; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 74–81; Бешенковский Е. Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 272–289.

^{lxxviii} Щербатов М. М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. СПб., 1901. Т. 1. С. 2–3. — См. также: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 207–210, 218–220; Милоков П. Н. Указ. соч. С. 59–64, 106–114; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 116–137; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 220–235; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 99 – 109; Л., 1971. Ч. 3. С. 5–48; Астахов В. И. Указ. соч. С. 116–123; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 74–78; Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967.

С. 21–43, 69–95, 192–222, 229–252; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 228–239.

^{lxxxix} Щербатов М. М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. Т. 1. С. 37–38, 269.

^{lxxx} Там же. С. 10, 37–38, 184.

^{lxxxi} Там же. С. 271. — Ранее эту мысль уже высказывал Г. Ф. Миллер. — См.: Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 47.

^{lxxxii} Щербатов М. М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. СПб., 1901. Т. 2. С. 307.

^{lxxxiii} Там же. С. 311.

^{lxxxiv} Там же. С. 310.

^{lxxxv} Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, учиненные его Историей от господина генерала майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М., 1789; Ответ генерал майора Болтина на Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789; Примечания на Ответ господина генерал майора Болтина на Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащие в себе любопытные и полезные сведения для любителей Российской истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений критики и охулений. М., 1792; Ответ генерал майора Болтина на Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. Изд. 2-е. СПб., 1793.

^{lxxxvi} Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 167–176; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 210–216; Он же. И. Н. Болтин. Памяти И. Н. Болтина // Там же. С. 234–261, 262–273; Миллюков П. Н. Указ. соч. С. 64–78; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 137–150; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 235–246; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 116–121; Л., 1971. Ч. 3. С. 49–76; Астахов В. И. Указ. соч. С. 123–131; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 78–82; Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли. И. Н. Болтин. М., 1983. С. 42–98; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 240–253.

^{lxxxvii} Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 58–59; Он же. Критические примечания на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. С. 3.

^{lxxxviii} Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 2. С. 472, 474.

^{lxxxix} Там же.

^{xc} Там же. С. 401–402.

^{xcⁱ} М. Б. Свердлов пишет, что «первым из русских ученых о феодальном строе на Руси написал юрист, профессор Московского университета» С. Е. Десницкий. — См.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII — XX вв. СПб., 1996. С. 38.

^{xcⁱⁱ} На основе общности законов исторического развития России и Западной Европы, о существовании поместной системы на Руси ранее высказывались Екатерина II (или ряд неизвестных авторов, среди которых мог быть И. Н. Болтин) в сочинении «Антидот», изданном в 1770 г. анонимно на французском языке, и В. В. Крестинин в «Рассуждении о древнем праве сельских половников в областях Российских» (конец 1770-х — начало 1780-х гг., опубл. в 1784 г.). Однако их высказывания недоросли целиком до утверждения о феодальном образе правления в Древней Руси. — См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 252–260, 305; Л., 1971. Ч. 3. С. 73–74; Муравьев В. А. Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 313–321; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 22–24, 39.

^{xcⁱⁱⁱ} Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 2. С. 300; Он же. Критические примечания на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 253.

^{xc^{iv}} Болтин И. Н. Критические примечания на второй том Истории князя Щербатова. С. 252.

^{xc^v} Там же. С. 254.

^{xc^{vi}} Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. С. 266.

^{xc^{vii}} Там же. С. 478.

^{xc^{viii}} Там же. С. 318. — Те же мысли мы находим у С. Е. Десницкого: «феодальное правление... в самой вещи было не иное что, как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя не полномощного. Сие феодальное и происходящее от различного введения собственности в землях правление... всем первоначальнейшим государствам сродно». — См.: Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства... говоренное апреля 21 дня 1781 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 1. С. 285; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 88.

^{xc^{ix}} Кружок, возглавляемый А. И. Мусиным-Пушкиным, ставил главной своей задачей изучение и пропаганду отечественной истории и культуры.

— См.: Козлов В. П. Кругок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988; Он же. Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999. С. 49–114. Сам А. И. Мусин-Пушкин, известный собиратель и издатель исторических памятников, был автором ряда интересных исследований. — См., напр.: Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутарканского княжения. СПб., 1794.

^c Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века. С. 255–256; Милуков П. Н. Указ. соч. С. 50–52.

^{ci} Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1. С. 104.

^{cii} Там же. С. XLV, 127, 166–167.

^{ciii} Там же. С. 230. — См. также: С. 309.

^{civ} Там же. С. 276–277. — См. также: С. 246, 250.

^{cv} Там же. С. 230.

^{cvi} Там же. С. 277.

^{cvi} Там же. С. 105–106.

^{cviii} Там же. С. 277.

^{cix} Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. С. 167–184.

^{cx} Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 65, 93–94, 197, 213.

^{cx} Там же. С. 198, 214.

^{cxii} Там же. С. 198, 218.

^{cxiii} Там же. С. 59.

^{cxiv} Там же. С. 68, 96, 234.

^{cxv} Там же. С. 60, 197–199.

^{cxvi} Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Слово о начале и переменах Российских законов... / Пер. с фр. С. Нарышкина. СПб., 1756. С. 3, 5; Он же. Рассуждение о древних россиянах / Пер. с фр. Л. Павловской. М., 1791. С. 189–191; Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избр. М., 1996. С. 202, 364–365; Он же. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Ч. 2. С. 11–12, 127–131; Он же. О народах, издревле в России обитавших / Пер. с нем. И. Долинского. Изд. 2-е. СПб., 1788. С. 102, 127; Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. С. 63–69; Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. В 10 ч. М., 1782. Ч. 10. С. 128, 132; Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784. Ч. 1. С. 2–3, 24; Он же. Мнение о имени, языке и происхождении половцов //

Там же. С. 47; Он же. Разсуждение о древнем праве сельских половников, в областях Российских // Там же. С. 57–59; Курас Г. Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением краткой Российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества / И.С. Барков. СПб., 1762. С. 337, 358; Фрейер И. Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней Российской истории, для употребления учащегося юношества с немецкого на российской язык переведена, исправлена и умножена / Х. А. Чеботарев. М., 1769. С. 261; Артемьев А. А. Краткое начертание Римских и Российских прав с показанием купно обоих равномерно, как и чиноположения оных историй. М., 1777. С. 120–124; Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 1. С. 6, 7; Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. С. 4, 18, 123; Он же. История краткая российской торговли. М., 1788. С. 14, 19–23; Шлецер А. Л. Изображение Российской истории. СПб., 1769. С. 5–6, 10–11; Штриттер И. Г. История Российского государства / Пер. с нем. М. А. Матинского. СПб., 1800. Ч. 1. С. 21, 23, 631–633; Богданович И. Ф. Историческое изображение России // Собр. соч. и переводов. М., 1810. Ч. 5. С. 33, 37, 78–79; Чеботарев Х. А. Вступление в настоящую историю о России // ЧОИДР. 1847. № 9. Отд. 3. С. 2, 5, 18–21; Мальгин Т. С. Зерцало Российских государей от Р. Х. с 862 по 1794 г. СПб., 1794. С. 19, 55; Захарьин П. М. Новый Синописис, или краткое описание о происхождении славенороссийского народа. Владычествование всероссийских государей в Нове городе, Киеве, Владимире и Москве. Николаев, 1798. С. 15, 27; Екатерина II. Записки касательно Российской истории. СПб., 1801. Ч. 1. С. 15, 34; Ч. 4. С. 4, 6; Сокращение Российской истории // Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов». 1789. Ч. 3. С. 1–10; Обзорение Российской империи от основания российского государства до победоносных времен России, от 862 года по 1462 год // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 13. Июль. С. 3–16; Ч. 14. Август. С. 3–21; Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 1–30; и др.

^{cxvii} Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 43–53.

^{cxviii} Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 227–244; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 289–305; Астахов В. И. Указ. соч. С.

145–159; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 278–290; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 174–187; Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974. С. 20–38; Моисеева Г. Н. Русская история в творчестве Радищева 1780-х годов // XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 40–51.

^{схix} Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 34, 36.

^{схxx} Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 262.

^{схxxi} Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 145; Т. 3. С. 38–

39.

^{схxxii} Особенно выдающаяся роль в деле собирания, публикации и изучения исторических источников принадлежит кружку любителей русской истории, сформированному вокруг министра иностранных дел, канцлера, графа Н. П. Румянцева. В его кружок входили виднейшие ученые: историки, архивисты, археографы, источниковеды, библиографы, археологи, филологи, этнографы, краеведы, языковеды и переводчики Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, Н. С. Арцыбашев, И. И. Григорович, В. Г. Анастасевич, О. И. Сенковский, Е. Ф. Тимковский, митр. Евгений (Е. А. Болховитинов), Ф. П. Аделунг, А. Х. Востоков, П. И. Кеппен, И. М. Снегирев, И. Н. Лобойко, Х. Д. Френ, Ф. И. Круг, А. Ю. Гиппинг, А. М. Шегрен, И. Н. Данилович, Н. А. Мурзакевич, В. Н. Берх, Г. И. Спасский, Я. О. Пожарский, Д. И. Языков, Д. П. Попов, В. Ф. Вельяминов-Зернов, М. П. Погодин и др. — См.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, доп. М., 1985; Он же. Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. С. 167–230.

^{схxxiii} Соловьев С. М. Шлецер Август Людвиг // Он же. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 16. С. 277–313; Коялович М. О. Указ. соч. С. 153–163, 180–182; Ключевский В. О. Лекции по русской историографии. С. 223–233; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 88–98, 108–111; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 150–166; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 109–112, 231–242; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 28–61; Черепнин Л. В. А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки // Он же. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 45–73.

^{схxxiv} Шлецер А. Л. Краткое изображение Российской истории / Пер. с фр. М., 1805. С. 3, 18, 33. — Эта пятичленная периодизация, изложенная А. Л. Шлецером еще в 1760-е гг., тогда же подверглась основательной критике со стороны Ф. А. Эмина. Он отмечал, что она была заимствована А. Л. Шлецером у католических богословов, разделявших историю христианства на такие же пять периодов. Сам Ф. А. Эмин разделял историю России традиционно в связи с изменениями форм государственного уст-

ройства и верховной власти на периоды «княжений, царствий и империй». — См.: Эмин Ф. А. Указ. соч. Т. 1. С. XI—XIII, XLVIII; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 251–252.

^{сххv} Берлинский М. Ф. Краткая Российская история, для употребления юношеству, начинающему обучаться истории, продолженная до исхода XVIII столетия. М., 1800. С. 1, 3; Новиков И. Краткая Российская история, в пользу и употребление российского юношества, из достоверных российских писателей собранная. М., 1803. С. 2–3, 5; Филиповский Е. Пантеон Российских государей. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей Российских, царей, императоров и их пресветлейших супругов и детей. М., 1805. Ч. 1. С. XXIV, 1.

^{сххvi} Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные / Пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809. Ч. 1. С. 307–308.

^{сххvii} Там же. С. 357; То же. СПб., 1816. Ч. 2. С. 7–8.

^{сххviii} Голицын А. И. Ядро хронологическое истории всемирной, от начала света до кончины Екатерины II. М., 1804. Ч. 1. С. 251, 257, 263; Вегелин И. Ф. Начертание Российской истории для употребления юношества и особенно сей империи / Пер. с фр. М., 1807. С. 1, 6; Нехачин И. В. Новое ядро Российской истории, от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора Александра Первого, на пять периодов разделенное. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1809. Ч. 1. С. 16, 19; Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 52; Ушаков С. И. Российская история от Рюрика до дней ныне благополучно царствующего государя императора Александра I Павловича, служащая для украшения сердца и памяти юношества. СПб., 1811. С. 3, 11–13; Брусилов Н. П. Историческое рассуждение о начале Русского государства // ВЕ. 1811. Ч. 55. № 4. С. 285–286, 288; Талызин М. И. Краткая история России, с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах. СПб., 1815. Ч. 1. С. 11–12; Похорский Д. В. Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. М., 1819. С. 6, 9.

^{сххix} Щекатов А. Картина России, изображающая историю и географию, хронологически, генеалогически и статистически со включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в первобытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. М., 1807. Ч. 2. С. 81–82, 273–274; Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1811. Ч. 1. С. 6, 11, 17, 77–79; То же. Харьков, 1812. Ч. 2. С. 5, 50; Арцыбашев Н. С. Приступ к повести о русских. СПб., 1811. С. 15–16; Строев П. М. Краткая Российская история. В пользу

российского юношества. М., 1814. С. 1; Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Изд. 2-е. М., 1817. Ч. 1. С. 124–125; Орлов Я. Дух Российских государей Рюрикова дома, существенное изображение россиян, и всех других европейских народов история, политика и вообще просвещение, со времени падения древняя Римская империя до Вестфальского мира, или утверждения свободы всех вероисповеданий. СПб., 1818. Ч. 1. С. 75, 95.

^{сxxx} Разные точки зрения о вечевом строе Новгорода, распространенные в начале XIX века, отражены в первой крупной работе о нем, принадлежащей митр. Евгению (Е. А. Болховитинов). — См. его: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. С. 66.

^{сxxxі} Щекатов А. Указ. соч. Ч. 1. С. 17, 19, 258, 265–266; Арцыбашев Н. С. Указ. соч. С. 15–16; Успенский Г. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 92–93, 178–180; Строев П. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 1, 15; Глинка С. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 56–57; Орлов Я. Указ. соч. Ч. 1. С. 80, 84.

^{сxxxіі} Щекатов А. Указ. соч. Ч. 1. С. 266–267.

^{сxxxііі} Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 156.

^{сxxxіv} Там же. С. 154.

^{сxxxv} Там же. С. 160.

^{сxxxvі} Соловьев С. М. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 43–186; Коялович М. О. Указ. соч. С. 190–226; Милуков П. Н. Указ. соч. С. 138–175; Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Он же. Избр. произв. В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 291–300; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 166–186; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 277–286; Астахов В. И. Указ. соч. С. 162–172; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 91–98; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 187–192; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 294–313; Карлова Т. С. Эстетический смысл истории в творческом восприятии Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 281–289; Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сб. 13. С. 102–131; Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста // Там же. С. 132–155; Лузянина Л. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // Там же. С. 156–167; Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 175–178.

^{сxxxvіі} Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22. — В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, оспаривая периодизацию А. Л. Шле-

цера, представил ее в следующем виде: «История наша делиться на Древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на Среднюю от Иоанна до Петра, и Новую от Петра до Александра. Система Уделов была характером первой эпохи, Единовластие второй, изменение гражданских обычаев третьей». — См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 21.

^{cxxxviii} Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. С. 6–32.

^{cxxxix} Там же. С. 195.

^{cxl} Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 71–75.

^{cxli} Там же. С. 59, 95.

^{cxlii} Там же. С. 93.

^{cxliii} Там же. С. 164, 166.

^{cxliv} Там же. С. 163–165, 174.

^{cxlv} Там же. С. 95.

^{cxlvi} Там же. С. 164.

^{cxlvii} Ср.: «И так, с ослаблением государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью» (Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 19. — См. также: С. 17–22).

^{cxlviii} Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 465–466.

^{cxlix} Там же. С. 463–464.

ГЛАВА II

Институт княжеской власти в Древней Руси в отечественной историографии XIX — начала XX века

§ 1. Концепции развития княжеской власти на Руси в отечественных исследованиях 20—30-х гг. XIX века

^{cl} Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 93–94.

^{cli} Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 33–64, 65–145.

^{clii} Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. С. 566.

^{cliii} В отношении взгляда на институт княжеской власти в Древней Руси см.: Строев П. М. Краткая Российская история для начинающих. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1819. С. 10; Константинов Е. К. Учебная книга истории государства Российского. СПб, 1820. Ч. 1. С. 15, 20–21, 23–24, 52, 58, 118–

119; Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской губернии, разделенное на пять периодов, в виде летописца. М., 1822. С. 10, 30, 94; Похорский Д. В. Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1823. С. 6, 9; В. К. Обозрение Российской истории в вопросах и ответах. М., 1824. С. 8, 11–12; Васильев И. В. Краткая история государства Российского для начинающих. Изд. 2-е, испр. М., 1830. С. 12, 15; Кайданов И. К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829. С. 1–2, 25–26, 49–50; Он же. Краткое начертание Российской истории. СПб., 1834. С. 1, 4, 7–8, 11; и др.

^{cliv} Волк С. С. Указ. соч. С. 29–142.

^{clv} Азадовский М. К. Исторические, политико-экономические и философские произведения декабристов // Литературное наследство. Т. 59. С. 731–744; Волк С. С. Указ. соч. С. 16–18, 282–302; Серман И. З. Александр Корнилович как историк и писатель // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 142–164; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 173–189; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). М., 1985. С. 193–204; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 314–320.

^{clvi} Цамугали А. Н. Идеи декабристов и русская историография XIX в. // ИЗ. М., 1975. Т. 96. С. 315–337.

^{clvii} Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 12.

^{clviii} Муравьев Н. М. Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. С. 582.

^{clix} Литературное наследство. Т. 59. С. 24, 26, 374–375, 380, 573–576; Волк С. С. Указ. соч. С. 321–347; Фонвизин М. А. Обозрение проявлений политической жизни в России // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1990. С. 261–264.

^{clx} Литературное наследство. Т. 59. С. 576.

^{clxi} Козлов В. П. Указ. соч. С. 78–80, 150, 154–156; Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974. С. 54–56; Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии XVIII — начала XX в. (к постановке вопроса) // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 67.

^{clxii} Волк С. С. Указ. соч. С. 96.

^{clxiii} Там же. С. 78; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 317.

^{clxiv} Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 268–269.

^{clxv} Ровнякова Л. Н. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 58–94; Козлов В. П. Указ. соч. С. 58–59, 88–90.

^{clxvi} Доленга-Ходаковский З. Я. Розыскания касательно русской истории // ВЕ. 1819. Ч. 107. № 19. С. 275–302; Он же. Проект ученого путешествия по России // Там же. 1820. Ч. 113. № 17. С. 30–56; № 18. С. 99–118; Он же. О Гиляй-городе // Северный архив. 1823. Ч. 5. С. 369–371; Он же. Опыт изъяснения слова «князь» // Там же. 1824. Ч. 10. С. 219–241; Он же. Путевые заметки // ЖМНП. 1838. Ч. 20. № 12. С. 479–527.

^{clxvii} Руссов С. В. Обзорение критики Ходаковского на историю Российского государства, сочиненную Н. М. Карамзиным. СПб., 1820.

^{clxviii} Валк С. Н. Указ. соч. С. 268–273.

^{clxix} Раковецкий И. Б. О гражданстве древних славян // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1822. Ч. 19. № 7. С. 3–16.

^{clxx} Лелевель И. Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. Ч. 4. С. 402–434, 458–471, 486–506; 1823. Ч. 5. С. 91–100; Ч. 8. С. 52–80, 147–160, 287–297; 1824. Ч. 9. С. 41–57, 91–103, 163–172; Ч. 11. С. 132–143, 187–197; Ч. 12. С. 47–53; Козлов В. П. Указ. соч. С. 104–105, 109–113.

^{clxxi} Попков Б. С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 30.

^{clxxii} Там же. С. 65–70.

^{clxxiii} Там же. С. 73–102.

^{clxxiv} Признание Новгородской республики и демократических традиций в национальном прошлом как упрек Н. М. Карамзину прозвучал тогда у Н. Н. Муравьева. — См.: Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828. С. 23–39; Козлов В. П. Указ. соч. С. 124–125.

^{clxxv} Зубарев Д. Е. Исторические справки // ВЕ. 1825. Ч. 140. № 11. С. 187–217; Булгарин Ф. В. Замечания на статью, помещенную в № 11 «Вестника Европы» под заглавием «Исторические справки» // Северный архив. 1825. Ч. 16. С. 151–172; Зубарев Д. Е. В защиту новейших критических замечаний (Ответ на статью, помещенную в № 15 «Московского телеграфа» под названием «О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным») // ВЕ. 1825. Ч. 145. № 21. С. 17–29; Козлов В. П. Указ. соч. С. 119, 121, 180.

^{clxxvi} Погодин М. П. Нечто о толковании одного места в Несторе // ВЕ. 1824. № 4. С. 260–264; Он же. Нечто против опровержений г. Лелевеля // Там же. № 5. С. 14–29.

^{clxxvii} Каченовский М. Т. От Киевского жителя к его другу // ВЕ. 1819. Ч. 103. № 2. С. 117–132; № 3. С. 197–210; № 4. С. 289–298; № 5. С. 45–53; Ч. 104. № 6. С. 115–136; Васильев И. В. Историческое известие о поместьях и вотчинах в России // Там же. 1823. № 12. С. 278–285; Арцыбашев Н. С. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания, иждивением братьев Слениных. СПб., 1818 года // Казанский вестник. 1822. Ч. 5. № 5. С. 2–30; Ч. 6. № 9. С. 45–67; № 11. С. 145–172; 1823. Ч. 7. № 1. С. 15–45; № 2. С. 77–107; Он же. Два съезда князей, или конец XII столетия в России // ВЕ. 1824. № 12. С. 241–278; Он же. Первый и последний ответ на псевдокритику // Там же. 1826. № 2. С. 106–118; Он же. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания // Московский вестник. 1828. Ч. 11. № 19/20. С. 285–318; Ч. 12. № 21/22. С. 52–91; № 23/24. С. 254–285; Он же. Замечания на II том «Истории государства Российского» // Там же. 1829. Ч. 3. С. 29–67; Погодин М. П. Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале Российского государства // Там же. 1828. Ч. 7. № 4. С. 483–490; Гусятников М. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным. О титуле великого князя // Там же. С. 203–209; Дмитриев М. А. О противниках и защитниках историографа Карамзина. Писано по случаю замечаний на «Историю государства Российского», помещенных в «Московском вестнике» // Атеней. 1829. № 3. С. 295–312; № 4. С. 424–444; № 5. С. 524–535; Восейков А. Ф. Мои мысли о критике сочинителя «Истории русского народа» на «Историю государства Российского» // Славянин. 1829. Ч. 12. № 48/49. С. 375–394; Руссов С. В. О критике г. Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным. СПб., 1829. — См.: Козлов В. П. Указ. соч. С. 102–104, 121, 128–145, 172; Кудрявцев И. А. «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 211–249.

^{clxxviii} Полевой Н. А. О медных капищах и медных конях, упомянутых в летописце преп. Нестора // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 52–72, 198–233; Он же. Обзорение хода и упадка удельной системы в России // ВЕ. 1825. № 12. С. 255–273; Он же. О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным // Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 15. С. 234–243; Он же. История государства Российского (сочинение Н. М. Карамзина) // Там же. 1829. Ч. 27. № 12. С. 467–500. — См.: Козлов В. П. Указ. соч. С. 119–120, 140–141.

^{clxxix} Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 236–245; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 242–254; Шикло А. Е.

Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 56–107; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 260.

^{clxxx} Полевой Н. А. История русского народа. В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 31, 33.

^{clxxxi} Там же. С. 197, 213.

^{clxxxii} Там же. С. 90.

^{clxxxiii} Там же. С. 92–93, 95.

^{clxxxiv} Там же. С. 130–131, 195–196.

^{clxxxv} Там же. С. 214.

^{clxxxvi} Там же. С. 215.

^{clxxxvii} Там же. С. 287.

^{clxxxviii} Там же. С. 109, 131, 205, 358.

^{clxxxix} Там же. С. 210, 213.

^{cx} Полевой Н. А. История русского народа. М., 1997. Т. 2. С. 7.

^{cxci} Полевой Н. А. Русская история для первоначального чтения. М., 1835. Ч. 1. С. 373.

^{cxcii} Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 357–358; Т. 2. С.

54.

^{cxiii} Там же. Т. 1. С. 213.

^{cxiv} Шикло А. Е. Указ. соч. С. 105.

^{cxv} Там же. С. 71.

^{cxvi} Там же. С. 145, 149.

^{cxvii} Руссов С. В. Замечания на «Историю русского народа», сочиненную Николаем Полевым. СПб., 1830; Он же. Замечания на II том «Истории русского народа», сочиненной Николаем Полевым. СПб., 1830; Погодин М. П. (Рец.). История русского народа. Сочинение Н. Полевого. Т. 1 // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 1–4. С. 164–190.

^{cxviii} Надеждин Н. И. (Рец.). История русского народа. Сочинение Николая Полевого. Т. 1 // ВЕ. 1830. № 1. С. 37–72; То же // Надеждин Н. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. Философия. СПб., 2000. С. 707–724.

^{cxix} Пушкин А. С. (Рец.). История русского народа, сочинение Николая Полевого. Т. 1 // Он же. Собр. соч. В 10 т. М., 1997. Т. 6. С. 30–36.

^{cc} Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого // Он же. Собр. соч. Т. 6. С. 281 – 284, 381.

^{cci} Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996. С. 67.

^{ccii} Шикло А. Е. Указ. соч. С. 49.

^{cciii} Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 68; Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 69, 78–79, 98.

^{cciv} Погодин М. П. Взгляд на русскую историю // Уч. зап. имп. Моск. ун-та. 1833. Ч. 1. № 1; Он же. Отрывок из Российской истории // ЖМНП. 1834. № 12; Он же. Очерк русской истории // Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 1; Он же. Начертание русской истории. Для училищ. М., 1835; То же. Для гимназий. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1837; Он же. Краткое начертание русской истории. М., 1838.

^{ccv} Погодин М. П. О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825.

^{ccvi} Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 13; Он же. Исторические афоризмы // Тайны истории. М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний. СПб., М., 1994. С. 22.

^{ccvii} Погодин М. П. О договорах Русских князей, Олега, Игоря и Святослава, с Греками // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Т. 1. Кн. 4. С. 98–137; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 378–379.

^{ccviii} Погодин М. П. Исторические афоризмы // Тайны истории. С. 71.

^{ccix} Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 69.

^{ccx} Булгарин Ф. В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий / Н. А. Иванов. СПб., 1837. Истории. Ч. 3. С. 36–49, 117–125.

^{ccxi} Там же. С. 41–42.

^{ccxii} Там же. С. 45–46.

^{ccxiii} Там же. С. 40.

^{ccxiv} Каченовский М. Т. Мой взгляд на Русскую Правду // ВЕ. 1829. № 13. С. 23–29; № 14. С. 99–113; № 15. С. 278–191; № 16. С. 274–285; Он же. Из рассуждений о Русской Правде // Учен. зап. имп. Московского ун-та. 1835. № 3. С. 351–388; № 4. С. 3–27; Он же. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849. — См. также: Скромненко С. (Строев С. М.). О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834; Он же. О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей // Сын Отечества. 1835. № 11. С. 19–42; Он же. О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей // Там же. С. 184–207; Соловьев С. М. Каченовский Михаил Трофимович // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 69–83; Иконников В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; Коялович М. О. Указ. соч. С. 227–236; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 233–241.

^{ccxv} Виноградов В. (Строев С. М.). О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории от основания государства до смерти Игоря // ВЕ. 1830. № 15/16. С. 161; № 17/18. С. 17–33.

^{ссxvi} Каченовский М. Т. О баснословном времени в Российской истории // Учен. зап. имп. Московского ун-та. 1833. Ч. 1. № 2. С. 286.

^{ссxvii} Цит. по: Шевцов В. И. Вопросы древнерусской истории в сочинениях С. М. Строева // История и историки. Историографический ежегодник. 1977. М., 1980. С. 319. — См. также: А. О. (Строев С. М.). О феодальной системе в Европе // ВЕ. 1829. № 19. С. 175–183; Строев С. М. О пользе изучения Российской истории в связи со всеобщемо // Учен. зап. имп. Московского ун-та. 1834. № 7. С. 65–93.

^{ссxviii} Надеждин Н. И. Предназначение исторически-критического исследования древнерусской системы уделов // Труды и летописи ОИДР. М., 1830. Ч. 5. С. 98–102; Ч. 8. С. 132–133; Он же. Летописи отечественной словесности // Телескоп. 1832. № 14. С. 233–246; То же // Надеждин Н. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. Философия. С. 750–759.

^{ссxix} Алпатов М. А. Указ. соч. С. 248–259.

^{ссxx} Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 1. С. 61–62; Кн. 2. С. 359.

^{ссxxi} Там же. Кн. 1. С. 16, 61–62.

^{ссxxii} Там же. Кн. 2. С. 360–363.

^{ссxxiii} Погодин М. П. Нестор. Историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839; Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840; Иванов Н. А. Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их. Казань, 1843; Коялович М. О. Указ. соч. С. 246–259.

^{ссxxiv} См., напр.: Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Изд. 2-е. М., 1830. Ч. 1; Зотов Р. М. Военная история Российского государства. СПб., 1839. Ч. 1; То же // Зотов Р. М. Собр. соч. В 5 т. М., 1996. Т. 4. С. 5–464.

^{ссxxv} Каченовский М. Т. От киевского жителя к его другу // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.). С. 146.

^{ссxxvi} Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 223–233; Шевцов В. И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 6–24; Он же. Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975. № 3. С. 55–70.

^{ссxxvii} Валк С. Н. Указ. соч. С. 253.

^{ссxxviii} Эверс И. Ф. Г. Предварительные критические исследования для Российской истории / Пер. с нем. М. Погодина. М., 1825. С. 53, 55, 80, 82, 84.

^{ссxxix} Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835. С. 12, 14, 44.

- ^{ссxxx} Там же. С. 95–96.
- ^{ссxxxі} Там же. С. 2.
- ^{ссxxxіі} Там же. С. 95.
- ^{ссxxxііі} Там же. С. 2, 10.
- ^{ссxxxіііі} Там же. С. 6, 9.
- ^{ссxxxv} Там же. С. 98.
- ^{ссxxxvі} Там же. С. 99.
- ^{ссxxxvіі} Там же. С. 110, 242, 295.
- ^{ссxxxvііі} Нейман И. О жилищах древнейших руссов / Пер. с нем. М. П. Погодина; Предисл. И. Ф. Г. Эверса; Критический разбор одного (сочинения) М. П. Погодина. М., 1826. С. 33; Он же. Уставы и управление Новгорода в средние веки // ЖМНП. 1840. № 7. С. 3–5; Валк С. Н. Указ. соч. С. 326.
- ^{ссxxxіx} Нейман И. Уставы и управление Новгорода в средние веки. С. 10, 23–25.
- ^{ссxli} Тобин Э. Введение в историю русского права // ЖМНП. 1845. № 10. С. 65–80; Он же. Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 года // Там же. 1847. № 6. С. 165–192; Валк С. Н. Указ. соч. С. 306–307.
- ^{ссxli} Валк С. Н. Указ. соч. С. 262, 266.
- ^{ссxliі} Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / Пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836. С. 28.
- ^{ссxliіі} Там же. С. 87–88.
- ^{ссxliііі} Там же. С. 22, 28.
- ^{ссxliіііі} Там же. С. 87.
- ^{ссxliііііі} Там же. С. 92.
- ^{ссxliіііііі} Там же. С. 94.
- ^{ссxliііііііі} Там же. С. 28.
- ^{ссxliіііііііі} Там же. С. 50, 97.
- ^{ссxliііііііііі} Там же. С. 29.
- ^{ссxliіііііііііі} Губе И. История древнего наследственного права у славян / Пер. с нем. А. Бакунина // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1. С. 66.
- ^{ссxliііііііііііі} Морошкин Ф. Л. Ученые труды по части истории русского законодательства // Учен. зап. имп. Московского ун-та. 1835. Ч. 10. С. 145–147; Он же. О владении по началам российского законодательства. М., 1837. — См. также его предисловие и «примечания от издателя» к переводу книги А. М. Ф. Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (С. VII–XVIII).

- ^{ccliii} Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 54–57, 59–60.
- ^{ccliv} Там же. С. 63.
- ^{cclv} Там же. С. 99.
- ^{cclvi} Сперанский М. М. Историческое обозрение изменений в праве земельной собственности и в состоянии крестьян // Он же. Руководство к познанию законов. С. 512.
- ^{cclvii} Гагемейстер Ю. А. Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 34–35, 37, 187.
- ^{cclviii} Неволин К. А. Полн. собр. соч. СПб., 1857. Т. 2. С. 465–466.
- ^{cclix} Неправомерно распространять эпоху «романтизма» в отечественной историографии до середины XIX века (Соловьев К. А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX — первой половины XV в. Историографические очерки. М., 1998. С. 8), ибо в 1840-е гг. большинство историков отходит от романтических принципов в интерпретации исторического развития. Например, на смену основополагающего понятия «народного духа» приходит понятие «народного быта».

§ 2. Изучение власти древнерусских князей в историографии середины — второй половины XIX века

- ^{cclx} Цамугали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.
- ^{cclxi} Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 303–326; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 160–163.
- ^{cclxii} Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. 4; М., 1855. Т. 6; М., 1856. Т. 7; М., 1857. Т. 5; Он же. Норманский период русской истории. М., 1859; Он же. Историко-критические отрывки. М., 1867. Кн. 2; Он же. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. 1–2; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 280–297; Ключевский В. О. М. П. Погодин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 280–297.
- ^{cclxiii} Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 318.
- ^{cclxiv} Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 247–288; Алпатов М. А. Русская исто-

рическая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). М., 1985. С. 246–247.

^{cclxv} Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 497–519; Он же. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1999. Т. 1. С. 100–103, 108–113.

^{cclxvi} Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4. С. 353; Т. 5. С. 66, 115, 160; Он же. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1999. Т. 2. С. 7–15.

^{cclxvii} Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 7. С. 3–91, 153–156; Он же. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 2. С. 15–25, 64.

^{cclxviii} Там же. С. 26, 65.

^{cclxix} Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 7, 77, 97, 102, 118, 338–349.

^{cclxx} Устрялов Н. Г. Русская история. СПб., 1837—1841. Ч. 1–5; То же. Изд. 3-е. СПб., 1845. Ч. 1–2; То же. Изд. 5-е, испр. и доп. СПб., 1855. Ч. 1–2.

^{cclxxi} Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

^{cclxxii} Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года. В 2 ч. Петрозаводск, 1997. С. 77–78.

^{cclxxiii} Там же. С. 55–56, 91–93.

^{cclxxiv} Там же. С. 69.

^{cclxxv} Там же. С. 91–92.

^{cclxxvi} Там же. С. 83, 115, 119.

^{cclxxvii} Там же. С. 28–31.

^{cclxxviii} Там же. С. 92.

^{cclxxix} Устрялов Н. Г. Начертание русской истории, для учебных заведений. СПб., 1839; То же. Изд. 10-е, доп. СПб., 1857; Ишимова А. И. История России в рассказах для детей. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1841. Ч. 1; То же. М., 1995; Полевой Н. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846; Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848; Трощина К. Е. История судебных учреждений в России. СПб., 1851; Тимаев Н. М. Краткое изложение русской истории. СПб., 1858; Он же. Краткая русская история. 862—1862. СПб., 1862. Вып. 1; Водовозов В. И. Рассказы из русской истории. СПб., 1861. Вып. 1; Щебальский П. К. Начало Руси. СПб., 1862; Он же. Русская история для грамотного народа и для начальных училищ. Варшава, 1876. Вып. 1–2; Микешин К. О. Русская история. М., 1865; Дерикер В. Краткая исто-

рия России. СПб., 1866; Ушаков Н. Краткая русская история. Изд. 4-е, испр. СПб., 1866; Петрушевский А. Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. СПб., 1866; То же. Ярославль, 1994; Столыпин А. Д. Краткая история России для народного и солдатского чтения. СПб., 1869; Шуф А. К. Рассказы и биографические очерки из русской истории. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1870; Толстой М. В. Рассказы из истории русской церкви. Изд. 2-е. М., 1870; То же. М., 1991; Павлович Б. А. Рассказы из русской истории. СПб., 1873; Он же. Как началось Русское царство. От начала Руси до крещения. СПб., 1875; Рождественский С. Е. Отечественная история. Курс сред. учеб. заведений. СПб., 1870; Он же. Краткая отечественная история в рассказах. Для нач. нар. училищ и вообще для народа. СПб., 1874; Он же. Отечественная история в связи со всеобщей (средней и новой). Курс сред. учеб. заведений. М., 1997; Евстигнеев М. Е. Тысячелетняя слава русской земли. М., 1874; Шамин Д. Краткая русская история. М., 1875; Станюкович А. М. История России от ее основания до настоящего времени общепонятно рассказанная. М., 1875; Он же. История Российского государства. 862—1884. М., 1884; Сонцов Д. П. Очерк истории русского народа до XVII столетия. М., 1875; Сиповский В. Д. Родная старина. СПб., 1879. Ч. 1; То же. М., 1992; Острогорский М. Я. История России с картинками для народных училищ. Изд. 5-е, испр. и доп. СПб., 1879; То же. М.; Екатеринбург, 1992; Малинин Н. П. История России для народа. М., 1879; Фармаковский В. Русская история. Изд. 4-е. М., 1880; То же. Владимир, 1995; Бахметева А. Н. Рассказы из русской церковной истории. М., 1883. Ч. 1; То же. М., 1995; Абаза В. А. История России для учащихся. СПб., 1885. Ч. 1; Он же. История России. СПб., 1893; Тихомиров Д. И. История нашего царства в кратких рассказах. СПб., 1891. Кн. 1—3; Он же. Из истории родной земли. М., 1893. Ч. 1; То же. М., 1996; Беллярминов И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993; и др.

^{cclxxx} Коялович М. О. Указ. соч. С. 307—317; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 271—289; Алпатов М. А. Указ. соч. С. 247—248; Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 96—106. — О периодизации славянофильства см.: Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 86—88.

^{cclxxxii} Там же. С. 3—55.

^{cclxxxiii} Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Он же. Критика и эстетика. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1998. С. 158.

- ^{cclxxxiii} Хомяков А. С. О старом и новом // Он же. Сочинения. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 463.
- ^{cclxxxiv} Там же. С. 465–466.
- ^{cclxxxv} Там же. С. 467–470.
- ^{cclxxxvi} Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову. С. 158.
- ^{cclxxxvii} Там же. С. 159.
- ^{cclxxxviii} Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Он же. Критика и эстетика. С. 309.
- ^{cclxxxix} Там же. С. 299.
- ^{ccxc} Там же. С. 296.
- ^{ccxci} Киреевский П. В. О древней русской истории. Письмо к М. П. Погодину // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 11–46.
- ^{ccxcii} Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Он же. Полн. собр. соч. Изд. 4-е. М., 1911. Т. 1. С. 221–226.
- ^{ccxciii} Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Он же. Избр. произв. М., 1996. С. 428–433.
- ^{ccxciv} Там же. С. 436; Цамугали А. Н. Указ. соч. С. 61–75. — Важно отметить, что Ю. Ф. Самарин в свое время основательно изучал раннюю историю Новгорода, результатом чего явилась работа «Вече и князь» (1845), которая, впрочем, осталась не опубликованной.
- ^{ccxcv} Основные труды К. С. Аксакова: «Об основных началах русской истории» (1849), «О том же» (1850), «О русской истории» (1850), «Родовое или общественное явление было изгой?» (1850), «Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева. По поводу I тома» (1851), «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (По поводу мнений о родовом быте)» (1852), и др. — См.: Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 1–6, 7–16, 17–24, 25–38, 39–58, 59–124; Коялович М. О. Указ. соч. С. 317–320.
- ^{ccxcvi} Аксаков К. С. Указ. соч. С. 3–4, 10, 55–56.
- ^{ccxcvii} Там же. С. 45.
- ^{ccxcviii} Там же. С. 30, 34, 107.
- ^{ccxcix} Там же. С. 45.
- ^{ccc} Там же. С. 9, 11.
- ^{ccci} См., напр., ст. Аксакова И. С. «О взаимном отношении народа, государства и общества» (1862), «Смешение стихий государственной и земско-общественной» (1863), «Исторический ход дворянского учреждения в России» (1861), «Исторические судьбы земства на Руси» (1862) и др. в кн.: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 132–156, 375–383, 619–624, 642–648.

^{ссii} Кошелев А. И. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862; Он же. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862; Он же. Наше положение. Берлин, 1875; Он же. Общая Земская дума в России. Берлин, 1875; Он же. Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875; и др. — См.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996. С. 112–113.

^{ссiii} Коялович М. О. Указ. соч. С. 320–335.

^{ссiv} Интересное наблюдение о влиянии славянофилов и западников «на возрождение историко-юридической мысли в России» отмечал В. И. Пичета. — См. его: Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923. С. 129–130.

^{ссv} Выдающаяся диссертация Н. В. Калачова о Русской Правде, как и его другие основные сочинения, носит скорее источниковедческий и археографический характер и ничего существенно нового в изучении института княжеской власти не дает. Примечательно, что в отличие от близкого к славянофилам историка А. Н. Попова, который также посвятил свою диссертацию изучению Русской Правды, Н. В. Калачов находит в ней предметы, касающиеся государственного права. Например, в деятельности княжеской власти и ее администрации. Для А. Н. Попова же времена Русской Правды это переходный период от семейного к государственному, когда господствует «гражданский» строй с особой ролью общины. — См.: Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; То же. Изд. 2-е. СПб., 1880. Вып. 1; Попов А. Н. Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1841; Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 301–303, 315–323.

^{ссvi} Беляев И. Д. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского. М., 1848; Он же. Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород. М., 1850; Он же. Рец.: История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1. Соч. Сергея Соловьева // Москвитянин. 1851. № 18. Кн. 2. С. 335–423; № 19–20. С. 601–624; № 24. Кн. 2. С. 587–596; 1852. № 2. Кн. 2. С. 45–52; Он же. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород. М., 1852; Он же. О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858; Он же. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1860; Он же. Земские соборы на Руси. М., 1867; Он же. Рассказы из русской истории. М., 1861—1872. Кн. 1–4; и др.

- ^{сссvii} Вакулина Е. Н. Исторические взгляды И. Д. Беляева // Беляев И. Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 2002. С. 23.
- ^{сссviii} Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Он же. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 21.
- ^{сссix} Там же. С. 23–25.
- ^{сссx} Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 45–50.
- ^{сссxi} Там же. С. 55, 60.
- ^{сссxii} Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 48.
- ^{сссxiii} Беляев И. Д. История русского законодательства. С. 118.
- ^{сссxiv} Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 51.
- ^{сссxv} Беляев И. Д. История русского законодательства. С. 107–116.
- ^{сссxvi} Там же. С. 116.
- ^{сссxvii} Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 52–53.
- ^{сссxviii} Беляев И. Д. История русского законодательства. С. 121–124.
- ^{сссxix} Там же. С. 118.
- ^{сссxx} Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 46.
- ^{сссxxi} Лешков В. Н. Общинный быт древней России. СПб., 1856.
- ^{сссxxii} Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 137.
- ^{сссxxiii} Там же. С. 216–225.
- ^{сссxxiv} Там же. С. 89.
- ^{сссxxv} Панславист Н. Я. Данилевский, которого считали также представителем позднего славянофильства, в частности полагал, что «народная свобода» препятствовала зарождению на Руси феодализма. — См. его кн.: Россия и Европа. М., 1991. С. 256–257.
- ^{сссxxvi} Цамугали А. Н. Указ. соч. С. 15–61, 97.
- ^{сссxxvii} Коялович М. О. Указ. соч. С. 336–420; Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 303–320; Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 13–22; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 312–342; Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 44–91; Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк // Он же. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 9–44; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 12–109.

- ^{сссххviii} Соловьев С. М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 5–42; Он же. Шлецер и антиисторическое направление // Там же. С. 314–352; Он же. Исторические письма // Там же. С. 353–404; Он же. Начала Русской земли // Там же. Кн. 17. С. 705–735; Он же. Лекции по русской истории (1873/1874) // Там же. М., 1998. Кн. 21. Доп. С. 6–246; Он же. Общедоступные чтения о русской истории // Там же. С. 247–401; и др. — О полемике вокруг «Истории России» С. М. Соловьева см.: Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 97–126.
- ^{сссххix} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 90–95.
- ^{сссххx} Там же. С. 121.
- ^{сссххxi} Там же. С. 213–220. — См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–4. // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 7–27.
- ^{сссххxii} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 245–252.
- ^{сссххxiii} Там же. С. 225–235.
- ^{сссххxiv} Там же. С. 56–73, 259–261. — См. также: Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 408–413.
- ^{сссххxv} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 52–55.
- ^{сссххxvi} Там же. С. 52.
- ^{сссххxvii} Там же. С. 643. — Подробнее см.: Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1996. Кн. 19. Доп. С. 15–23.
- ^{сссххxviii} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 333–339; Он же. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. С. 12–15.
- ^{сссххxix} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 512–517, 644.
- ^{сссxl} Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 27–32; Он же. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 8, 77, и др. — См. также: Коча Л. А. С. М. Соловьев о новгородской истории // НИС. 1 (11). Л., 1982. С. 113–118.
- ^{сссxli} Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М., 2004. С. 69–71, 98.
- ^{сссxlii} Алпатов М. А. Указ. соч. С. 260–261; Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 33, 42.

- ^{cccxliii} Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Он же. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 12, 13.
- ^{cccxliiv} См. о проблеме личности в исторической концепции К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина: Киреева Р. А. Указ. соч. С. 85–92.
- ^{cccxlv} Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России. С. 23.
- ^{cccxlvi} Там же. С. 24–28.
- ^{cccxlvii} Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 45; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 86.
- ^{cccxlviii} Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России. С. 28–30.
- ^{cccxlix} Там же. С. 30–36.
- ^{cccl} Там же. С. 36–39. — Ср.: Кавелин К. Д. История российского законодательства // Река Времени (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 3. С. 57–65.
- ^{cccli} Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России. С. 39–42.
- ^{ccclii} Коялович М. О. Указ. соч. С. 420–431; Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Он же. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 401–407; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 406–407.
- ^{cccliii} См., напр., ст. К. Д. Кавелина в его: Собр. соч. В 4 т. Изд. 3-е. СПб., 1904. Т. 1 (Ответ «Москвитянину»). С. 67–96; Исторические труды М. П. Погодина. С. 95–252; Исследования С. М. Соловьева. С. 253–508; О книге Б. Н. Чичерина. С. 507–570; и др.).
- ^{cccliv} Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Он же. Наш умственный строй. С. 190; Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 161–184.
- ^{ccclv} Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 3–4.
- ^{ccclvi} Там же. С. 6–7. — См. также: Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995. С. 19–20.
- ^{ccclvii} Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. С. 18–19, 22. — См. его же: О службе в России до времен Петра Великого. СПб., 1850. С. 8–9, 13, 26.
- ^{ccclviii} Клеванов А. С. О феодализме на Руси. М., 1848. С. 1, 10–13. — См. также: Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 79–80.
- ^{ccclix} Зубрицкий Д. И. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси / Пер. с польск. О. Бодянского. М., 1845; Клеванов А. С. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849.
- ^{ccclx} Ср.: Евгений (Болховитинов Е. А.). Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска. СПб., 1825; Он же. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Киев,

1831; Домбровский В. Ф. Очерк города Чернигова и его области в древнее и новое время. Киев, 1846; Савельев-Ростиславич Н. В. Древний и нынешний Переяславль-Залесский в историческом и статистическом отношении. СПб., 1848; и др.

^{ccclxi} Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории. С. 196.

^{ccclxii} Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1852—1855. Ч. 1–3; Клеванов А. С. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1871.

^{ccclxiii} Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 1. С. 4–8, 12, 67–68, 73–74, 79, 85, 89–91, 95. — Непонятно почему в «Очерках истории исторической науки в СССР» указывается, что Денис Зубрицкий писал свои произведения «со славянофильских позиций» (Т. 1. С. 605).

^{ccclxiv} Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 76–81.

^{ccclxv} Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. СПб., 1848. С. 16–18; Он же. История русского права. СПб., 1871. С. 9–10, 18–19.

^{ccclxvi} Там же. С. 38.

^{ccclxvii} Там же. С. 13–14, 40, 56.

^{ccclxviii} Там же. С. 22–23, 42, 143.

^{ccclxix} Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. С. 27–29; Он же. История русского права. С. 134–140.

^{ccclxx} Там же. С. 140.

^{ccclxxi} Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 81–87.

^{ccclxxii} Тюрин А. Ф. Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси. СПб., 1850. С. 3.

^{ccclxxiii} Там же. С. 4–8, 63, 66, 88.

^{ccclxxiv} Там же. С. 25, 39.

^{ccclxxv} Там же. С. 89.

^{ccclxxvi} Там же. С. 7, 43–49, 55, 63.

^{ccclxxvii} Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1870—1874. Вып. 1–2; Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 30–37.

^{ccclxxviii} Павлов П. В. Тысячелетие России. Краткий очерк отечественной истории. СПб., 1863; Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 88–96.

^{ccclxxix} Лашнюков И. В. О междукняжеских и общественных отношениях в древнейшем периоде нашей истории от призвания варяго-русов до

смерти Ярослава // Речи, произнесенные в торжественных собраниях лица князя Безбородко и Нежинской гимназии в 1854 и 1855 уч. годах. Киев, 1856. С. 1–31.

^{ccclxxx} Неволин К. А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1–3; Он же. О преемстве велико-княжеского Киевского престола. СПб., 1851. Ч. 1–2.

^{ccclxxxi} Там же. Ч. 2. С. 28–30.

^{ccclxxxii} Неволин К. А. Полн. собр. соч. СПб., 1858. Т. 4. С. 128.

^{ccclxxxiii} Чеглоков П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 1–104; Кури В. О прямых налогах в древней Руси // Там же. С. 105–152; Станиславский А. Исследование начал ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства // Там же. С. 153–218; Мейер Д. Древнее русское право залога // Там же. С. 219–278; Капустин С. Древнее русское поручительство // Там же. С. 279–340; и др.

^{ccclxxxiv} Чеглоков П. Указ. соч. С. 16–17.

^{ccclxxxv} Там же. С. 8–9, 11, 20.

^{ccclxxxvi} Коялович М. О. Указ. соч. С. 431–437; Милуков П. Н. Указ. соч. С. 407–408; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 301–312; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 103–112; Астахов В. И. Указ. соч. С. 433–441; Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 137–161; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 419–430; Пузанов В. В. Указ. соч. С. 19–27.

^{ccclxxxvii} Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 1.

^{ccclxxxviii} Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 9–11.

^{ccclxxxix} Там же. С. 285–286, 297–298.

^{cccc} Там же. С. 299.

^{cccci} См. высказывания Б. Н. Чичерина о роли государства в истории: Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. С. 369, 380–382; Он же. О народном представительстве. М., 1866. С. 356, 361, 380, 387, 389, 402, 528; Киреева Р. А. Указ. соч. С. 288–303.

^{ccccii} Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 367–388; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 366–414; Т. 2. С. 7–80; Астахов В. И. Указ. соч. С. 247–302, 327–376; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 143–159, 194–202; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 434–453; Пирумова Н. М. Исторические взгляды А. И. Герцена. М., 1956; Иллерицкий В. Е. Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953; Он же. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; Он же. Революционная историческая мысль в

России (домарксистский период). М., 1974; Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971; и др.

^{ссxciii} Костомаров Н. И. Об отношении русской истории к географии и этнографии // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 424, 429.

^{ссxciv} Коялович М. О. Указ. соч. С. 488–503; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 421–440; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 129–146; Астахов В. И. Указ. соч. С. 377–406; Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова. Киев, 1984; Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. С. 127–134; Боярченко В. В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20—70-х годов XIX века. СПб., 2005. С. 60–77.

^{ссxcv} Костомаров Н. И. Автобиография // Он же. Русские нравы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 5. С. 538; Он же. Замечание г. Лохвицкому // Он же. Самозванцы и пророки. Исторические монографии и исследования. М., 1997. Т. 17. Доп. С. 296–300.

^{ссxcvi} Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Он же. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 4. С. 5–40; Он же. Богдан Хмельницкий. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 2. С. 7–8.

^{ссxcvii} Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси // Он же. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 6. С. 131–238; Он же. Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий // Он же. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 8. С. 384–387; Он же. Лекции по русской истории. Ч. 1 // Он же. Земские соборы. С. 305–307; Он же. О значении великого Новгорода в русской истории // Он же. Бунт Стеньки Разина. 239–258.

^{ссxcviii} Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 134.

^{ссxcix} Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Он же. Раскол. С. 25–30; Он же. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории // Он же. Земские соборы. С. 278–284.

^{cd} Данное мнение вызвало оживленную полемику Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным и др. о начале Руси. — См. в кн.: Костомаров Н. И. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. Т. 16. Доп.; Он же. Автобиография. С. 538–539.

^{cdi} Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 134–137.

^{cdii} Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. Господство дома Св. Владимира // Он же. Русь крещеная. Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1996. Т. 13. С. 6–7. — См. также: Костомаров Н. И. Ответ на новые «Бранные послания» г. Погодина // Он же. Самозванцы и пророки. С. 306–310.

^{cdiii} Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в ображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях. С. 59–60.

^{cdiv} Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. С. 7; Он же. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. С. 11–14.

^{cdv} Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 138–139; Он же. Черты народной южнорусской истории // Он же. Бунт Стеньки Разина. С. 90, 108.

^{cdvi} Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в ображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях. С. 107; Он же. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 139–141; Он же. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. Господство дома Св. Владимира. С. 7.

^{cdvii} Там же. С. 35; Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. С. 15–16, 29; Он же. Черты народной южнорусской истории. С. 132; Он же. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 141–143, 151–155.

^{cdviii} Там же. С. 144–145, 156–158; Костомаров Н. И. Тысячелетие // Он же. Русские инородцы. С. 600; Он же. Две русские народности // Он же. Бунт Стеньки Разина. С. 52; Он же. Черты народной южнорусской истории. С. 140, 149.

^{cdix} Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 146–150, 159–167.

^{cdx} Там же. С. 150, 167; Костомаров Н. И. Старинные Земские Соборы // Он же. Земские соборы. С. 5–6; Он же. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки // Он же. Русская республика. Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1994. Т. 9. С. 97–101; Он же. Черты народной южнорусской истории. С. 109.

^{cdxi} Костомаров Н. И. Тысячелетие. С. 600.

^{cdxii} Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеро-демократов. С. 119.

^{cdxiii} Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 154–155; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1949. Т. 2. С. 329, 402; М., 1950. Т. 7. С. 705; М., 1951. Т. 10. С. 324. — См. также: Очерки истории истори-

ческой науки в СССР. Т. 2. С. 58–61; Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. С. 132, 143; Он же. Революционная историческая мысль в России. С. 158, 235–236, 247; Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 42, 44, 166, 174; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 93–97.

^{cdxiv} Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 377–388; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 66–80; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 447–456; Боярченко В. В. Указ. соч. С. 107–153.

^{cdxv} Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 648, 710, 753, 768, 789; Он же. Собрание сочинений. Доп. том. Иркутск, 1937. С. 6; Он же. Незданные сочинения. I. Общий взгляд на историю великорусского народа. Казань, 1926. С. 12–13; Кабанов П. И. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954. С. 16, 72, 82–85.

^{cdxvi} Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 15, 29, 64, 169, 182, 185, 251; Он же. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни // ВУИ. 1870. № 1. С. 50–51; Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 215–216.

^{cdxvii} Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 33, 57, 60. — См. также: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 142–185.

^{cdxviii} Елисеев Г. З. (Грыцько). Исторические очерки // Современник. 1860. № 11. С. 61–84; Он же. 862—1862, или Тысячелетие России // Свисток. 1862. № 1. С. 13–42; Он же. Участие общины в суде по Русской Правде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачевым. СПб., 1863. Кн. 5. С. 97–160; Он же. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Он же. Сочинения. М., 1894. Т. 1. С. 84–126. — См. также: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 20–65.

^{cdxix} Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867. С. 10–32. — См. также: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. С. 108–141.

^{cdxx} Там же. С. 184. — Ср.: Мартьянов П. А. Народ и государство. Лондон, 1862; Шашков С. С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 1. С. 740–742; Т. 2. С. 226–227; Федоров В. А. Крестьянский демократ-шестидесятник П. А. Мартьянов // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 153.

^{cdxxi} Шелгунов Н. В. Соч. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 205–225. — См. также: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской

историографии 60—70-х годов XIX в. С. 66—92; Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. С. 267—270.

^{cdxxii} Идеологи народничества 1870—1880-х гг. (М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, П. А. Кропоткин, М. И. Веников, В. В. Берви-Флеровский, С. М. Степняк-Кравчинский, О. В. Аптекман, Н. К. Михайловский, Г. В. Плеханов и др.) продолжив демократическое направление и сохраняя его основные принципы, тем не менее, не смогли выработать значительных взглядов по отношению к истории Древней Руси и ее политико-правовых институтов. Это объясняется рядом причин: среди революционных народников не было профессионально подготовленных историков; их исторические воззрения отличались эклектизмом; вместо теоретических построений или критики официальной и либеральной историографии они стремились к практической деятельности и т.д. Представители же либерального народничества и историки, связанные с ним (П. А. Соколовский, Н. Ф. Даниельсон, В. Е. Постников, В. П. Воронцов, А. Я. Ефименко, С. Н. Южаков, В. И. Семевский и др.) интересовались в основном проблемами социально-экономической истории. — См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 388—410; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 171—218; Астахов В. И. Указ. соч. С. 504—534; Дружинин Н. М. Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. С. 312—329; Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. С. 285—315.

^{cdxxiii} Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1. С. 99—100.

^{cdxxiv} Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996. С. 17—30.

^{cdxxv} Иванишев Н. Д. Соч. Киев, 1876. С. 251.

^{cdxxvi} Михальченко С. И. Указ. соч. С. 28—29.

^{cdxxvii} Шпилевский С. М. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866; Он же. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.

^{cdxxviii} Шпилевский С. М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. Казань, 1862.

^{cdxxix} Шпилевский С. М. «История государства Российского» в отношении к истории русского права. Казань, 1866.

^{cdxxx} Шпилевский С. М. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // Юридический журнал. 1861. № 5. Январь. С. 207—208.

^{cdxxxii} С. В. Пахман, занимавший кафедру гражданского права и судопроизводства в Санкт-Петербургском университете, еще в своей магистерской диссертации (О судебных доказательствах по древнему русскому

праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851) не выходил за рамки родовой теории в ее интерпретации К. Д. Кавелиным.

И. Е. Андреевский, ученик К. А. Неволлина, руководивший в Санкт-Петербургском университете кафедрой полицейского права, издал ряд исследований и лекционных курсов, где представлено начало разработки земско-вечевой теории: магистерская диссертация «О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского» (СПб., 1854); «О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году» (СПб., 1855); докторская диссертация «О наместниках, воеводах и губернаторах» (СПб., 1864); «История русского права» (СПб., 1864. Т. 1; То же. СПб., 1880. Т. 1); «Русское государственное право» (СПб., 1866. Т. 1) и др.

М. И. Горчаков, долгие годы возглавлявший кафедру церковного права в Санкт-Петербургском университете, явился создателем научной школы в этой области. К древнерусскому периоду он обращался в своей докторской диссертации (О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988—1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871).

А. Д. Градовский, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского университета, был автором фундаментальных трудов в своей области (Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866; История местного управления в России. СПб., 1868; Начала русского государственного права. СПб., 1875—1881. Т. 1—3) и активным публицистом либерального направления. На его становление как ученого оказали влияние как славянофилы, так и западники. Кроме того, А. Д. Градовский в своих работах отдал дань и позитивизму. — См.: Градовский А. Д. Собр. соч. В 9 т. СПб., 1899—1904; Он же. Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты. СПб., 1880; Он же. Сочинения. СПб., 2001; Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. С. 17—27.

^{cdxxxii} Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867. С. 23—26, 331—336.

^{cdxxxiii} Там же. С. 29—30.

^{cdxxxiv} Там же. С. 2—20.

^{cdxxxv} Там же. С. 14.

^{cdxxxvi} Там же. С. 21—22.

^{cdxxxvii} Там же. С. 44—50.

^{cdxxxviii} Там же. С. 52.

- cdxxxix Там же. С. 62.
- cdxli Там же. С. 20, 66–67.
- cdxli Там же. С. 40.
- cdxlii Там же. С. 359–361.
- cdxliii Там же. С. 1.
- cdxliv Там же. С. 75–79, 100–113.
- cdxlv Там же. С. 348. — См. также: С. 82–84, 98–99.
- cdxlv Там же. С. 113–120.
- cdxlvii Там же. С. 123–124, 130, 136, 146, 149, 151–153, 156, 265.
- cdxlviii Там же. С. 273–280, 303.
- cdxlix Там же. С. 284, 303.
- cdl Там же. С. 70, 303.
- cdli Там же. С. 284–285, 298, 301, 318, 322, 325.
- cdlii Там же. С. 317.
- cdliii Иллерицкая Н. В. Указ. соч. С. 28–34.
- cdliv Выводы В. И. Сергеевича полностью разделял напр. Н. Л. Дювернуа — См. его: Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 17–23, 116–119, 126, 158–159, 166.
- cdlv Градовский А. Д. Государственный строй древней России // ЖМНП. 1868. № 10. С. 101–143.
- cdlvi Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления // ЖМНП. 1869. № 11. С. 63, 70, 88–90, 105.
- cdlvii Там же. № 12. С. 217, 226, 240, 247–248.
- cdlviii Там же. № 11. С. 77, 82, 86; № 12. С. 222–223, 240, 247–248.
- cdlix Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею. СПб., 1860. С. 112–119; Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от найдажнейших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 68–84.
- cdlx Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // НИС. 1 (11). Л., 1982. С. 102–106.
- cdlxi См.: Пассек В. В. Исторические изыскания Соловьева в сравнении с историческими данными. СПб., 1852.
- cdlxii Пассек В. В. Княжеская и докняжеская Русь. М., 1870 // Он же. Исследования в области русской истории. М., 1870. С. 2, 7, 9.
- cdlxiii Там же. С. 15–16, 76–82, 105, 111, 151. — См. также: Пассек В. В. Общий очерк периода уделов. М., 1868 // Он же. Исследования в области русской истории. С. 6, 18–19.
- cdlxiv Пассек В. В. Новгород сам в себе. М., 1869 // Он же. Исследования в области русской истории. С. 6, 8, 19, 26.

- cdlxv Никитский А. И. Теория родового быта в древней Руси // ВЕ. 1870. Кн. 7. № 8. С. 425–466; Коялович М. О. Указ. соч. С. 446–447.
- cdlxvi Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 11–12, 20–21, 25–26.
- cdlxvii Там же. С. 31–33, 38–44.
- cdlxviii Там же. С. 48, 59–62, 68.
- cdlxix Там же. С. 118, 120, 132, 142. — См. также: Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 21.
- cdlxx То же можно сказать и о схожей работе В. С. Борзаковского: История Тверского княжества. СПб., 1876.
- cdlxxi Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань, 1872. С. 74.
- cdlxxii Там же. С. 80–84, 95.
- cdlxxiii Там же. С. 105–115, 118–120.
- cdlxxiv Коялович М. О. Указ. соч. С. 447–449.
- cdlxxv Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 1–59.
- cdlxxvi Там же. С. 60, 88–89.
- cdlxxvii Там же. С. 82–89.
- cdlxxviii Там же. С. 92–95, 112, 139.
- cdlxxix Там же. С. 184–214.
- cdlxxx Это давняя точка зрения. Ср. ее обоснование: Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. С. 73–79.
- cdlxxxi Хлебников Н. И. Указ. соч. С. 260–261, 268, 274–277, 280.
- cdlxxxii Там же. С. 404–408, 420.
- cdlxxxiii Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 30.
- cdlxxxiv Там же. С. 25–27, 275.
- cdlxxxv Там же. С. 43, 49, 275.
- cdlxxxvi Там же. С. IV–V, 50, 56.
- cdlxxxvii Там же. С. 61, 75, 78.
- cdlxxxviii Там же. С. 174–177.
- cdlxxxix Там же. С. 190–196.
- cdxc Там же. С. 260–272.
- cdxci Там же. С. VII, 323–351.
- cdxcii Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. С. 191–195.

- ^{cdxciii} Михальченко С. И. Указ. соч. С. 30–58; Иллерицкая Н. В. Указ. соч. С. 34–40.
- ^{cdxciv} Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1869. Вып. 1; Он же. Лекции по внутренней истории русского права. Одесса, 1874. Ч. 1–2; и др.
- ^{cdxcv} См. указ. тр. Ф. И. Леонтовича: Михальченко С. И. Указ. соч. С. 36–40.
- ^{cdxcvi} Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 7. С. 136–142.
- ^{cdxcvii} Там же. С. 143–144; № 8. С. 196–197, 208.
- ^{cdxcviii} Там же. № 7. С. 145–151; № 8. С. 198–199.
- ^{cdxcix} См.: Коялович М. О. Указ. соч. С. 504–520; Ключевский В. О. К. Н. Бестужев-Рюмин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 352–370; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990; Боярченков В. В. Указ. соч. С. 100–105, 163–183.
- ^d Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 108–109, 112.
- ^{di} Там же. С. 193–196, 200–202.
- ^{dii} Там же. С. 199–200, 205–206, 283–284, 286.
- ^{diii} Там же. С. 331.
- ^{div} Там же. С. 206.
- ^{dv} В своей магистерской диссертации «История Рязанского княжества» (М., 1858) Д. И. Иловайский не обращался к специальной характеристике княжеской власти на Руси, определяя только личные качества князей. Подобный подход свойственен его консервативной позиции, по которой центральное место в историческом развитии занимала конкретная деятельность правителей. — См.: Иловайский Д. И. Рязанское княжество. М., 1997. С. 64–65; Он же. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. Т. 2. С. 6; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 81–86, 101–102; Астахов В. И. Указ. соч. С. 417–420; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 163–166; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 517–518; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 27–32; Боярченков В. В. Указ. соч. С. 90–95.
- ^{dvi} Коялович М. О. Указ. соч. С. 529–541; Ключевский В. О. Терминология русской истории // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 95; Он же. наброски по варяжскому вопросу // Там же. Т. 7. С. 136–148; Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 137–147.

^{dvii} Иловайский Д. И. История России. Начало Руси. М., 1996. Т. 1; Он же. Откуда пошла Русская земля и как она впервые собралась // Он же. Рязанское княжество. С. 368–384.

^{dviii} Иловайский Д. И. История России. Становление Руси. С. 11–13, 42–43; Он же. О некоторых этнографических наблюдениях (по вопросу о происхождении государственного быта) // Он же. История России. Начало Руси. С. 384–386.

^{dix} Иловайский Д. И. История России. Становление Руси. С. 151.

^{dx} Там же. С. 458–459.

^{dxii} Там же. С. 449–459. — См. также: Иловайский Д. И. История России. Начало Руси. С. 134.

^{dxiii} Иловайский Д. И. История России. Становление Руси. С. 452.

^{dxiiii} Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста // Он же. Очерки отечественной истории. М., 1995. С. 110.

^{dxv} Костомаров Н. И. Русская историческая литература в 1876 г. // Он же. Русские инородцы. С. 117–125. — См. также: Ключевский В. О. И. Е. Забелин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 371–379; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 156–162.

^{dxvi} Костомаров Н. И. Кто виноват в Смутном времени? И. Е. Забелину // Он же. Земские соборы. С. 563–589. — См. также: Формозов А. А. Указ. соч. С. 129–138, 150–155.

^{dxvii} Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 8–36; Он же. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 510–528. — См. также: Коялович М. О. Указ. соч. С. 437–446.

^{dxviii} Ср. у А. И. Никитского и М. Д. Затыркевича.

^{dxix} Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. С. 528–552; То же. М., 1879. Ч. 2. С. 135, 158, 180, 241, 346–349.

^{dx} Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 50–51; Он же. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 24–25, 205–222; Он же. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. С. 560–586.

^{dxxi} Лимберт А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России // ВУИ. 1877. № 2. С. 47–119; № 3. С. 120–179.

^{dxii} См., напр.: Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 1. Введение. С. 1–246; Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 6. С. 201–224; Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1878. Т. 1. Вып. 1; и др.

^{dxix} Лимберт А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России // ВУИ. 1877. № 1. С. 1–24; № 2. С. 25–41, 99–119; № 3. С. 124–135.

^{dxiii} Там же. № 1. С. 15; № 2. С. 36.

§ 3. Отечественная историография конца XIX — начала XX века об институте княжеской власти в Древней Руси

^{dxiv} Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 239–274; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 208–229; Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 62–119; Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // ОИ. 1994. № 3. С. 143–158.

^{dxv} Вопрос о понятии «научная школа» до сих пор не получил окончательного разрешения. Однако, имеются такие устойчивые критерии, как педагогическая связь учителя и учеников, последователей или единомышленников какого-либо ученого, разрабатывающих определенные проблемы на основе общей методологии. — См.: Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — начала XX в. // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 19–27; Цамугали А. Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX в. // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 166–168; Гутнов Д. А. Об исторической школе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 40–53; Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994. С. 59–62; Он же. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996. С. 3–16; Ананьич Б. В., Панях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С. 105–113; Камынин В. Д., Тертышный А. Т. К вопросу о научных школах в истории исторической науки // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000; Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской истори-

ческой школы». Казань, 2000; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 372–414; Мельникова О. М. Научные школы в археологии. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004; Умбрашко К. Б. Научные школы XIX в. в современной историографии // Изучение истории России: Наиболее актуальные историографические тенденции. СПб., 2004. С. 32–36; и др.

^{dxxvi} Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912; Федотов Г. П. Россия Ключевского // Он же. Судьба и грехи России. Избр. статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 329–348; Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Изв. М., 1961. Т. 69. С. 178–196; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 467–503; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 169–189; Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 74–91; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 529–549; Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 138–165, 169–172, 259–277; Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 45–61; Шаханов А. Н. Указ. соч. С. 110–267; и др.

^{dxxvii} Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872—1875 гг. М., 1997.

^{dxxviii} Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 144–162; Он же. История сословий в России // Там же. М., 1989. Т. 6. С. 252–255; Он же. Боярская Дума древней Руси. М., 1994. С. 20–34.

^{dxxix} Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 179–210; Он же. Боярская Дума древней Руси. С. 71; Он же. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 32–34.

^{dxxx} Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 153, 160, 163, 354.

^{dxxxi} Там же. С. 164–165.

^{dxxxii} Там же. С. 167, 170.

^{dxxxiii} Там же. С. 155.

^{dxxxiv} Там же. С. 174, 229, 269.

^{dxxxv} Там же. С. 208; Ключевский В. О. Терминология русской истории // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 104–106.

^{dxxxvi} Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. С. 47–51.

^{dxxxvii} Там же. С. 47.

^{dxxxviii} Там же. С. 68; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 51–72; Он же. Краткое пособие по русской истории. С. 55, 66–79.

^{dxxxix} Там же. С. 56–57; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. С. 335–349; Он же. Боярская Дума древней Руси. С. 73–82. — Ср.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998. С. 3; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 30, 32, 37, 182, 223–224, 234, 236; Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Изд. Исторического о-ва при Моск. ун-те. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. М., 1898. Т. 2. С. 211–285.

^{dxi} Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1; Он же. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905; Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915; Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX—XIX ст. М., 1910; Богословский М. М. Учебник русской истории. Изд. 4-е. М., 1917. Ч. 1; Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1903—1905. Ч. 1–2; Он же. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904; Он же. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV вв. // Он же. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. М., 1906. Ч. 2. С. 27–72; Он же. Происхождение самодержавия в России. М., 1906; Он же. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). Изд. 3-е, доп. СПб., 1913; Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1910. Т. 1; Он же. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1; Готье Ю. В. Лекции по русской истории. М., 1907; Он же. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915; Вишняков Е. И., Пичета В. И. Очерки русской истории. М., 1908; и др.

^{dxi} Пожалуй, единственное, что их объединяло — это стремление к юридическому исследованию различных учреждений XVIII века, отразившееся в тематике диссертаций С. А. Петровского (О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875), П. Н. Мрочек-Дроздовского (Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708—1719 г.). М., 1876), А. Н. Филиппова (О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891; История Сената в правление Верховного тайного совета и кабинета. Юрьев, 1895. Ч. 1).

^{dxlii} Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. М., 1881. Вып. 1; М., 1885. Вып. 2; Он же. О древнерусской дружине по былинам. М., 1897; и др.

^{dxliiii} Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского права. М., 1892. С. 5–6, 12, 70.

^{dxliv} Там же. С. 14–15, 51–55, 70–71, 251–252.

^{dxlv} Там же. С. 15–33.

^{dxlvi} См.: Самоквасов Д. Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси // ВУИ. 1886. № 1. С. 1–33; № 2. С. 34–66; Он же. Свидетельство современных источников о военных и договорных отношениях славяноруссов с греками до владения Владимира Святославича Равноапостольного // Там же. № 6. С. 1–48; Он же. История русского права. Варшава, 1888. Кн. 1; Он же. Лекции по истории русского права. М., 1896. Вып. 2; Он же. История русского права. Общие законы Русской земли эпохи первых Рюриковичей. Законодательство удельных государств. М., 1901; Он же. Древнее русское право. М., 1903; Он же. История русского права. М., 1906. Ч. 1; Он же. Курс истории русского права. Изд. 3-е, пер. и доп. М., 1908. Ч. 1; и др.

^{dxlvii} Самоквасов Д. Я. История русского права. Общие законы Русской земли эпохи первых Рюриковичей. Законодательство удельных государств. С. 122–126.

^{dxlviii} Там же. С. 114.

^{dxlix} Там же. С. 103–104.

^{dl} Числов П. И. Курс истории русского права. Введение. Ч. 1. История источников права. М., 1914. Вып. 1. С. 8–9; Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 143.

^{dli} Числов П. И. Курс истории русского права. Ч. 2. История институтов права. Кн. 1. История государственного права. М., 1915. Вып. 2. С. 170–193.

^{dlii} Там же. Вып. 1. С. 10–18.

^{dliiii} Сыромятников Б. И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71–97.

^{dliv} Сыромятников Б. И. История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. Вып. 4. С. 6–8; Он же. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. С. 6–9; Муравьев В. А. Указ. соч. С. 128–160.

^{dlv} Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996. С. 84–86.

^{dlvi} Там же. С. 92–93.

- dlvii Там же. С. 95.
- dlviii Там же. С. 104–105.
- dlxix Там же. С. 110.
- dlx Там же. С. 108.
- dlxi Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907; Он же. Феодализм в удельной Руси // Он же. Соч. СПб., 1910. Т. 3. — О полемике вокруг его работ см.: Кареев Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. С. 1–49; Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 53–80; Вандалковская М. Г. П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. С. 185–210; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996. С. 9–10, 126, 138–144, 147, 150–158, 160–162.
- dlxii Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Изд. 2-е. М.; Пг., 1923. С. 69; Он же. Феодализм в России. М., 1988. С. 148.
- dlxiii См.: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. М., 2000.
- dlxiv Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. СПб., 1874; Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875; Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
- dlxv Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // ЖМНП. 1886. № 1. С. 68–127; Он же. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895.
- dlxvi Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909; Он же. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938; Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
- dlxvii Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 133.
- dlxviii Там же. С. 132.
- dlxix Там же. С. 184–185.
- dlxx Там же. С. 185.
- dlxxi Там же. С. 405.
- dlxxii Там же. С. 403.
- dlxxiii Там же. С. 428–429.
- dlxxiv Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1; СПб., 1893. Т. 2. Вып. 1; СПб., 1896. Т. 2. Вып. 2; СПб., 1903. Т. 3; То же.

Изд. 2-е, с перемен. и доп. СПб., 1900. Т. 2; СПб., 1902. Т. 1; СПб., 1911. Т. 3; Он же. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; Он же. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894; То же. Изд. 2-е, доп. СПб., 1899; То же. Изд. 3-е, доп. СПб., 1903; Он же. История русского права. СПб., 1888; Он же. Лекции по истории русского права. СПб., 1890; Он же. Греческое и русское право в договорах с греками в X веке // ЖМНП. 1882. № 1. С. 82–115; и др.

^{dlxxv} Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. 3-е, с перемен. и доп. СПб., 1908. Т. 2. С. 369; Он же. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1910. С. 142–155.

^{dlxxvi} Дебольский Н. Н. Древнерусские междукняжеские отношения по договорам // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 34–70; Он же. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903; Латкин В. Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1892; То же. СПб., 1912. С. 22–46; Грибовский В. М. Древнерусское право. Пг., 1915. Вып. 1. С. 42–70.

^{dlxxvii} Уже непосредственные ученики В. Б. Антоновича, преподававшие в различных вузах Украины, создали его дочерние школы: И. А. Линниченко и П. А. Иванов в Новороссийском университете (Одесса); Д. И. Багалей в Харьковском университете; В. Г. Ляскоронский в Нежинском лицее (Историко-филологическом институте); М. С. Грушевский в Львовском университете (Научное общество им. Шевченко); П. В. Голубовский, М. В. Довнар-Запольский (Историко-этнографический кружок), А. М. Андрияшев, В. Е. Данилевич и А. С. Грушевский в Киевском университете.

^{dlxxviii} Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. С. 3–23.

^{dlxxix} Антонович В. Б. Исследование о городах Юго-Западного края // Он же. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 136–137.

^{dlxxx} Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. С. 23–32.

^{dlxxxi} Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Эпизод из истории Южной Руси в XIII и XIV столетиях. Киев, 1876; Линниченко И. А. Вече в Киевской области. Киев, 1881; Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881; Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882; Молчановский Н. В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891; То же.

Изд. 2-е. Киев, 1991; Довнар-Запольский М.В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896; Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897; То же. Изд. 2-е. Киев, 1903; Грушевский А. С. Пинское Полесье: Исторические очерки. Ч. 1. Очерк истории Турово-Пинского княжества. XI – XIII вв. Киев, 1901. — К данным работам по областной истории внешне примыкает серия монографий, посвященных историческим судьбам Юго-Западного и Северо-Западного края России и созданных коллективом профессоров Киевской духовной академии. Однако эти труды отличаются описательный характер и официальная точка зрения, без углубления в теоретические вопросы социально-политической истории Древней Руси. — См.: Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1887; Они же. Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888; Они же. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890; Они же. Подолия. Историческое описание. СПб., 1891; Они же. Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892.

^{dlxxxii} Линниченко И. А. Указ. соч. С. 1–8; Багалея Д. И. Указ. соч. С. 1–2; Грушевский М. С. Указ. соч. Изд. 2-е. Киев, 1991. С. 289–291; Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 66–68; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. С. 210–212; Иванов П. А. Указ. соч. С. 42; Данилевич В. Е. Указ. соч. С. 51–56; Ляскоронский В. Г. Указ. соч. Киев, 1897. С. 268, 450; и др.

^{dlxxxiii} Грушевский М. С. Указ. соч. С. 292–297; Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 69; Иванов П. А. Указ. соч. С. 107; Данилевич В. Е. Указ. соч. С. 57–58; и др.

^{dlxxxiv} Линниченко И. А. Указ. соч. С. 14, 17, 22, 55–58, 60–64; Багалея Д. И. Указ. соч. С. 2, 268–270, 280; Грушевский М. С. Указ. соч. С. 57–60, 301–310, 315–333, 341–345; Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 81–84; Голубовский П. В. История Смоленской земли... С. 218, 220, 223–225, 229–234; Иванов П. А. Указ. соч. С. 263–268, 274–275, 301, 304, 307, 309–312; Данилевич В. Е. Указ. соч. С. 177–211, 237; и др.

^{dlxxxv} Багалея Д. И. Указ. соч. С. 301. — Ср.: Линниченко И. А. Указ. соч. С. 3, 59, 64.

^{dlxxxvi} Грушевский М. С. Указ. соч. С. 301, 310, 332–333.

- ^{dlxxxvii} Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. С. 175–177; Багалеи Д. И. Указ. соч. С. 302, 305.
- ^{dlxxxviii} Ляскоронский В. Г. Указ. соч. С. 454, 459, 461–464.
- ^{dlxxxix} Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 67, 83; Голубовский П. В. История Смоленской земли... С. 213, 222, 226–227, 277, 290.
- ^{dx} Грушевский А. С. Указ. соч. С. 69–72.
- ^{dxci} Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 67, 83; Данилевич В. Е. Указ. соч. С. 177, 192, 197, 199, 201.
- ^{dxcii} Андрияшев А. М. Указ. соч. С. 117, 153–155; Иванов П. А. Указ. соч. С. 267–272, 275. — Ср.: Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 20–25; Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 54–55, 58–60.
- ^{dxciiii} Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1; Он же. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в. М., 1894; Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884; Он же. Несколько соображений к вопросу о князе Туре. Киев, 1891; Он же. Лекции по древнейшей русской истории. Киев, 1904; Ляскоронский В. Г. Владимир Мономах и его заботы о благе Русской земли. Киев, 1892; Он же. Очерк внутреннего быта Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1906; Он же. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. Казань, 1913; Он же. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913; Он же. Главнейшие черты общественно-политической и церковно-религиозной деятельности князя Владимира Святого и его заслуг в отношении русской земли. Нежин, 1916; Довнар-Запольский М. В. Политический строй древней Руси. Вече и князь. М., 1906; Он же. Вече. Князь, его дума и администрация. Дружина и боярство // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. С. 226–268, 290–311; Данилевич В. Е. Пособие по истории древней Руси. Киев, 1913; Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. С. 32–37, 47–48; и др.
- ^{dxciiv} Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1; Михальченко С. И. М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // ВИ. 1993. № 6. С. 165–166.
- ^{dxci v} Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1; Он же. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913; Он же. Очерк истории украин-

ского народа. Киев, 1990; Он же. Історія України — Руси. Київ, 1991—1992. Т. 1–3.

^{dxv} Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). С. 58–126.

^{dxvii} Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 39–42.

^{dxviii} Там же. С. 33, 63, 66–70, 72–73, 81, 97.

^{dxvix} Там же. С. 283.

^{dx} Там же. С. 43–44, 46.

^{dxci} Там же. С. 83–97.

^{dxcii} Там же. С. 33, 63–66.

^{dxciii} Там же. С. 44–45, 50.

^{dxciiv} Ясинский М. Н. Лекции по внешней истории русского права. Киев, 1898. Вып. 1; Он же. «Село» и «вервь» Русской Правды. Киев, 1906; Он же. Закупы Русской Правды и памятники западно-русского права // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 430–465; Демченко Г. В. К вопросу об участии земских добрых людей в древнерусских судах // Там же. С. 153–175; Максимейко Н. А. Русская Правда и литовско-русское право // Там же. С. 382–395; Малиновский И. А. Древнейшая русская аристократия // Там же. С. 256–274; Максимейко Н. А. Лекции по истории русского государственного права. Харьков, 1910; Он же. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1; Малиновский И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Томск, 1903. Ч. 1; Он же. Народ и власть в русской истории. Киев, 1905; Он же. Лекции по истории русского права. Варшава, 1914. Вып. 1; То же. Ростов н/Д., 1916; и др.

^{dxv} Багалея Д. И. Русская история. М., 1914. Т. 1. С. 194–216, 279–296.

^{dxvi} Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 389.

^{dxvii} Дитятин И. И. Курс истории русского права. Харьков, 1885. С. 33–45, 77, 83, 176–177, 210, 270; Он же. Статьи по истории русского права. С. 386, 410–411.

^{dxviii} Дитятин И. И. Курс истории русского права. С. 144–145; Он же. Статьи по истории русского права. С. 395.

^{dxix} Там же. С. 391–392.

^{dx} Дитятин И. И. Курс истории русского права. С. 56, 68, 185, 194–195; Он же. Статьи по истории русского права. С. 506.

^{dxci} Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Прага, 1886; То же. Изд. 2-е, испр. и доп.

Харьков, 1888; Он же. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892.

^{dexii} Леонтович Ф. И. Краткий очерк истории русского права. Одесса, 1889. Вып. 1; Он же. История русского права. Одесса, 1892. Вып. 1.

^{dexiii} Блюменфельд Г. Ф. К вопросу о землевладении в древней России. Одесса, 1884. С. 84, 86, 89–92, 189–196.

^{dexiv} См., напр.: Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1. С. 423–426, 485.

^{dexv} Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890; Он же. История древней Руси. Варшава, 1896. Т. 1; и др.

^{dexvi} Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2-е, испр. и доп. Варшава, 1885; Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916; Спицын А. А. Русская историческая география Пг., 1917; и др.

^{dexvii} Леонтович Ф. И. История русского права. Варшава, 1902. Вып. 1.

^{dexviii} В период преподавания в Варшавском университете Ф. В. Тарановский занимался разработкой проблемы феодализма в России и поддержал основные выводы исследований Н. П. Павлова-Сильванского о феодализме на Руси XIII — первой половины XVI века, дополнив их рядом собственных положений. — См.: Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Варшава, 1902; Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). С. 150–155; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 152–153.

^{dexix} Дьячян В. Н. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава, 1882. С. 84–111.

^{dexx} Корф С. А. История русской государственности: Основные черты древнерусского государства. СПб., 1908. Т. 1; Он же. Заметка об отношениях древнерусского летописца к монархическому принципу // ЖМНП. 1909. № 7. С. 50–71; Он же. Древлянский князь Мал // Там же. 1912. № 2. С. 332–342.

^{dexxi} Шмурло Е. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1891; Лаппо И. И. Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавания. Юрьев, 1906; Он же. Конспект курса русской истории. Юрьев, 1908.

^{dexxii} Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII века). Юрьев, 1907. Т. 1; То же. Изд. 2-е.

СПб., 1908; То же. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1910; То же. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 1912.

^{dcxxiii} Там же. Изд. 2-е. С. 114, 136–154. — Вопрос о княжеских съездах, как особых учреждений или снемах, обсуждался в специальной статье Г. Г. Тельберга «Несколько замечаний о междукняжеских снемах в древней Руси» (ЖМНП. 1905. № 6. С. 332–338), установившего, вслед за В. И. Сергеевичем, что они являлись обычным средством для заключения договоров и соглашений между равными сторонами, имеющими целью какое-либо совокупное действие нескольких князей.

^{dcxxiv} См., напр.: Тарановский Ф. В. Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». Т. 1. 1909 г.; Т. 2. 1908 г. (Изд. 3-е). Юрьев, 1911. — В нем Ф. В. Тарановский принимал основные взгляды В. И. Сергеевича о древнерусском политическом строе и институте княжеской власти. — С. 44–86.

^{dcxxv} Филиппов А. Н. Лекции по истории русского права. Юрьев, 1904. Ч. 1; Он же. История русского права. Конспект лекций. М., 1905. Ч. 1. Вып. 1; Юрьев, 1906. Вып. 2–3; Он же. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Юрьев, 1907. Ч. 1; То же. Изд. 4-е, изм. и доп. Юрьев, 1912. Ч. 1.

^{dcxxvi} Пичета В. И. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923. С. 132–133.

^{dcxxvii} Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Изд. 4-е. С. 25.

^{dcxxviii} Там же. С. 153–154.

^{dcxxix} Там же. С. 167–174.

^{dcxxx} Там же. С. 175–184.

^{dcxxxi} Там же. С. 184–190.

^{dcxxxii} Там же. С. 154.

^{dcxxxiii} Для данного времени характерна нехватка специальных исследований социально-политической истории Древней Руси. Ее концептуальное изложение содержалось в основном в обобщающих трудах и курсах лекций по отечественной истории и истории русского права.

^{dcxxxiv} Кроме подробно рассмотренных, эти же эклектические взгляды были характерны и для других историков и юристов, представителей столичных и региональных научных школ, а также для авторов научно-популярных исторических работ. — См.: Лаппо-Данилевский А. С. Лекции по русской истории. СПб., 1891; Он же. Русская история. СПб., 1900; Мякотин В. А. Лекции по русской истории. СПб., 1892; Бережков М. Н. Обзор русской истории. Нежин, 1896; Рождественский С. В. Лекции по русской истории. СПб., 1903; Загоскин Н. П. Курс истории русского права. Казань, 1906. Т. 1; Он же. Конспективное изложение лекций по истории

русского права. Казань, 1907. Ч. 1; Киевская Русь / Сб. ст. под ред. В. Н. Сторожева. Изд. 2-е, испр. М., 1910. Т. 1; Строев В. Н. Систематический курс русской истории. М., 1917. Вып. 1; Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. В 4 кн. М., 1991. Кн. 1, 2; Рассказы по русской истории / Под ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевского. М., 1994. Вып. 1, 2; Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Изд. 4-е. СПб., 2002; Князьков С. А. Допетровская Русь. М., 2005; и др.

^{dcxxxv} Тельберг Г. Г. Исторические формы монархии в России. М., 1914. С. 8–9.

^{dcxxxvi} Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 212–235.

^{dcxxxvii} Федотов Г. П. Указ. соч. С. 346.

^{dcxxxviii} Астахов В. И. Указ. соч. С. 555–582; Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 686–708.

^{dcxxxix} Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // Он же. Сочинения. В 24 т. М.; Л., 1925. Т. 20. С. 50–88.

^{dexli} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1979. Т. 3. С. 199, 314; Сахаров А. М. Указ. соч. С. 245–246; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 164–167; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. В. И. Ленин и некоторые проблемы истории Киевской Руси // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1970. № 8. Вып. 2. С. 84–90.

^{dexli} Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблемы отечественной истории периода феодализма // ВИ. 1962. № 1. С. 34–66; Он же. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России // ИСССР. 1967. № 6. С. 77–99; Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // ИСССР. 1962. № 1. С. 52–73; Он же. Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // ВИ. 1967. № 12. С. 53–72; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Дербин Е. Н. Характер княжеской власти в домонгольской Руси (IX–XIII вв.) в советской историографии // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 2001. Ч. 2. С. 20–22; Он же. К вопросу об институте княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в отечественной историографии (середины 1930-х — первой половины 1950-х гг.) // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска: Материалы конференции. Ижевск, 2005. Ч. 1. С. 157–159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

^{dexlii} Шахматов М. В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Кн. 1. Начало соборности. Кн. 2. Начало единоличной власти. Прага, 1927; Одинец Д. М. Княжое и земское право Древней Руси // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 287–290; Зайцев К. И. Киевская Русь. Харбин, 1942; Ковалевский П. Е. Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. Париж, 1946. Ч. 1–2; Рязановский В. А. Обзор русской культуры. Нью-Йорк, 1947. Ч. 1; Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952; Пушкирев С. Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985; Он же. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993; Вернадский Г. В. Русская история / Пер. с англ. В. С. Антонова, М. М. Гурвиц. М., 1997; Он же. История России. Древняя Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана. Тверь; М., 1999. Т. 1; Он же. История России. Киевская Русь. / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь; М., 1999. Т. 2; Он же. Начертание русской истории. СПб., 2000; Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. В 4 т. СПб., 2000. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства; Он же. История России. 862—1917. М., 2001; и др. — См. также: Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 156–181; Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 104–113; Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. С. 102–106; Дербин Е. Н. Институт княжеской власти в домонгольской Руси (IX — начала XIII вв.) в русской зарубежной историографии // Шестая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. Ижевск, 2003. С. 57–58.

^{dexliii} Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; Он же. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Он же, Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; Он же. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственной, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992; Он же. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; Он же. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001; Он же. Начало христианства на Руси.

Ижевск, 2003; Дворниченко А. Ю. Городская община и князь в Древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 140–146; Он же. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 82–92; Он же. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 3. Историческая этнография. Л., 1985. С. 117–124; Он же. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1988. № 1. С. 58 – 73; Он же. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; Он же. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С.; Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община в Северо-Восточной Руси в XII — начале XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 111–123; Он же. Социальная борьба и проблемы генезиса феодальных отношений в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII века // ВИ. 1988. № 8. С. 49–63; Он же. Археологические и фольклорные данные о борьбе городов Северо-Восточной Руси в начале XIII в. // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. С. 117–125; Он же. О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995; Он же. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 1999; Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина, 2003; Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Михайлова И. Б. К вопросу о социальном статусе южнорусских порубежных городов в домонгольский период // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 94–101; Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв. / Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. Истории, языка, литературы. 1985. Вып. 4. № 23. С. 13–21; Петров А. . Княжеская власть на Руси X—XII вв. в новейшей отечественной историографии (1970—1980) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 82–90; Он же. К вопросу о внутривластной борьбе в Великом Новгороде XII — начале XIII вв. // Там же. Вып. 9. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 71–81; Он же. Соци-

ально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Там же. Вып. 11. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 25–41; Он же. Вечевой Новгород // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 95–132; Он же. О вечевом народовластии в древнем Новгороде (к постановке проблемы) // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 57–70; Он же. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003; Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посвящ. 20-летнему юбилею УдГУ, 23 окт. 1992 г., Ижевск, 1993. С. 21–44; Он же. К вопросу об этапах становления древнерусской государственности // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994. С. 6–11; Он же. У истоков восточнославянской государственности. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 5–48, 49–94; Он же. Этапы становления и развития древнерусской государственности // Государство и общество: проблемы феодализма и самоуправления. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 14–15 января 1999 г. Ижевск, 1999. С. 8–14; Он же. О феодализме в России // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. № 3–4. С. 187–219; Он же. Главные черты политического строя Киевской Руси X—XI вв. // Исследования по русской истории. СПб.; Ижевск, 2001. С. 19–47; Дербин Е. Н. Фроянов И. Я. и проблема института княжеской власти в Древней Руси // Исследования по русской истории и культуре. М., 2006. С. 49–55; и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Абаза В. А. История России. СПб., 1893. 321 с.
2. Абаза В. А. История России для учащихся. СПб., 1885. Ч. 1. 243 с.
3. Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. 1008 с.
4. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 1. 632 с.; То же. Изд. 2-е. М., 1889. Т. 1. 600 с.
5. Андреевский И. Е. История русского права. Лекции, читанные в 1863/4 акад. году. СПб., 1864. Т. 1. 192 с.
6. Андреевский И. Е. История русского права. СПб., 1880. Т. 1. 724 с.
7. Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Гогландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855. 106 с.
8. Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. 156 с.
9. Андреевский И. Е. О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854. 142 с.
10. Андреевский И. Е. Русское государственное право. СПб., 1866. Т. 1. 496 с.
11. Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. 232 с.
12. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. 352 с.

13. Аристов Н. Я. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни // ВУИ. 1870. № 1.
14. Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. 324 с.
15. Артемьев А. А. Краткое начертание Римских и Российских прав с показанием купно обоих равномерно, как и чиноположения оных историй. М., 1777. 190 с.
16. Архив кн. Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. 328 с.
17. Арцыбашев Н. С. Два съезда князей, или конец XII столетия в России // ВЕ. 1824. № 12. С. 241–278.
18. Арцыбашев Н. С. Замечания на II том «Истории государства Российского» // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 29–67.
19. Арцыбашев Н. С. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания // Московский вестник. 1828. Ч. 11. № 19/20. С. 285–318; Ч. 12. № 21/22. С. 52–91; № 23/24. С. 254–285.
20. Арцыбашев Н. С. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным, 2-го издания, иждивением братьев Слениных. СПб., 1818 года // Казанский вестник. 1822. Ч. 5. № 5. С. 2–30; Ч. 6. № 9. С. 45–67; № 11. С. 145–172; 1823. Ч. 7. № 1. С. 15–45; № 2. С. 77–107.
21. Арцыбашев Н. С. Первый и последний ответ на псевдокритику // ВЕ. 1826. № 2. С. 106–118.
22. Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 1. 69 с.; Кн. 2. 375 с.
23. Арцыбашев Н. С. Приступ к повести о русских. СПб., 1811. 209 с.
24. Багaley Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. 310 с.
25. Багaley Д. И. Русская история. М., 1914. Т. 1. 513 с.
26. Байер (Бейер) Т. Г. 3. Сочинение о варягах / Пер. с лат. К. Кондратовича. СПб., 1767. 56 с.
27. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Изд. 2-е. М., 1830. Ч. 1. 360 с.
28. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2-е, испр. и доп. Варшава, 1885. 371 с.
29. Бахметева А. Н. Рассказы из русской церковной истории. М., 1883. Ч. 1. 446 с.; То же. М.: Современник, 1995. 462 с.
30. Беллярминов И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. 384 с.

31. Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // ЖМНП. 1886. № 1. С. 68–127.
32. Белов Е. А. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895. 480 с.
33. Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. 368 с.
34. Беляев И. Д. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1. Соч. Сергея Соловьева // Москвитянин. 1851. № 18. Кн. 2. С. 335–423; № 19–20. С. 601–624; № 24. Кн. 2. С. 587–596; 1852. № 2. Кн. 2. С. 45–52.
35. Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. 640 с.
36. Беляев И. Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 2002. 419 с.
37. Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858. 140 с.
38. Беляев И. Д. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского. М., 1848. 32 с.
39. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1. 396 с.; То же. М., 1864. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. 628 с.; То же. М., 1867. Кн. 3. История Пскова и Псковской земли. 443 с.; То же. М., 1872. Кн. 4. История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. 456 с.
40. Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород. М., 1850. 102 с.
41. Беляев И. Д. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород. М., 1852. 160 с.
42. Бережков М. Н. Обзор русской истории. Нежин, 1896. 265 с.
43. Берлинский М. Ф. Краткая Российская история, для употребления юношеству, начинающему обучаться истории, продолженная до исхода XVIII столетия. М., 1800. 154 с.
44. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. 246 с., 480 с.
45. Блюменфельд Г. Ф. К вопросу о землевладении в древней России. Одесса, 1884. 466 с.
46. Богданович И. Ф. Собрание сочинений и переводов. М., 1810. Ч. 5. 228 с.
47. Богословский М. М. Учебник русской истории. Изд. 4-е. М., 1917. Ч. 1. 112 с.
48. Болтин И. Н. Критические примечания на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. 352 с.

49. Болтин И. Н. Критические примечания на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. 479 с.
50. Болтин И. Н. Ответ на Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. 181 с.; То же. Изд. 2-е. СПб., 1793. 160 с.
51. Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. 615 с.; То же. СПб., 1788. Т. 2. 558 с.
52. Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. 421 с.
53. Брусилов Н. П. Историческое рассуждение о начале Русского государства // ВЕ. 1811. Ч. 55. № 4.
54. Булгарин Ф. В. Замечания на статью, помещенную в № 11 «Вестника Европы» под заглавием «Исторические справки» // Северный архив. 1825. Ч. 16. С. 151–172.
55. Булгарин Ф. В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий / Н. А. Иванов. СПб., 1837. Истории. Ч. 3. 338 с.
56. Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. 464 с.
57. В. К. Обзорение Российской истории в вопросах и ответах. М., 1824. 73 с.
58. Васильев И. В. Историческое известие о поместьях и вотчинах в России // ВЕ. 1823. № 12. С. 278–285.
59. Васильев И. В. Краткая история государства Российского для начинающих. Изд. 2-е, испр. М., 1830. 135 с.
60. Вегелин И. Ф. Начертание Российской истории для употребления юношества и особенно сей империи / Пер. с фр. М., 1807. 214 с.
61. Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана. Тверь, М., 1999. Т. 1. 448 с.
62. Вернадский Г. В. История России. Киевская Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь, М., 1999. Т. 2. 448 с.
63. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000. 320 с.
64. Вернадский Г. В. Русская история / Пер. с англ. В. С. Антонова, М. М. Гурвиц. М.: Аграф, 1997. 544 с.
65. Вишняков Е. И., Пичета В. И. Очерки русской истории. М., 1908. 267 с.
66. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. 640 с.

67. Воейков А. Ф. Мои мысли о критике сочинителя «Истории русского народа» на «Историю государства Российского» // Славянин. 1829. Ч. 12. № 48 / 49. С. 375–394.
68. Водовозов В. И. Рассказы из русской истории. СПб., 1861. Вып. 1. 259 с.
69. Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской губернии, разделенное на пять периодов, в виде летописца. М., 1822. 405 с.
70. Гагемейстер Ю. А. Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833. 247 с.
71. Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Изд. 2-е. М., 1817. Ч. 1. 161 с.; То же. Ч. 2. 186 с.
72. Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 1. 443 с.
73. Голицын А. И. Ядро хронологическое истории всемирной, от начала света до кончины Екатерины II. М., 1804. Ч. 1. 408 с.
74. Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. 203 с.
75. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. 334 с.
76. Голубовский П. В. Лекции по древнейшей русской истории. Киев, 1904. 225 с.
77. Голубовский П. В. Несколько соображений к вопросу о князе Туре. Киев, 1891. 24 с.
78. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. 254 с.
79. Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. М., 1898. Т. 2. С. 211–285.
80. Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода (988—1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. 562 с.
81. Готье Ю. В. Лекции по русской истории. М., 1907. 463 с.
82. Готье Ю. В. Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. 208 с.
83. Градовский А. Д. Государственный строй Древней России // ЖМНП. 1868. № 10. С. 101–143.
84. Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. 527 с.

85. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. 436 с.; СПб., 1876. Т. 2. 355 с.; СПб., 1881. Т. 3. 187 с.
86. Градовский А. Д. Собрание сочинений. В 9 т. СПб., 1899. Т. 1. 421 с.
87. Градовский А. Д. Сочинения. СПб.: Наука, 2001. 512 с.
88. Градовский А. Д. Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты. СПб., 1880. 460 с.
89. Грибовский В. М. Древнерусское право. Пг., 1915. Вып. 1. 131 с.
90. Грушевский А. С. Пинское Полесье: Исторические очерки. Ч. 1. Очерк истории Турово-Пинского княжества. XI—XIII вв. Киев, 1901. 78 с.
91. Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913. 536 с.
92. Грушевський М. С. Історія України — Руси. У 11 т. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 1. 736 с.; Київ, 1992. Т. 2. 640 с.; Київ, 1992. Т. 3. 592 с.
93. Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. 490 с.
94. Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. 520 с.; То же. Изд. 2-е, репринт. Киев, 1991. 560 с.
95. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. 400 с.
96. Губе И. История древнего наследственного права у славян / Пер. с нем. А. Бакунина // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1. С. 59–95.
97. Гусятников М. Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным. О титуле великого князя // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 203–209.
98. Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. 260 с.
99. Данилевич В. Е. Пособие по истории древней Руси. Киев, 1913. 330 с.
100. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. 576 с.
101. Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Эпизод из истории Южной Руси в XIII и XIV столетиях. Киев, 1876. 61 с.
102. Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. 159 с.
103. Дворниченко А. Ю. Городская община и князь в Древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 140–146.

104. Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 3. Историческая этнография. Л., 1985. С. 117–124.

105. Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

106. Дворниченко А. Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 82–92.

107. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993. 240 с.

108. Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1988. № 1. С. 58–73.

109. Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903. 440 с.

110. Дебольский Н. Н. Древнерусские междукняжеские отношения по договорам // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 34–70.

111. Демченко Г. В. К вопросу об участии земских добрых людей в древнерусских судах // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 153–175.

112. Дерикер В. Краткая история России. СПб., 1866.

113. Дитятин И. И. Курс истории русского права. Харьков, 1885. 440 с.

114. Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1896. 631 с.

115. Дмитриев М. А. О противниках и защитниках историографа Карамзина. Писано по случаю замечаний на «Историю государства Российского», помещенных в «Московском вестнике» // Атеней. 1829. № 3. С. 295–312; № 4. С. 424–444; № 5. С. 524–535.

116. Довнар-Запольский М. В. Вече. Князь, его дума и администрация. Дружина и боярство // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. С. 226–268, 290–311.

117. Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. 366 с.

118. Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. 170 с.

119. Довнар-Запольский М. В. Политический строй древней Руси. Вече и князь. М., 1906. 64 с.
120. Доленга-Ходаковский З. Я. Розыскания касательно русской истории // ВЕ. 1819. Ч. 107. № 19. С. 275–302.
121. Доленга-Ходаковский З. Я. Проект ученого путешествия по России // ВЕ. 1820. Ч. 113. № 17. С. 30–56; № 18. С. 99–118.
122. Доленга-Ходаковский З. Я. О Гиляй-городе // Северный архив. 1823. Ч. 5. С. 369–371.
123. Доленга-Ходаковский З. Я. Опыт изъяснения слова «князь» // Северный архив. 1824. Ч. 10. С. 219–241.
124. Доленга-Ходаковский З. Я. Путевые заметки // ЖМНП. 1838. Ч. 20. № 12. С. 479–527.
125. Домбровский В. Ф. Очерк города Чернигова и его области в древнее и новое время. Киев, 1846. 49 с.
126. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII века). Юрьев, 1907. Т. 1. 511 с.; То же. Изд. 2-е. СПб., 1908. 511 с.; То же. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1910. 522 с.; То же. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 1912. 489 с.
127. Дьячан В. Н. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава, 1882. 192 с.
128. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. 422 с.
129. Евгений (Болховитинов Е. А.). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. 99 с.
130. Евгений (Болховитинов Е. А.). История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. В 4 ч. Киев, 1831. Ч. 1. 322 с.; Ч. 2. 144 с.; Ч. 3. 172 с.; Ч. 4. 192 с.
131. Евгений (Болховитинов Е. А.). Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска. СПб., 1825. 62 с.
132. Евстигнеев М. Е. Тысячелетняя слава русской земли. М., 1874. 48 с.
133. Екатерина II. Записки касательно Российской истории. СПб., 1801. Ч. 1. 416 с.; То же. Ч. 2. 375 с.; То же. Ч. 3. 397 с.; То же. Ч. 4. 424 с.; То же. Ч. 5. 277 с.; То же. Ч. 6. 293 с.
134. Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. 1. 471 с.
135. Елисеев Г.З. 862—1862, или Тысячелетие России // Свисток. 1862. № 1. С. 13–42.
136. Елисеев Г. З. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Он же. Сочинения. М., 1894. Т. 1. С. 84–126.

137. Елисеев Г. З. (Грыцько). Исторические очерки // Современник. 1860. № 11. С. 61–84.
138. Елисеев Г. З. (Грыцько). Участие общины в суде по Русской Правде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачевым. СПб., 1863. Кн. 5. С. 97–160.
139. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990. 416 с.
140. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. 244 с.
141. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. 647 с.; М., 1879. Ч. 2. 503 с.
142. Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. 336 с.
143. Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1. 512 с.
144. Загоскин Н. П. Конспективное изложение лекций по истории русского права. Казань, 1907. Ч. 1. 300 с.
145. Загоскин Н. П. Курс истории русского права. Казань, 1906. Т. 1. 336 с.
146. Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. 221 с.
147. Зайцев К. И. Киевская Русь. Харбин, 1942. 446 с.
148. Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. 458 с.
149. Захарьин П. М. Новый Синописис, или краткое описание о происхождении славенороссийского народа. Владычествование всероссийских государей в Нове городе, Киеве, Владимире и Москве. Николаев, 1798. 359 с.
150. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. 327 с.
151. Зотов Р. М. Военная история Российского государства // Он же. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1996. Т. 4. С. 5–464.
152. Зубарев Д. Е. В защиту новейших критических замечаний (Ответ на статью, помещенную в № 15 «Московского телеграфа» под названием «О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным») // ВЕ. 1825. Ч. 145. № 21. С. 17–29.
153. Зубарев Д. Е. Исторические справки // ВЕ. 1825. Ч. 140. № 11. С. 187–217.

154. Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1852. Ч. 1. 210 с.
155. Зубрицкий Д. И. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси / Пер. с польск. О. Бодянского. М., 1845. 420 с.
156. Иванишев Н. Д. Сочинения. Киев, 1876. 456 с.
157. Иванов Н. А. Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их. Казань, 1843. 340 с.
158. Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. 318 с.
159. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. М., 1952. Т. 1. 712 с.
160. Иловайский Д. И. История России. Начало Руси. М., 1996. Т. 1. 496 с.
161. Иловайский Д. И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. Т. 2. 736 с.
162. Иловайский Д. И. Очерки отечественной истории. М., 1995. 512 с.
163. Иловайский Д. И. Рязанское княжество. М., 1997. 512 с.
164. Ишимова А. И. История России в рассказах для детей. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1841. Ч. 1. 269 с.; То же. М., 1995. 576 с.
165. Кавелин К. Д. История российского законодательства // Река Времен (Книга истории и культуры). М., Река Времен, 1995. Кн. 3. С. 57–128.
166. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. 656 с.
167. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. В 4 т. Изд. 3-е. СПб., 1904. Т. 1. 1052 с.
168. Кайданов И. К. Краткое начертание Российской истории. СПб., 1834. 81 с.
169. Кайданов И. К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829. 472 с.
170. Калачов (Калачев) Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. 158 с.; То же. Изд. 2-е. СПб., 1880. Вып. 1. 263 с.
171. Капустин С. Я. Древнее русское поручительство // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 279–340.
172. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 128 с.
173. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 640 с.; М., 1991. Т. 2–3. 832 с.

174. Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849. 202 с.
175. Каченовский М. Т. Из рассуждений о Русской Правде // Ученые записки имп. Московского университета. 1835. № 3. С. 351–388; № 4. С. 3–27.
176. Каченовский М. Т. Мой взгляд на Русскую Правду // ВЕ. 1829. № 13. С. 23–29; № 14. С. 99–113; № 15. С. 278–191; № 16. С. 274–285.
177. Каченовский М. Т. О баснословном времени в Российской истории // Ученые записки имп. Московского университета. М., 1833. Ч. 1. № 2. С. 273–298.
178. Каченовский М. Т. От Киевского жителя к его другу // ВЕ. 1819. Ч. 103. № 2. С. 117–132; № 3. С. 197–210; № 4. С. 289–298; № 5. С. 45–53; Ч. 104. № 6. С. 115–136.
179. Киевская Русь / Сб. ст. под ред. В. Н. Сторожева. Изд. 2-е, испр. М., 1910. Т. 1. 664 с.
180. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX—XIX ст. М., 1910. 155 с.; То же. Изд. 2-е. Пг., 1917. 119 с.
181. Киреевский И. В. Критика и эстетика. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1998. 464 с.
182. Киреевский П. В. О древней русской истории. Письмо к М. П. Погдину // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 3. С. 11–46.
183. Клеванов А. С. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849. 220 с.
184. Клеванов А. С. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1871. 498 с.
185. Клеванов А. С. О феодализме на Руси. М., 1848. 28 с.
186. Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994. 570 с.
187. Ключевский В. О. История сословий в России // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 225–391.
188. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. 192 с.
189. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1987. Т. 1. 432 с.
190. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 2. 448 с.
191. Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872—1875 гг. М., 1997. 816 с.
192. Ключевский В. О. Наброски по варяжскому вопросу // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 136–148.

193. Ключевский В. О. Терминология русской истории // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 94–224.
194. Князьков С. А. Допетровская Русь. М., 2005. 416 с.
195. Ковалевский П. Е. Исторический путь России. Синтез русской истории по новейшим данным науки. Париж, 1946. Ч. 1. 95 с.; Ч. 2. 51 с.
196. Константинов Е. К. Учебная книга истории государства Российского. СПб., 1820. Ч. 1. 267 с.
197. Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань, 1872. 246 с.
198. Корф С. А. Древлянский князь Мал // ЖМНП. 1912. № 2. С. 332–342.
199. Корф С. А. Заметка об отношениях древнерусского летописца к монархическому принципу // ЖМНП. 1909. № 7. С. 50–71.
200. Корф С. А. История русской государственности: Основные черты древнерусского государства. СПб., 1908. Т. 1. 273 с.
201. Костомаров Н. И. Автобиография // Он же. Русские нравы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 5. С. 433–652.
202. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 2. 768 с.
203. Костомаров Н. И. Две русские народности // Он же. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 4. С. 41–83.
204. Костомаров Н. И. Князь Владимир Мономах и козак Богдан Хмельницкий // Он же. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 8. С. 384–394.
205. Костомаров Н. И. Кто виноват в Смутном времени? И. Е. Забелину // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 563–589.
206. Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1 // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 297–370.
207. Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Он же. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 4. С. 5–40.
208. Костомаров Н. И. Начало единой державы в Древней Руси // Он же. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 6. С. 131–238.
209. Костомаров Н. И. О значении великого Новгорода в русской истории // Он же. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 4. С. 239–258.

210. Костомаров Н. И. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории. // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 273–296.

211. Костомаров Н. И. Об отношении русской истории к географии и этнографии // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 424–440.

212. Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Он же. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 6. С. 5–130.

213. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. Господство дома Св. Владимира // Он же. Русь крещеная. Исторические монографии и исследования. М., Смоленск, 1996. Т. 13. 640 с.

214. Костомаров Н. И. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. Т. 16. Доп. 608 с.

215. Костомаров Н. И. Самозванцы и пророки. Исторические монографии и исследования. М., 1997. Т. 17. Доп. 512 с.

216. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки // Он же. Русская республика. Исторические монографии и исследования. М., Смоленск, 1994. Т. 9. 544 с.

217. Костомаров Н. И. Старинные Земские Соборы // Он же. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. Т. 12. С. 5–64.

218. Костомаров Н. И. Тысячелетие // Он же. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. Т. 16. Доп. С. 594–602.

219. Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Он же. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. Т. 4. С. 84–195.

220. Кошелев А. И. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. 85 с.

221. Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862. 60 с.

222. Кошелев А. И. Наше положение. Берлин, 1875. 191 с.

223. Кошелев А. И. Общая Земская дума в России. Берлин, 1875. 107 с.

224. Кошелев А. И. Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875. 119 с.

225. Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799.

226. Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784. Ч. 1. 69 с.
227. Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина: Изд-во Салезианского центра Дон Боско, 2003. 235 с.
228. Кривошеев Ю. В. Археологические и фольклорные данные о борьбе городов Северо-Восточной Руси в начале XIII в. // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. С. 117–125.
229. Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII — начале XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Межвузовский сборник / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1988. С. 111–123.
230. Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995. 98 с.
231. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 1999; Изд. 2-е. СПб., 2003.
232. Кривошеев Ю. В. Социальная борьба и проблемы генезиса феодальных отношений в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII века // ВИ. 1988. № 8. С. 49–63.
233. Кривошеев Ю. В. Элементы традиционного сознания в социальных противоречиях 1175 г. во Владимирской земле // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 84–92.
234. Курас Г. Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением краткой Российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества / И. С. Барков. СПб., 1762. 390 с.
235. Кури В. О прямых налогах в древней Руси // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 105–152.
236. Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. 230 с.
237. Лакиер А. Б. О службе в России до времен Петра Великого. СПб., 1850. 68 с.
238. Лаппо И. И. Конспект курса русской истории. Юрьев, 1908. 64 с.
239. Лаппо-Данилевский А. С. Лекции по русской истории. СПб., 1891. 157 с.
240. Лаппо-Данилевский А. С. Русская история. СПб., 1900. 481 с.

241. Латкин В. Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1892. 582 с.
242. Латкин В. Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912. 500 с.
243. Лашнюков И. В. О междукняжеских и общественных отношениях в древнейшем периоде нашей истории от призвания варяго-русов до смерти Ярослава // Речи, произнесенные в торжественных собраниях лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии в 1854 и 1855 уч. годах. Киев, 1856. С. 1–31.
244. Лелевель И. Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. Ч. 4. С. 402–434, 458–471, 486–506; 1823. Ч. 5. С. 91–100; Ч. 8. С. 52–80, 147–160, 287–297; 1824. Ч. 9. С. 41–57, 91–103, 163–172; Ч. 11. С. 132–143, 187–197; Ч. 12. С. 47–53.
245. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1979. Т. 3. 791 с.
246. Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 6. С. 201–224; № 7. С. 120–151; № 8. С. 194–233.
247. Леонтович Ф. И. История русского права. Варшава, 1902. Вып. 1. 598 с.
248. Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1869. Вып. 1. 154 с.
249. Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1892. Вып. 1. 81 с.
250. Леонтович Ф. И. Краткий очерк истории русского права. Одесса, 1889. Вып. 1. 91 с.
251. Леонтович Ф. И. Лекции по внутренней истории русского права. Одесса, 1874. Ч. 1. 120 с.; Ч. 2. 133 с.
252. Лешков В. Н. Общинный быт древней России. СПб., 1856. 137 с.
253. Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. 612 с.
254. Лимберт А. Предметы ведомства «Веча» в княжеский период древней России // ВУИ. 1877. № 1. С. 1–24; № 2. С. 25–119; № 3. С. 120–179.
255. Линниченко И. А. Вече в Киевской области. Киев, 1881. 65 с.
256. Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1. 240 с.
257. Линниченко И. А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в. М., 1894. 240 с.

258. Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. 807 с.
259. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. 692 с.
260. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. 405 с.
261. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915. 306 с.; То же. Изд. 4-е, доп. СПб., 2000. 490 с.
262. Ляскоронский В. Г. Владимир Мономах и его заботы о благе Русской земли. Киев, 1892. 43 с.
263. Ляскоронский В. Г. Главнейшие черты общественно-политической и церковно-религиозной деятельности князя Владимира Святого и его заслуг в отношении русской земли. Нежин, 1916. 23 с.
264. Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. 486 с.; То же. Изд. 2-е. Киев, 1903. 422 с.
265. Ляскоронский В. Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. 328 с.
266. Ляскоронский В. Г. Очерк внутреннего быта Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1906. 91 с.
267. Ляскоронский В. Г. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. Казань, 1913. 16 с.
268. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. 640 с.
269. Максимейко Н. А. Лекции по истории русского государственного права. Харьков, 1910. 159 с.
270. Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. 217 с.
271. Максимейко Н. А. Русская Правда и литовско-русское право // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 382—395.
272. Малинин Н. П. История России для народа. М., 1879. 426 с.
273. Малиновский И. А. Древнейшая русская аристократия // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 256—274.

274. Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. Варшава, 1914. Вып. 1. 293 с.
275. Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д., 1916. 358 с.
276. Малиновский И. А. Народ и власть в русской истории. Киев, 1905. 68 с.
277. Малиновский И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Томск, 1903. Ч. 1. 201 с.
278. Мальгин Т. С. Зерцало Российских государей от Р. Х. с 862 по 1794 г. СПб., 1794. 632 с.
279. Манкиев А. И. (Хилков А. Я.). Ядро Российской истории. М., 1770. 392 с.
280. Мартыянов П.А. Народ и государство. Лондон, 1862. 68 с.
281. Мейер Д. И. Древнее русское право залога // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 219–278.
282. Микешин К. О. Русская история. М., 1865.
283. Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Ч. 2.
284. Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших / Пер. с нем. И. Долинского. Изд. 2-е. СПб., 1788. 131 с.
285. Миллер Г. Ф. (Ф. И.). Происхождение народа и имени Российского. СПб., 1749. 56 с.
286. Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. 448 с.
287. Милоков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д., 1905. 23 с.
288. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. 223 с.
289. Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. СПб., 1848. 134 с.
290. Михайлов М. М. История русского права. СПб., 1871. 686 с.
291. Михайлова И. Б. К вопросу о социальном статусе южнорусских порубежных городов в домонгольский период // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Межвузовский сборник / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1988. С. 94–101.

292. Молчановский Н. В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. 388 с.
293. Морошкин Ф. Л. О владении по началам российского законодательства. М., 1837. 237 с.
294. Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. М., 1881. Вып. 1. 200 с.; М., 1885. Вып. 2. 297 с.
295. Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского права. М., 1892. 322 с.
296. Мрочек-Дроздовский П. Н. О древнерусской дружине по былинам. М., 1897. 89 с.
297. Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Ч. 2. 409 с.
298. Муравьев Н. М. Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. С. 582–598.
299. Муравьев Н. Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828. 55 с.
300. Мушин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. 64 с.
301. Мякотин В. А. Лекции по русской истории. СПб., 1892. 468 с.
302. Надеждин Н. И. Предназначение исторически-критического исследования древнерусской системы уделов // Труды и летописи ОИДР. М., 1830. Ч. 5, 8.
303. Надеждин Н. И. Сочинения в двух томах. СПб., 2000. Т. 1–2. 976 с.
304. Неволин К. А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1. 456 с.; Т. 2. 452 с.; Т. 3. 546 с.
305. Неволин К. А. О преемстве велико-княжеского Киевского престола. СПб., 1851. Ч. 1. 46 с.; Ч. 2. 30 с.
306. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т. 1. 501 с.; Т. 2. 513 с.; Т. 3. 444 с.; Т. 4. 446 с.; СПб., 1858. Т. 5. 524 с.; СПб., 1859. Т. 6. 643 с.
307. Нейман И. О жилищах древнейших руссов / Пер. с нем. М. П. Погодина; Предисл. И. Ф. Г. Эверса; Критический разбор оного (сочинения) М. П. Погодина. М., 1826. 110 с.
308. Нейман И. Уставы и управление Новгорода в средние веки // ЖМНП. 1840. № 7. С. 3–25.
309. Нехачин И. В. Новое ядро Российской истории, от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора

Александра Первого, на пять периодов разделенное. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1809. Ч. 1. 512 с.

310. Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. В 4 кн. М., 1991. Кн. 1. 316 с.; Кн. 2. 488 с.

311. Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. 306 с.

312. Никитский А. И. Теория родового быта в древней Руси // ВЕ. 1870. Кн. 7. № 8. С. 425–466.

313. Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. 344 с.

314. Новиков И. Краткая Российская история, в пользу и употребление российского юношества, из достоверных российских писателей собранная. М., 1803. 72 с.

315. Обозрение Российской империи от основания российского государства до победоносных времен России, от 862 года по 1462 год // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 13, 14.

316. Одинец Д. М. Княжое и земское право Древней Руси // Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 287–290.

317. Орлов Я. Дух Российских государей Рюрикова дома, существенное изображение россиян, и всех других европейских народов история, политика и вообще просвещение, со времени падения древняя Римская империя до Вестфальского мира, или утверждения свободы всех вероисповеданий. СПб., 1818. Ч. 1. 230 с.

318. Острогорский М. Я. История России с картинками для народных училищ. Изд. 5-е, испр. и доп. СПб., 1879. 90 с.; То же. М., Екатеринбург, 1992. 112 с.

319. Павлов П. В. Тысячелетие России. Краткий очерк отечественной истории. СПб., 1863. 187 с.

320. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. М., 2000. 288 с.

321. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Изд. 2-е. М., 1923. 186 с.

322. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. 696 с.

323. Павлович Б. А. Как началось Русское царство. От начала Руси до крещения. СПб., 1875. 46 с.

324. Павлович Б. А. Рассказы из русской истории. СПб., 1873. 341 с.

325. Пассек В. В. Исторические изыскания Соловьева в сравнении с историческими данными. СПб., 1852. 184 с.

326. Пассек В. В. Княжеская и докняжеская Русь. М., 1870 // Он же. Исследования в области русской истории. М., 1870. 158 с.
327. Пассек В. В. Новгород сам в себе. М., 1869 // Он же. Исследования в области русской истории. М., 1870. 187 с.
328. Пассек В. В. Общий очерк периода уделов. М., 1868 // Он же. Исследования в области русской истории. М., 1870. 29 с.
329. Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. 218 с.
330. Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв. / Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. Истории, языка, литературы. 1985. Вып. 4. № 23. С. 13–21.
331. Петров А. В. Вечевой Новгород // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 95–132.
332. Петров А. В. К вопросу о внутривластной борьбе в Великом Новгороде XII — начале XIII вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы / Под. ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 71–81.
333. Петров А. В. О вечевом народовластии в древнем Новгороде (к постановке проблемы) // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск, 2001. С. 57–70.
334. Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. 352 с.
335. Петров А. В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Межвузовский сборник / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1988. С. 25–41.
336. Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1890. 376 с.
337. Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Бессарабия. Историческое описание / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1892. 177 с.
338. Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1888. 288 с.
339. Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Подолия. Историческое описание / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1891. 264 с.

340. Петров Н. И., Городецкий М. И. и др. Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья / Сост. и изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1887. 216 с.

341. Петрушевский А. Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. СПб., 1866. 256 с.; То же. Ярославль, 1994. 304 с.

342. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996. 839 с.

343. Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. 286 с.

344. Погодин М. П. Взгляд на русскую историю // Ученые записки имп. Московского университета. 1833. Ч. 1. № 1.

345. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. В 2 т. М., 1999. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 528 с.

346. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1. 494 с.; То же. М., 1846. Т. 2. 426 с.; То же. М., 1846. Т. 3. 547 с.; То же. М., 1850. Т. 4. 448 с.; То же. М., 1855. Т. 6. 370 с.; То же. М., 1856. Т. 7. 483 с.; То же. М., 1857. Т. 5. 464 с.

347. Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1. 447 с.; То же. М., 1867. Кн. 2. 543 с.

348. Погодин М. П. Исторические афоризмы // Тайны истории. М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний. Сборник / Сост., вступ. ст. В. М. Соловьева. М., 1994. С. 15–75.

349. Погодин М. П. История русского народа. Сочинение Н. Полевого. Т. 1 // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 1–4. С. 164–190.

350. Погодин М. П. Краткое начертание русской истории. М., 1838. 114 с.

351. Погодин М. П. Начертание русской истории. Для училищ. М., 1835. 323 с.; То же. Для гимназий. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1837. 408 с.

352. Погодин М. П. Нестор. Историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. 231 с.

353. Погодин М. П. Нечто о толковании одного места в Несторе // ВЕ. 1824. № 4. С. 260–264.

354. Погодин М. П. Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале Российского государства // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 4. С. 483–490.

355. Погодин М. П. Нечто против опровержений г. Лелевеля // ВЕ. 1824. № 5. С. 14–29.

356. Погодин М. П. Норманский период русской истории. М., 1859. 215 с.
357. Погодин М. П. О договорах Русских князей, Олега, Игоря и Святослава, с Греками // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Т. 1. Кн. 4. С. 98–137.
358. Погодин М. П. О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825. 177 с.
359. Погодин М. П. Отрывок из Российской истории // ЖМНП. 1834. № 12.
360. Погодин М. П. Очерк русской истории // Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 1.
361. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1–2 // Он же. Избранные произведения. В 4 кн. М., 1966. Кн. 1. 726 с.; То же. М., 1910. Т. 1.
362. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1. 284 с.; То же. Изд. 4-е, доп. М.; Л., 1925. Ч. 1. 204 с.
363. Полевой Н. А. История государства Российского (сочинение Н. М. Карамзина) // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 467–500.
364. Полевой Н. А. История русского народа. В 3 т. М.: Вече, 1997. Т. 1. 640 с.; Т. 2. 592 с.
365. Полевой Н. А. О медных капищах и медных конях, упомянутых в летописце преп. Нестора // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 52–72, 198–233.
366. Полевой Н. А. О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным // Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 15. С. 234–243.
367. Полевой Н. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846. 360 с.
368. Полевой Н. А. Обзорение хода и упадка удельной системы в России // ВЕ. 1825. № 12. С. 255–273.
369. Полевой Н. А. Рецензия на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.) / Сост., прим. А. Е. Шикло; Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1990. С. 153–170.
370. Полевой Н. А. Русская история для первоначального чтения. М., 1835. Ч. 1. 379 с.
371. Попов А. Н. Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1841. 122 с.
372. Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. СПб., 1874. 225 с.

373. Похорский Д. В. Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. М., 1819. 176 с.; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1823. 175 с.

374. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 636 с.

375. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938. 280 с.

376. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. 246 с.

377. Прокопович Ф. Слова и речи. СПб., 1765. Ч. 3. 352 с.

378. Прокопович Ф. Сочинения. М., Л., 1961. 504 с.

379. Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 1992. 383 с.

380. Пузанов В. В. Главные черты политического строя Киевской Руси X—XI вв. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2001. С. 19–47.

381. Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посвящ. 20-летию юбилею УдГУ, 23 окт. 1992 г., Ижевск / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 21–44.

382. Пузанов В. В. К вопросу об этапах становления древнерусской государственности // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докладам / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994. С. 6–11.

383. Пузанов В. В. О феодализме в России // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. № 3–4. С. 187–219.

384. Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 5–94.

385. Пузанов В. В. Этапы становления и развития древнерусской государственности // Государство и общество: проблемы феодализма и самоуправления. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 14–15 января 1999 г. / Отв. ред. М. Ю. Малышев, В. В. Пузанов. Ижевск, 1999. С. 8–14.

386. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. 416 с.

387. Пушкарев С. Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985. 176 с.

388. Пушкин А. С. История русского народа, сочинение Николая Полевого. Т. 1 // Он же. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1997. Т. 6. С. 30–36.
389. Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого // Он же. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1997. Т. 6. С. 281–284, 381.
390. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 501 с.; М.; Л., 1941. Т. 2. 500 с.; М.; Л., 1952. Т. 3. 676 с.
391. Раковецкий И. Б. О гражданстве древних славян // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1822. Ч. 19. № 7. С. 3–16.
392. Рассказы по русской истории / Под ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевского. М., 1994. Вып. 1, 2. 224 с.
393. Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / Пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836. 416 с.
394. Рождественский С. В. Лекции по русской истории. СПб., 1903. 146 с.
395. Рождественский С. Е. Краткая отечественная история в рассказах. Для начальных народных училищ и вообще для народа. СПб., 1874. 215 с.
396. Рождественский С. Е. Отечественная история. Курс средних учебных заведений. СПб., 1870. 491 с.
397. Рождественский С. Е. Отечественная история в связи со всеобщей (средней и новой). Курс средних учебных заведений. М., 1997. 528 с.
398. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). Изд. 3-е, доп. СПб., 1913. 128 с.
399. Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1903. Ч. 1. 173 с.; СПб., 1905. Ч. 2. Вып. 1. 224 с.; Вып. 2. 173 с.
400. Рожков Н. А. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV вв. // Он же. Исторические и социологические очерки. Сб. ст. М., 1906. Ч. 2. С. 27–72.
401. Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. 213 с.
402. Рожков Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904. 112 с.
403. Русская история в очерках и статьях / Сост. под ред. М. Ф. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. 608 с.
404. Русская история с древнейших времен до Смутного времени / Сб. ст. под ред. В. Н. Сторожева. М., 1898. Вып. 1. 657 с.
405. Руссов С. В. Замечания на «Историю русского народа», сочиненную Николаем Полевым. СПб., 1830. 72 с.

406. Руссов С. В. Замечания на II том «Истории русского народа», сочиненной Николаем Полевым. СПб., 1830. 64 с.
407. Руссов С. В. О критике г. Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным. СПб., 1829. 105 с.
408. Руссов С. В. Обзорение критики Ходаковского на историю Российского государства, сочиненную Н. М. Карамзиным. СПб., 1820. 130 с.
409. Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. 331 с.
410. Рязановский В. А. Обзор русской культуры. Нью-Йорк, 1947. Ч. 1. 639 с.
411. Савельев-Ростиславич Н. В. Древний и нынешний Переяславль-Залесский в историческом и статистическом отношениях. СПб., 1848.
412. Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. 608 с.
413. Самоквасов Д. Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси // ВУИ. 1886. № 1. С. 1–33; № 2. С. 34–66.
414. Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. М., 1903. 434 с.
415. Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления // ЖМНП. 1869. № 11. С. 40–105; № 12. С. 217–248.
416. Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1878. Т. 1. Вып. 1. 346 с.
417. Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1888. Кн. 1. 400 с.
418. Самоквасов Д. Я. История русского права. М., 1906. Ч. 1. 652 с.
419. Самоквасов Д. Я. История русского права. Общие законы Русской земли эпохи первых Рюриковичей. Законодательство удельных государств. М., 1901. 340 с.
420. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. Изд. 3-е, пер. и доп. М., 1908. Ч. 1. 420 с.
421. Самоквасов Д. Я. Лекции по истории русского права. М., 1896. Вып. 2. 199 с.
422. Самоквасов Д. Я. Свидетельство современных источников о военных и договорных отношениях славяноруссов с греками до владения Владимира Святославича Равноапостольного // ВУИ. 1886. № 6. С. 1–48.
423. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.) / Сост. А. Е. Шикло; Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1990. 288 с.
424. Селлий А. Б. (Никодим). Историческое зеркало Российских государей // Древняя Российская вивлиофика. СПб., 1773. Ч. 1.

425. Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867. 413 с.

426. Сергеевич В. И. Греческое и русское право в договорах с греками в X веке // ЖМНП. 1882. № 1. С. 82–115.

427. Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. 3-е, с перемен. и доп. СПб., 1908. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. 659 с.; То же. СПб., 1909. Т. 1. Территория и население. 688 с.

428. Сергеевич В. И. История русского права. СПб., 1888. 893 с.

429. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894. 382 с.; То же. Изд. 2-е, доп. СПб., 1899. 481 с.; То же. Изд. 3-е, доп. СПб., 1903. 664 с.; То же. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1910. 667 с.

430. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. 997 с.

431. Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. 708 с.

432. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. Территория и население. 517 с.; То же. СПб., 1893. Т. 2. Власти. Вып. 1. Вече и князь. 336 с.; То же. СПб., 1896. Т. 2. Власти. Вып. 2. Советники князя. С. 337–618; То же. СПб., 1903. Т. 3. Древности русского права. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. 496 с.

433. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Изд. 2-е, с перемен. и доп. СПб., 1902. Т. 1. Территория и население. 555 с.; То же. СПб., 1900. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. 618 с.; То же. СПб., 1911. Т. 3. Древности русского права. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. 496 с.

434. Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. 241 с.

435. Синописис, или Краткое описание о начале славенского народа, о первых киевских князях и о житии святого благоверного и великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и о его наследниках, даже до благочестивейшего государя царя и великого князя Феодора Алексиевича, самодержца всероссийского. Изд. 3-е. СПб., 1735. 294 с.; То же. СПб., 1836. 237 с.

436. Сиповский В. Д. Родная старина. СПб., 1879. Ч. 1. 391 с.; То же. М.: Современник, 1992. 368 с.

437. Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею. СПб., 1860. 154 с.

438. Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Прага, 1886. 103 с.; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 1888. 150 с.
439. Собестианский И. М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892. 336 с.
440. Сокращение Российской истории // Собрание сочинений, выбранных из «Месяцесловов». 1789. Ч. 3.
441. Соловьев С. М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 5–42.
442. Соловьев С. М. Исторические письма // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 353–404.
443. Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1996. Кн. 19. Доп. С. 5–338.
444. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2 // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. 800 с.
445. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3–4 // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. 768 с.
446. Соловьев С. М. Лекции по русской истории (1873/1874) // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1998. Кн. 21. Доп. С. 6–246.
447. Соловьев С. М. Начала Русской земли // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 17. С. 705–735.
448. Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. 162 с.
449. Соловьев С. М. Общедоступные чтения о русской истории // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1998. Кн. 21. Доп. С. 247–401.
450. Сонцов Д. П. Очерк истории русского народа до XVII столетия. Общинный быт Древней Руси. М., 1875. 160 с.
451. Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.:Л., 1961. 244 с.
452. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. 680 с.
453. Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Изд. 4-е. СПб., 2002. 544 с.
454. Спицын А. А. Русская историческая география Пг., 1917. 68 с.
455. Станиславский А. Г. Исследование начал ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 153–218.

456. Станюкович А. М. История России от ее основания до настоящего времени общепонятно рассказанная. М., 1875. 328 с.
457. Станюкович А. М. История Российского государства. 862—1884. М., 1884. 453 с.
458. Столыпин А. Д. Краткая история России для народного и солдатского чтения. СПб., 1869. 128 с.
459. Строев В. Н. Систематический курс русской истории. М., 1917. Вып. 1. 224 с.
460. Строев П. М. Краткая Российская история. В пользу российского юношества. М., 1814. 112 с.
461. Строев П. М. Краткая Российская история для начинающих. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1819. 189 с.
462. Строев С. М. (Скромненко С.). О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей // Сын Отечества. 1835. № 11. С. 19–42.
463. Строев С. М. (Скромненко С.). О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834. 67 с.
464. Строев С. М. (Скромненко С.). О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей // Сын Отечества. 1835. № 11. С. 184–207.
465. Строев С. М. О пользе изучения Российской истории в связи со всеобщей // Ученые записки имп. Московского университета. 1834. № 7. С. 65–93.
466. Строев С. М. (Виноградов В.). О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории от основания государства до смерти Игоря // ВЕ. 1830. № 17 / 18. С. 17–33.
467. Строев С. М. (А. О.). О феодальной системе в Европе // ВЕ. 1829. № 19. С. 175–183.
468. Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. 386 с.
469. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. В 10 ч. М., 1782. Ч. 10.
470. Сыромятников Б. И. История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. Вып. 4. С. 5–18.
471. Талызин М. И. Краткая история России, с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах. СПб., 1815. Ч. 1. 346 с.

472. Тарановский Ф. В. Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». Т. 1. 1909 г.; Т. 2. 1908 г. (Изд. 3-е). Юрьев, 1911. 114 с.
473. Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Варшава, 1902. 53 с.
474. Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. 500 с.; То же. М.; Л., 1963. Т. 2. 352 с.; То же. М.; Л., 1964. Т. 3. 340 с.; То же. М.; Л., 1964. Т. 4. 556 с.; То же. М.; Л., 1965. Т. 5. 344 с.; То же. М.; Л., 1966. Т. 6. 437 с.; То же. Л., 1968. Т. 7. 484 с.
475. Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. 464 с.
476. Тельберг Г. Г. Исторические формы монархии в России. М., 1914. 17 с.
477. Тельберг Г. Г. Несколько замечаний о междукняжеских сменах в древней Руси // ЖМНП. 1905. № 6. С. 332–338.
478. Тимаев Н. М. Краткая русская история. 862—1862. СПб., 1862. Вып. 1. 152 с.
479. Тимаев Н. М. Краткое изложение русской истории. СПб., 1858. 190 с.
480. Тихомиров Д. И. Из истории родной земли. М., 1996. 352 с.
481. Тихомиров Д. И. История нашего царства в кратких рассказах. СПб., 1891. Кн. 1. 24 с.; Кн. 2. 30 с.; Кн. 3. 23 с.
482. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. 680 с.
483. Тобин Э. Введение в историю русского права // ЖМНП. 1845. № 10. С. 65–80.
484. Тобин Э. Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 года // ЖМНП. 1847. № 6. С. 165–192.
485. Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. 258 с.
486. Толстой М. В. Рассказы из истории русской церкви. Изд. 2-е. М., 1870. 534 с.; То же. М., 1991. 736 с.
487. Тредьяковский (Тредиаковский) В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. 776 с.
488. Трощина К. Е. История судебных учреждений в России. СПб., 1851. 388 с.
489. Тюрин А. Ф. Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси. СПб., 1850. 90 с.
490. Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1811. Ч. 1. 156 с.; То же. Харьков, 1812. Ч. 2. 299 с.

491. Устрялов Н. Г. Начертание русской истории, для учебных заведений. СПб., 1839. 362 с.; То же. Изд. 10-е, доп. СПб., 1857. 312 с.
492. Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года. В 2 ч. Петрозаводск, 1997. 958 с.
493. Ушаков Н. Краткая русская история. Изд. 4-е, испр. СПб., 1866. 23 с.
494. Ушаков С. И. Российская история от Рюрика до дней ныне благополучно царствующего государя императора Александра I Павловича, служащая для украшения сердца и памяти юношества. СПб., 1811. 206 с.
495. Фармаковский В. Русская история. Изд. 4-е. М., 1880. 222 с.; То же. Владимир, 1995. 256 с.
496. Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890. 233 с.
497. Филевич И. П. История древней Руси. Варшава, 1896. Т. 1. 384 с.
498. Филиповский Е. Пантеон Российских государей. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей Российских, царей, императоров и их пресветлейших супругов и детей. М., 1805. Ч. 1. 169 с.
499. Филиппов А. Н. История русского права. Конспект лекций. М., 1905. Ч. 1. Вып. 1. 290 с.; Юрьев, 1906. Вып. 2. 352 с.; Вып. 3. 296 с.
500. Филиппов А. Н. Лекции по истории русского права. Юрьев, 1904. Ч. 1. 608 с.
501. Филиппов А. Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Юрьев, 1907. Ч. 1. 732 с.; То же. Изд. 4-е, изм. и доп. Юрьев, 1912. Ч. 1. 796 с.
502. Фрейер И. Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней Российской истории, для употребления учащегося юношества с немецкого на российской язык переведена, исправлена и умножена / Х.А. Чеботарев. М., 1769. 574 с.
503. Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. 704 с.
504. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.
505. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. 159 с.
506. Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственной, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. 280 с.
507. Фроянов И. Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. 976 с.

508. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. 276 с.
509. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 272 с.
510. Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. 516 с.
511. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Изд. 4-е. М., 1911. Т. 1. 404 с.
512. Хомяков А. С. Сочинения. В 2 т. М., 1994. Т. 1. 592 с.
513. Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867. 263 с.
514. Чеботарев Х. А. Вступление в настоящую историю о России // ЧОИДР. 1847. № 9. Отд. 3. С. 1–23.
515. Чеглоков П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 1–104.
516. Числов П. И. Курс истории русского права. Введение. Ч. 1. История источников права. М., 1914. Вып. 1. 160 с.; То же. Ч. 2. История институтов права. Кн. 1. История государственного права. М., 1915. Вып. 2. С. 161–366.
517. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. 592 с.
518. Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. 389 с.
519. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. 553 с.
520. Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1781. Т. 1. Кн. 1. 564 с.
521. Чулков М. Д. История краткая российской торговли. М., 1788. 314 с.
522. Шамин Д. Краткая русская история. М., 1875. 31 с.
523. Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от най-давнейших времен до року 1453. Львов, 1863.
524. Шахматов М. В. Опыты по истории древне-русских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Кн. 1. Начало соборности. Кн. 2. Начало единоличной власти. Прага, 1927. 574 с.
525. Шашков С. С. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 1. 894 с.; Т. 2. 668 с.
526. Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 247–288.

527. Шелгунов Н. В. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1. 852 с.
528. Шлецер А. Л. Изображение Российской истории / Пер. с фр. Н. Назимов. СПб., 1769. 15 с.
529. Шлецер А. Л. Краткое изображение Российской истории / Пер. с фр. М., 1805. 58 с.
530. Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные / Пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809. Ч. 1. 717 с.; То же. СПб., 1816. Ч. 2. 832 с.; То же. СПб., 1819. Ч. 3. 686 с.
531. Шмурло Е. Ф. История России. 862—1917. М., 2001. 624 с.
532. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. В 4 т. СПб., 2000. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства. 544 с.
533. Шмурло Е. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1891. 243 с.
534. Шпилевский С. М. «История государства Российского» в отношении к истории русского права. Казань, 1866. 50 с.
535. Шпилевский С. М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. Казань, 1862. 78 с.
536. Шпилевский С. М. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // Юридический журнал. 1861. № 5. Январь.
537. Шпилевский С. М. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. 388 с.
538. Шпилевский С. М. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866. 247 с.
539. Штриттер И. Г. (Стриттер И. М.). История Российского государства / Пер. с нем. М. А. Матинского. СПб., 1800. Ч. 1. 635 с.
540. Штрубе де Пирмонт Ф. Г. (Струбе Ф.). Разсуждение о древних россиянах / Пер. с фр. Л. Павловской. М., 1791. 192 с.
541. Штрубе де Пирмонт Ф. Г. (Струбе Ф.). Слово о начале и переменах Российских законов в торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийской в публичном собрании Санкт-Петербургской императорской Академии наук говоренное / Пер. с фр. С. Нарышкина. СПб., 1756. 34 с.
542. Шуф А. К. Рассказы и биографические очерки из русской истории. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1870. 172 с.
543. Щапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905 – 1908 гг. Иркутск, 1937. 380 с.
544. Щапов А. П. Сочинения. В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. 803 с.
545. Щапов А. П. Неизданные сочинения. I. Общий взгляд на историю великорусского народа. II. О конституции. Казань, 1926. 58 с.

546. Щебальский П. К. Начало Руси. СПб., 1862. 37 с.
547. Щебальский П. К. Русская история для грамотного народа и для начальных училищ. Варшава, 1876. Вып. 1. 36 с.; Вып. 2. 24 с.
548. Щекатов А. Картина России, изображающая историю и географию, хронологически, генеалогически и статистически со включением обозрения по духовной, военной и гражданской ее частям, как в перво-бытном ее состоянии, так и в царствование государя императора Александра I. М., 1807. Ч. 1. 364 с.; То же. Ч. 2. 420 с.
549. Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерала майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклера. М., 1789. 151 с.
550. Щербатов М. М. Примечания на Ответ господина генерал майора Болтина на Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащие в себе любопытные и полезные сведения для любителей Российской истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений критики и охулений. М., 1792. 624 с.
551. Щербатов М. М. Сочинения. История Российская от древнейших времен. В 7 т. СПб., 1901. Т. 1. 506 с.; Т. 2. 780 с.
552. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835. 422 с.
553. Эверс И. Ф. Г. Предварительные критические исследования для Российской истории / Пер. с нем. М. Погодина. М., 1825. 356 с.
554. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998. 480 с.
555. Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великия и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последовавшие и описание на Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. В 3 т. СПб., 1767. Т. 1. 452 с.; СПб., 1768. Т. 2. 522 с.; СПб., 1769. Т. 3. 460 с.
556. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. 680 с.
557. Ясинский М. Н. Закупы Русской Правды и памятников западно-русского права // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Изд. под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 430–465.
558. Ясинский М. Н. Лекции по внешней истории русского права. Киев, 1898. Вып. 1. 162 с.

559. Ясинский М. Н. «Село» и «вервь» Русской Правды. Киев, 1906. 23 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Исторические, политико-экономические и философские произведения декабристов // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. С. 731–744.
2. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.). М., 1973. 476 с.
3. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века). М., 1976. 456 с.
4. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). М., 1985. 272 с.
5. Ананьич Б. В., Панях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С. 105–113.
6. Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 5–38.
7. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. 584 с.
8. Багалец Д. И. Русская историография. Харьков, 1911. Ч. 1. 185 с.; Ч. 2. 462 с.
9. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. 344 с.
10. Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. 224 с.
11. Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики (Летописцы России). М., 1997. 320 с.
12. Бестужев-Рюмин К. Н. Лекции по русской историографии. СПб., 1882. 225 с.
13. Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории, как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 2–132.
14. Бешенковский Е. Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 272–289.
15. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. 216 с.

16. Боярченков В. В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20—70-х годов XIX века. СПб., 2005. 256 с.
17. Вакулина Е. Н. Исторические взгляды И. Д. Беляева // Беляев И. Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 2002. С. 3–57.
18. Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. 664 с.
19. Валк С. Н. О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. ст., посв. Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 169–176.
20. Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой исторической литературы // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 66–73.
21. Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. 351 с.
22. Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. 288 с.
23. Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. 448 с.
24. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. 462 с.
25. XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века / Под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л., 1969. 356 с.
26. XVIII век. Сборник 12. А. Н. Радищев и литература его времени / Под ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1977. 260 с.
27. XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX века / Под ред. Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко. Л., 1981. 296 с.
28. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953. 568 с.
29. Гутнов Д. А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 40–53.
30. Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 62–119.
31. Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. Изд. 2-е, доп. Киев, 1910. 335 с.
32. Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской исторической науке. М., 1905. 32 с.
33. Дружинин Н. М. Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского // Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 312–329.

34. Евгений (Болховитинов Е. А.). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. 328 с.; Т. 2. 290 с.
35. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. Изд. 2-е, испр. М., 1987. 254 с.
36. Журов Ю. В. Проблемы методологии истории. Брянск, 1996. 142 с.
37. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века. Тюмень, 2004. 208 с.
38. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999.
39. Загоскин Н. П. Наука истории русского права. Ее вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891. 530 с.
40. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. 160 с.
41. Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // ИЗ. М., 1961. Т. 69. С. 178–196.
42. Зиновьев А. З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827. 72 с.
43. Иванов В. В. Методология исторической науки. М.: Высш. шк., 1985. 168 с.
44. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3 т. М.: Республика; ГЕРРА, 1997. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 400 с.; Т. 3. 368 с.
45. Иконников В. С. Общий взгляд на развитие науки русской истории // Киевские университетские известия. 1868. № 10. С. 1–22.
46. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. 1283 с.; Киев, 1892. Т. 1. Кн. 2. 1016 с.; Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. 1113 с.; Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. 1054 с.
47. Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVIII веке. Харьков, 1867. 27 с.
48. Иконников В. С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. 106 с.
49. Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. 160 с.
50. Иллерицкий В. Е. Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953. 256 с.
51. Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеро-демократов. М., 1963. 440 с.
52. Иллерицкий В. Е. О государственной школе в русской историографии // ВИ. 1959. № 5. С. 141 – 159.

53. Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974. 352 с.
54. Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. 192 с.
55. Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971. 460 с.
56. Кабанов П.И. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954. 88 с.
57. Камынин В. Д., Тертыйшный А. Т. К вопросу о научных школах в истории исторической науки // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000.
58. Кареев Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910. 145 с.
59. Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М., 2004. 512 с.
60. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. 216 с.
61. Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. 269 с.
62. Ключевский В. О. И. Е. Забелин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 371–379.
63. Ключевский В. О. И. Н. Болтин. Памяти И. Н. Болтина // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 234–261, 262–273.
64. Ключевский В. О. К. Н. Бестужев-Рюмин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 352–370.
65. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 185–233.
66. Ключевский В. О. М. П. Погодин // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 280–297.
67. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Он же. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 303–320.
68. Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. 219 с.
69. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 439 с.
70. Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. 224 с.
71. Козлов В. П. Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, доп. М., 1985. 176 с.

72. Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. 272 с.
73. Козлов В. П. Российская археография в конце XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999. 416 с.
74. Колесник И. И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993. 207 с.
75. Колесник И. И. Развитие историографической мысли в России XVIII — первой половины XIX века. Днепропетровск, 1990. 81 с.
76. Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001.
77. Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000.
78. Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40—70-е годы X века. М., 2000. 296 с.
79. Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. 384 с.
80. Костомаров Н. И. Русская историческая литература в 1876 г. // Он же. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. Т. 16. Доп. С. 105–132.
81. Коча Л. А. С. М. Соловьев о новгородской истории // НИС. 1 (11). Л., 1982. С. 113–118.
82. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. 688 с.
83. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // ОИ. 1994. № 3. С. 143–158.
84. Кудрявцев И. А. «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 211–249.
85. Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 246–262.
86. Лаппо И. И. Современное состояние науки русской истории и задача ее университетского преподавания. Юрьев, 1906. 20 с.
87. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.
88. Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1870. Вып. 1. 136 с.; Киев, 1874. Вып. 2. 200 с.

89. Литературное наследие декабристов / Отв. ред. В. Г. Базанов, В. Э. Вацуро. Л., 1975. 400 с.
90. Мавродин В. В. Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // ВИ. 1967. № 12. С. 53–72.
91. Мавродин В. В. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси // ИСССР. 1962. № 1. С. 52–73.
92. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. В. И. Ленин и некоторые проблемы истории Киевской Руси // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1970. № 8. Вып. 2. С. 84–90.
93. Максимович Г. А. Литературные мнения о сущности государственных отношений древней Руси // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 1. С. 216–225.
94. Малинов А. В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003. 240 с.
95. Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997.
96. Мельникова О. М. Научные школы в археологии: Автореф. дис. ...-дра ист. наук. Ижевск, 2004. 57 с.
97. Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. 544 с.
98. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М., Брянск, 1996. 186 с.
99. Михальченко С. И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994. 77 с.
100. Михальченко С. И. М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // ВИ. 1993. № 6. С. 162–170.
101. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989. 175 с.
102. Морошкин Ф. Л. Ученые труды по части истории русского законодательства // Ученые записки имп. Московского университета. 1835. Ч. 10. С. 145–147.
103. Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 128–160.
104. Муравьев В. А. Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 313–321.
105. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

106. Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. № 1–2. С. 93–174.
107. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. 640 с.
108. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. 744 с.
109. Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 692 с.; То же / Гл. ред. М. В. Нечкина. М., 1960. Т. 2. 862 с.; То же. М., 1963. Т. 3. 832 с.
110. Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. 360 с.
111. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. 400 с.
112. Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. 775 с.; СПб., 1873. Т. 2. 1042 с.
113. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. 579 с.; Т. 2. 694 с.
114. Петров А. В. Княжеская власть на Руси X—XII вв. в новейшей отечественной историографии (1970—1980) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1983. С. 82–90.
115. Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Изд. 2-е, перераб. Киев, 1976. 180 с.
116. Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. 276 с.; То же. Л., 1965. Ч. 2. 344 с.; То же. Л., 1971. Ч. 3. 175 с.
117. Пештич С. Л. «Синописис», как историческое произведение // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284–298.
118. Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова (Критический очерк). Киев, 1984. 192 с.
119. Пирумова Н. М. Исторические взгляды А. И. Герцена. М., 1956. 152 с.
120. Пичета В. И. Введение в русскую историю (источники и историография). М., 1923. 206 с.
121. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Кн. 1 // Он же. Сочинения. В 24 т. М.; Л., 1925. Т. 20. 363 с.
122. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Кн. 2 // Он же. Сочинения. В 24 т. М.; Л., 1925. Т. 21. 296 с.
123. Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Он же. Избранные произведения. В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. С. 277–368.

124. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 1. 326 с.; Вып. 2. 448 с.
125. Попков Б. С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974. 212 с.
126. Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995.
127. Пузанов В. В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. С. 204–211.
128. Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995. 194 с.
129. Ровнякова Л. Н. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Долленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. / Отв. ред. М. П. Алексеев. М.; Л., 1963. С. 58–94.
130. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941. 660 с.
131. Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Изд. 2-е, перераб., доп. Киев, 1990. 212 с.
132. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. 256 с.
133. Сахаров А. М. Методология истории и историография (статьи и выступления). М., 1981. 216 с.
134. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. 736 с.
135. Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996. 332 с.
136. Селлий А. Б. Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю / Пер. Е. Болховитиновым. М., 1815. 69 с.
137. Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. 280 с.
138. Соловьев К. А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX — первой половины XV в. Историографические очерки. М., 1998. 105 с.
139. Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 39–69.

140. Соловьев С. М. Каченовский Михаил Трофимович // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 2000. Кн. 23. Заключительная. С. 69–83.
141. Соловьев С. М. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 43–186.
142. Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 187–259.
143. Соловьев С. М. Шлецер Август Людвиг // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 277–313.
144. Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление // Он же. Сочинения. В 18 кн. М., 1995. Кн. 16. С. 314–352.
145. Сонцов Д. П. Справочная книга для занимающихся удельным периодом русской истории. 1015—1238. М., 1869. 42 с.
146. Старчевский А. В. Н.М. Карамзин. СПб., 1849.
147. Старчевский А. В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845.
148. Старчевский А. В. Русская историческая литература в первой половине XIX в. Карамзинский период с 1800 по 1825 г. // Библиотека для чтения. 1852. Т. 112. № 1, 3. С. 49–108.
149. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. 427 с.; СПб., 1875. Вып. 2. 584 с.; СПб., 1876. Вып. 3. 453 с.; СПб., 1878. Вып. 4. 522 с.; СПб., 1880. Вып. 5. 432 с.; СПб., 1882. Вып. 6. 512 с.; СПб., 1885. Вып. 7. 648 с.; СПб., 1887. Вып. 8. 493 с.
150. Сыромятников Б. И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. 26 с.
151. Сыромятников Б. И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71–97.
152. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с.
153. Умбрашко К. Б. Научные школы XIX в. в современной историографии // Изучение истории России: Наиболее актуальные историографические тенденции. Материалы 33-й Всероссийской заочной научной конференции / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2004. С. 32–36.
154. Устрялов Н. Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. 84 с.
155. Федоров В. А. Крестьянский демократ-шестидесятник П. А. Мартянов // Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 144–156.
156. Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967. 260 с.

157. Федотов А. Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839. 108 с.
158. Федотов Г. П. Россия Ключевского // Он же. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 329–348.
159. Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. 488 с.
160. Формозов А. А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. 240 с.
161. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. 226 с.
162. Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии XVIII — начала XX в. (к постановке вопроса) // Русский город / Под ред. В. Л. Янина. М., 1984. Вып. 7. С. 57–88.
163. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. 336 с.
164. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. 256 с.
165. Цамутали А. Н. Идеи декабристов и русская историография XIX в. // ИЗ. М., 1975. Т. 96. С. 315–337.
166. Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // НИС. 1 (11). Л., 1982. С. 96–112.
167. Цамутали А. Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX в. // Историческое познание: традиции и новации: Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26–28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 166–168.
168. Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971. 252 с.
169. Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. 272 с.
170. Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблемы отечественной истории периода феодализма // ВИ. 1962. № 1. С. 34–66.
171. Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. 344 с.
172. Черепнин Л. В. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России // ИСССР. 1967. № 6. С. 77–99.
173. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. 308 с.

174. Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — начала XX в. // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.
175. Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли. И. Н. Болтин. М., 1983. 151 с.
176. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1993. 764 с.
177. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. 424 с.
178. Шевцов В. И. Вопросы древнерусской истории в сочинениях С.М. Строева // История и историки. Историографический ежегодник. 1977. М., 1980. С. 311–321.
179. Шевцов В. И. Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975. № 3. С. 55–70.
180. Шевцов В. И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 6–24.
181. Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. 224 с.
182. Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. 304 с.
183. Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 45–61.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
АН — Академия наук
ВЕ — Вестник Европы
ВИ — Вопросы истории
ВУИ — Варшавские университетские известия
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
ИСССР — История СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет
НИС — Новгородский исторический сборник
ОИ — Отечественная история
РАН — Российская Академия наук
РГУ — Российский государственный гуманитарный университет
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом)
УдГУ — Удмуртский государственный университет
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

Научное издание

Дербин Евгений Николаевич

ИНСТИТУТ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ
IX — НАЧАЛА XIII ВЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТ-
ВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тех. ред. Пермякова С.С.

Корректор Григорьева Е.Ю.

Компьютерный набор и верстка Шестакова Э.О.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 11.02.2008 Формат 60×84 1/16

Печать офсетная. Гарнитура «Times»

Усл. печ. л. 16,75 Уч.-изд. л. 14,87

Тираж 500 экз. Заказ № 2

Издательский дом «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2